

Натали Бизанс

Блуждание

Сага «Исповедь». Книга шестая

Натали Бизанс

**Блуждание. Сага
«Исповедь». Книга шестая**

«Издательские решения»

Бизанс Н.

Блуждание. Сага «Исповедь». Книга шестая / Н. Бизанс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934405-2

«Уникальная книга, где история переплетается с мистикой, а чувства любящих героев, как вулканы, завораживают своей огненной мощью и красотой. Роман удивительно живой, наполнен благородством, страданиями и бесконечной, романтической любовью. Он скрашивал мои вечера, увлекая судьбами героев, зачаровывая Душу необыкновенным сюжетом, магией и волшебством, а также глубокой философией познания мира, Души, отношений и бесконечной любви к Богу и всему сущему на Земле». Анна Серпокрылова

ISBN 978-5-44-934405-2

© Бизанс Н.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 1	6
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 2	9
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 3	11
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 4	13
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 5	14
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 6	15
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 7	17
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 8	20
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 9	22
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 10	24
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 11	26
ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 12	28
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 1	30
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 2	32
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 3	34
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 4	36
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 5	38
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 6	41
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 7	43
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 8	44
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 9	46
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 10	48
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 11	50
ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 12	53
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 1	57
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 2	60
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 3	63
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 4	66
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 5	70
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 6	73
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 7	75
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 8	76
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 9	79
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 10	81
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 11	83
ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 12	86
ЧАСТЬ 4. ГЛАВА 1	88
ЧАСТЬ 4. ГЛАВА 2	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Блуждание Сага «Исповедь». Книга шестая

Натали Бизанс

© Натали Бизанс, 2019

ISBN 978-5-4493-4405-2 (т. 6)

ISBN 978-5-4493-4404-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 1

Залитая солнцем поляна благоухала цветочным ароматом. В траве стрекотали кузнечики. Пчёлы и шмели без устали жужжали по соседству, увлечённые своими заботами. Лупоглазые стрекозы подлетали к пруду и, любуясь своим отражением в гладком зеркале воды, разминали свои перламутровые крылышки. Роса сошла, и настала пора собирать солнечные цветки арники, этим летом их возшло немало.

Тихо напевая бретонскую песенку, девица на выданьи, засучив рукава, заготавливала лечебные травы. Благодаря своему умению читать и писать даже по латыни, она с недавних пор стала незаменимой помощницей местного аптекаря, месье Гинэля. К тому же у нее была редкая способность выбирать нужные растения, именно ее сборы приносили быстрое облегчение больным, и порошки старенького аптекаря теперь славились на всю округу. Из-под белоснежного кружевного накрахмаленного куаффа* выбивались непослушные огненно-красные локоны и трепетали на ветру. Скромное, но всегда чистое и благоухающее платье облегалo гибкий стан и подчёркивало изящную талию, спелая, как сочное яблоко, она притягивала к себе взгляды мужчин от мала до велика.

– Эй, красавица! Тебя не найти! – темноволосый парень снял чёрную шляпу и протёр рукавом влажный лоб, на нём была белоснежная рубашка с вышивкой и тёмный праздничный костюм, который он одевал только по особым случаям.

– Никак свататься идёшь! – Жюзьен засмеялась, – и кто же та счастливица, которую мой братец удостоил внимания? – она вновь нагнулась к высоким зарослям некошенной травы.

– Ты и не поверишь! – в карих глазах вспыхнули шаловливые искорки.

– Ну-ка, ну-ка, рассказывай!.. – она выпрямилась, поправив передник, и наконец-то взглянула на старшего из своих названных братьев. Жёлтые цветы в её руках с ещё неочищенными грязными корешками дрогнули от этого пламенного взгляда.

– Не делай вид, что ничего не понимаешь! – Адриан надел шляпу, и тщательно выбритые щёки его густо покраснели.

Жюзьен надеялась, что этот разговор никогда не случится, но момент настал, они были наедине, и бежать было некуда. Восемь лет она прожила под крышей гостеприимного дома семьи Калян, обогретая материнской любовью Катарины, в строгости воспитанная Ронаном, под пристальным вниманием братьев, которым давно пора было обзавестись семьями.

– Жюзьен, мне не нужно никого искать, ибо всё, чего я хочу – совсем рядом.

– Ради Бога, не начинай! – она рванулась уйти, но крепкие руки молодого человека не позволили сделать этого. Цветы упали.

– Я давно и безнадежно влюблён и никого не замечаю вокруг, – его пылкое дыхание обожгло её бледную кожу, которая даже на солнце никогда не приобретала загар.

– Ты должна мне дать ответ сегодня, сейчас, я так больше не могу!

– Адриан, ты спятил! Мы выросли вместе, я люблю тебя как брата, точно так же, как Реми! Не заставляй меня уходить...

Горячие губы не дали ей ничего сказать, страстный поцелуй прервал слова. Непонятная слабость разлилась по телу, и руки, поначалу ударяющие парня, безвольно поникли.

Столько лет он мечтал об этом, но не смел прикоснуться к ней под ревнивыми взглядами брата. Адриан пытался бороться с любовью, но ничего не спасало его от пламени, обуявшего душу и тело. И теперь он решил: или всё, или ничего. Подтолкнуло его к этому случайно услышанное накануне признание, что Реми жаждет родительского благословения на женитьбу. «Ну уж нет, не бывать этому, братец! Она – моя, и по старшинству я имею право первенства, чтобы жениться. Найдёшь себе другую! За Жюзьен я кому хочешь глотку перегрызу!» – подумал он

тогда и решил, что медлить некуда. Если получит отказ – уйдёт из дома, как раз набирают рекрутов в армию, и уж лучше погибнуть в бою, чем сходить с ума от несбыточной страсти.

Голова закружилась, сладкая нега разлилась по телу, Жюзьен прислушивалась к себе и не понимала, откуда это в ней?! Стало трудно дышать, и она сама расстегнула несколько верхних пуговиц на платье, что Адриан понял по-своему, и его шершавая от работы ладонь проникла к нежной девичьей груди. Новые, неведомые доселе, ощущения овладели молодыми людьми. Жюзьен не сопротивлялась, дремавшие в ней от рождения силы взяли верх над разумом. Настойчивые губы не давали опомниться и произнести хоть слово, нежные руки, всё более смелые, разжигали кровь. Адриан стал за эти годы родным ей человеком. Его знакомый запах опьянял. Страсть обуяла обоих.

Солнце согревало обнажённые тела, лёгкий ветерок обдувал разгорячённую кожу, всё так же жужжали поблизости пчёлы и шмели, стрекотали в траве цикады. Позабыв обо всём, отдавшись инстинктам, он и она познавали друг друга в новом для них плотском удовольствии.

– Люблю тебя, – шептал Адриан и, причинив ей боль, не мог сдержать радости, – моя, теперь ты – моя, раз и навсегда, слышишь?! – карие глаза плавилась от любви, наполняясь карамельным светом.

Тёмная родинка у виска, длинные ресницы, упавшая на лоб прядь каштановых волос, колкая щетина на его щеках, пульсирующая жилка на шее, волосатая мужская грудь, всё это Жюзьен увидела в другом свете, отдельными фрагментами необыкновенного ослепительного чувства. Боль быстро прошла, и стало приятно.

Осознавала ли она, что произошло? Было ли случившееся правильным? Какими будут последствия? Какая теперь разница. В эти минуты никто из них не был в состоянии думать трезво, столь ошеломительными и яркими оказались ощущения.

Вновь и вновь погружаясь в пучину наслаждения, Адриан шептал её имя, и вдруг с ним что-то произошло, содрогаясь, словно от судороги, он закричал, и этот голос эхом разнёсся по внезапно затихшей округе. Даже птицы замолчали на мгновение, и Жюзьен внезапно поняла: случившегося уже не исправить, и теперь она должна выйти замуж за этого человека. Но любит ли она его? Будет ли с ним счастлива? Готова ли она принести себя в пожизненную жертву этому человеку?.. Тысячи вопросов навалились на неё, подобно стае чёрных воронов, и расклевали призрачное счастье.

Адриан же был на седьмом небе, где не возникает сомнений и угрызений совести. Он сжал её ещё раз в объятиях и откатился на спину, оставив лежать полуобнажённую и опозоренную. Жюзьен судорожно поправила на себе одежду и дрожащими пальцами начала застёгивать пуговицы на груди.

– Чего ты испугалась, глупышка?! – Адриан приподнялся и рукой, уже имеющей на это право, вновь притянул её к себе.

Губы у Жюзьен задрожали, а в зелёно-медовых глазах заблестели слёзы.

– Что теперь будет? – тихо произнесла она.

– Что будет? Свадьба, конечно! Или ты думаешь, что я тебя брошу?! – он рассмеялся. – Теперь ты моя, и никто не посмеет забрать у меня мою драгоценную жёнушку!

– А как же Конег и Бастиан?

– А что с ними не так?

– Я думала, что когда выйду замуж, смогу забрать их из приюта!

– Милая, ты же знаешь, у нас нет места ещё для двоих... Придётся подождать, пока обзаведёмся собственным домом.

– Ты обещаешь, что мы заберём потом моих братьев?

– Разве может быть иначе?... – крепкие мужские руки прижали её к себе. – Ты мне веришь?

Она не знала, что ответить, и только кивнула головой.

– Собирайся! Пойдём к родителям, надо их обрадовать...

*куафф – традиционные головные уборы женщин Бретани.

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 2

Катарин хлопотала у плиты, Ронан чинил прохудившуюся старую обувь. Адриан впихнул в комнату оробевшую Жюзьен и громким торжествующим голосом объявил:

– Встречайте, родители, я привёл невесту!

Мать и отец оглянулись.

– Ну, и где же она?

– Прошу любить и жаловать, это – Жюзьен.

– Что это Жюзьен – мы знаем, невеста где? – Ронан нахмурил брови, отказываясь верить услышанному.

– Отец, я люблю её, и мне больше никто не нужен, к тому же, мы все давно привыкли друг к другу, разве можно найти лучшую жену, чем наша Жюзьен?

Катарин уронила половник и застыла с выражением ужаса на лице.

– И речи быть не может, – сухо ответил Ронан и, забил ещё один маленький гвоздик в подошву.

– Это почему?! – молодой человек оторопел.

Жюзьен, стоящая рядом с ним, залилась пунцовой краской от взгляда приёмной матери.

– Я уже дал слово, что ты женишься на дочери Гийома, – отец бросил молоток на стул, словно поставив в их разговоре жирную точку.

Жюзьен даже подпрыгнула от этого звука.

– Ничего у Вас не получится! Или Жюзьен станет моей женой, или я уйду из дома.

– И куда же ты отправишься? – отец смотрел на него, как на капризного ребёнка.

– Я уйду в армию. Да! Да! Лучше уж погибнуть, чем жить с нелюбимой!

В этот момент вернулся с пастбища Реми.

– Что за спор, вас со двора слышать?! – пытаюсь понять, что происходит, он с угасающей улыбкой окинул взглядом родные лица.

Мать стояла, ни жива – ни мертва, словно змею проглотила. Старший брат, полный решимости и гнева, почему-то держал за руку онемевшую и растрёпанную Жюзьен. Отец, подболевшись, сжав кулаки, мог убить всех одним взглядом. Повисшая в воздухе напряжённая тишина не предвещала ничего хорошего.

– Ты сделаешь так, как я сказал, иначе ты мне больше не сын, – прозвучали громовые разряды на высоких тонах. – Отпусти девчонку!

– Ни за что.

– Тогда убирайтесь оба!

Неожиданный грохот заставил всех вздрогнуть – Катарин упала. Все бросились к ней на помощь, забыв о своих разногласиях. Жюзьен бережно подложила под голову приёмной матери подушку.

– Не трогайте её, она сейчас придёт в себя, – девичьи руки с любовью погладили обескровленное лицо постаревшей женщины, она поцеловала её, словно родная дочь, с нежностью и лаской. Катарин ожила и, открыв глаза, увидела любимых людей, за каждого из которых не жалко и умереть, лишь бы в семье был покой и лад.

– Что случилось? – она хотела приподняться, но не смогла, сильная боль пронзила половину тела, а вторую она совсем не чувствовала.

– Помогите переложить маму на постель.

– Как ты себе это представляешь? – Реми показал на закрытую кровать*, куда залезть можно было лишь приподнявшись на скамью.

– Тогда на стол, – скомандовала Жюзьен. – Она не должна лежать на холодном полу!

Мужчины повиновались. Впервые на лице Ронана Жюзьен увидела страх. Кажется, все уже позабыли, о чём спорили, и теперь для них имело значение только одно – жизнь Катарин.

Тревога закралась в душу Жюзьен, и она безмолвно обратилась за помощью к невидимому другу, о существовании которого не признавалась даже себе самой.

«Отец, если ты есть, помоги ей!»

«Я не Господь Бог, дитя, – тут же последовал ответ, – так лучше для неё, она не сможет жить, потеряв тебя и сына.»

– Что же делать, Господи? – произнесла девушка, озвучив во всеуслышание вопрос, мучивший всех присутствующих.

– Нужно бежать к аптекарю! – предложил Реми.

– Всё, что знает и может аптекарь, я сама могу сделать, только нет средства от удара...

– Какого ещё удара? – Ронан с тревогой посмотрел на приёмную дочь.

– Половина её лица не двигается, значит, кровь ударила в голову. Мне очень жаль.

– Но есть же врачи! Я поеду в город...

– Здесь только время может помочь, а ещё наша любовь и забота.

– Много ты знаешь, девчонка, – Ронан начал собираться, – я привезу доктора!

– Реми, запрягай лошадь!

– Хорошо, отец.

Они вышли из дома.

– Плохи мои дела, да, детка?

Жюзьен вытерла набежавшую слезу.

– Всё будет хорошо, матушка, я не оставлю вас.

– У тебя доброе сердце, девочка! – Катарин дрожащей ладонью прикоснулась к лицу Жюзьен. – Я полюбила тебя как свою, ты дала мне так много счастья!..

– Не говори так, словно прощаешься с нами! – Жюзьен заплакала, Адриан обнял любимую за плечи.

– Дети, обещайте мне, что не станете противиться отцу!

– Мама, но я люблю её!

– Любовь приходит и уходит, а семья остаётся, это – самое главное, что есть у человека на земле. Я не хочу разлада между вами.

– Я обещаю тебе, мамочка! – Жюзьен всхлипнула и поцеловала руку, подарившую ей столько тепла и нежности.

Адриан упрямо молчал. Стоило ему только подумать о том, что он больше никогда не притронется к Жюзьен, как вся его жизнь блекла и теряла всякий смысл.

* Бретонская кровать «lit clos» – имела две закрывающиеся дверцы и больше напоминала шкаф, внутри которого находилась кровать. Такая сложная конструкция объяснялась необходимостью сохранять тепло в условиях сурового бретонского климата. Находясь в закрытом пространстве, человек согревал себя теплом собственного тела. Кровать могла состоять из двух ярусов.

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 3

Врач только подтвердил слова, уже сказанные Жюзьен, но ещё и забрал большую часть заработанных семьёй денег.

Сыновья сколотили для матери открытую кровать, чтобы было легче за ней смотреть. Жюзьен не отходила от больной без надобности ни на минуту, успевала по хозяйству, ухаживала за парализованной. Ронан погоревал-погоревал, да делать нечего, отправился вновь на заработки, прихватив с собой для надёжности Адриана. Младшему Реми строго на строго велел присматривать за Жюзьен и матушкой, глупостей не делать и держать ответ за каждую монету.

Вечерело. Свеча потрескивала на столе. Катарин спала. Лечебные отвары, которые ей собирала приёмная дочь, действовали умиротворяюще и притупляли боль затекшего без движения тела. Жюзьен штопала прохудившуюся рубашку брата, они уже поели и старались вести себя, как можно тише, чтобы не тревожить покой матушки.

Реми, переделавший за день столько работы, что хватило бы с лихвой и на двоих, устало вытянув ноги, смотрел на огонь в камине, время от времени бросая на приёмную сестру длинные, печальные взгляды. Ссутулившиеся плечи девушки, её задумчивость пугали. Он догадывался, что не просто так произошёл серьёзный разговор Адриана с отцом. Что-то случилось, и атмосфера в доме навсегда изменилась, причиной тому была не только болезнь матери, а некая тайна, о которой все молчали, но она не сулила ничего хорошего. Он отказывался даже думать о том, что это может быть. Но скверная мысль холодным липким прикосновением нет-нет, а и подкрадывалась к несчастному сердцу.

Эта девушка была его мечтой, тихой нежностью, которой он наполнялся доверху при одном воспоминании о Жюзьен. Ею грезил он бессонными ночами, ею сотни раз обладал во сне...

«Если Адриан хоть пальцем её тронул, я его убью, – думал Реми, и кулаки непроизвольно сжимались до хруста в костяшках. – Она – моя, только моя, и не может быть иначе!»

Словно прочитав его мысли, Жюзьен тяжело вздохнула.

– Вот, принимай, почти как новая! – он взял свою рубашку и, соприкоснувшись с прохладной девичьей рукой, внезапно поймал её и притянул к себе. Прислонив её ладонь к щеке, поцеловал тонкое запястье.

– Зачем ты так, Реми?! – тихим голосом произнесла Жюзьен, вырвавшись и внезапно покраснев.

– Спасибо за работу, – он вздохнул, сердце готово было выскочить из груди и разорвать все преграды между ним и той, которую он любил больше жизни.

Жюзьен поправила передник и отошла от него на безопасное расстояние. Но даже там она не могла не чувствовать, как вскипела в парне буйная бретонская кровь, как он тяжело и часто задышал, прожигая её глазами, словно она уже обнажена, и в комнате кроме них – никого.

Он всегда ей был ближе и понятнее Адриана, характер у Реми более нежный и покладистый, но «в тихом омуте черти водятся», уж ей-то хорошо было это известно.

«Эх, если бы Ронан был здесь! – подумала Жюзьен, даже не вспомнив про Адриана, потому что его присутствие после того, что случилось, тяготило её всё больше. – Он бы поставил сына на место. Но как же тянет к Реми! О Господи!» – испугавшись собственных желаний, она вновь покраснела до кончиков ушей. Домыв посуду, протёрла её чистым полотенцем и сложила в шкаф, оттягивая момент, чтобы лечь в кровать. Дело в том, что спала Жюзьен на нижней полке, а на верхней располагался Реми. Слушать его дыхание было сейчас опасно. Раньше её даже успокаивало его присутствие и посапывание во сне, когда она была ребёнком,

и мальчики смотрели на неё иначе, по-братски... – Эх, если бы можно было вернуть то славное время!»

Реми тоже не спешил в постель. Подошёл к матери, любовно поправил ей одеяло, подоткнув с боков, подбросил в огонь ещё несколько поленьев. Несмотря на лето, погода стояла прохладная, и каменный дом не прогревался.

Пылающий взгляд молодого человека остановился на спине Жюзьен, и она почувствовала его, даже оглянулась. Их тянуло друг к другу уже очень давно, но по какой-то нелепой ошибке в минуту затмения она не устояла перед старшим братом, хотя всегда предпочитала ему Реми. Он даже научился читать и неплохо писал, благодаря их занятиям, тогда как Адриану науки давались гораздо трудней. Реми всегда помогал ей, когда требовалась мужская сила, и улавливал её желания с полуслова. Но теперь уже ничего не поделать: она испорчена и таковою останется.

Адриан знает о ней то, что разобьёт сердце младшего брата на тысячи мелких осколков. Теперь она уже ничего не может изменить, и Реми ей этого никогда не простит.

«Как же тяжело быть молодой! Как трудно устоять, когда в созревшем теле бушует пламя...»

«Сегодня я вновь не засну, жажда терзает плоть и нет от неё спасения», – Реми вздохнул.

Вторя ему, вздохнула и Жюзьен, притихшая, робкая, словно напуганная чем-то.

«Так и хочется прижать её к груди, как маленькую птичку, согреть в своих ладонях. А завтра будет новый день, и всё повторится сначала. Отец не одобряет мысли о женитьбе, сказал, что прежде должен жениться Адриан, ему он уже выбрал невесту, отвергнув Жюзьен. А если и мне не позволят, что делать? Как сказал Адриан: „Сбегу из дома, лучше погибнуть на войне, чем жить с нелюбимой!“ Эту фразу Реми слышал переступая порог. Брат держал Жюзьен за руку, словно пойманную в силки, принадлежащую ему... Неужели между ними что-то есть? Нет! Мне не выдержать этой пытки! А если всё-таки что-то было, то как поступить тогда?» – Реми разрывало на части. Где-то в подсознании свербела мысль о том, что и он имеет на неё свои права. Если Жюзьен потеряла невинность, что удерживает его от удовлетворения желаний? Пусть она обещана, но ведь всё так же любима и желанна, даже больше, потому что теперь ревность разрывает душу на части, и нет сил терпеть...

«А вдруг она любит Адриана и предпочтёт с ним сбежать? Нет. Это не так, – Реми всегда чувствовал, что нравится Жюзьен больше. – Что же тогда случилось в тот злосчастный день? Что дало брату право думать, что она согласится выйти за него? Я его убью, если узнаю... Как он посмел? Ведь всегда знал о моих чувствах, даже подтрунивал над нами... Это сводит с ума!» – поток бурных мыслей только усиливал растущее напряжение.

Жюзьен забралась на свою полку и, накрывшись одеялом с головой, спряталась, даже не пожелав ему, как обычно, доброго сна. Матушка крепко спит, похрапывает. И тут Реми представил себе, что они с Жюзьен вдвоём под одним одеялом, и сердце наполнила сладкая истома. Ради этого и умереть не жалко, но не сейчас, не в доме, не рядом со спящей матерью. Он залез на верхнюю полку и тяжело вздохнул, прислушался к дыханию любимой, но ничего не слышал. Жюзьен притихла будто мышь под пристальным вниманием кота.

«Какой же я негодяй! – подумал он, испытывая угрызения совести. – Обидеть сироту – это всё равно, что продать душу дьяволу. Но разве любовь – оскорбление?...»

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 4

Вестей от отца не было, и вернуться они с Адрианом могли в любой момент, пока ещё в полях шли некоторые работы, но в целом сезон заканчивался. Реми поддерживал Жюзьен в чём только мог, успевал переделать мужскую работу и подсобить в заботах женских. Отец бы этого не одобрил. В семье всегда было чётко распределено, что и кому нужно делать, а остальное – не твоя забота. Но помыть и перевернуть мать в одиночку Жюзьен не могла, потому делали это вместе. С посудой и сама справилась бы, но ему приятно было получать из её рук мокрые тарелки и ласково их протирать. По вечерам читали вслух какую-нибудь книжку, что выпрашивала Жюзьен у аптекаря. Так день за днём ладно и складно протекала их незамысловатая жизнь.

Так бы и прожили её, не разлучаясь, в гармонии между собой. Всё чаще Жюзьен задумывалась о том, каким славным мужем стал бы для неё Реми, он всё чаще не спал по ночам, изводя себя неуголёнными желаниями, мечтами и ревностью...

Однажды они столкнулись в коровнике, где Жюзьен только что надоила ведро молока.

– Сестрёнка, дай попить, нет спасу от жары! – он распахнул рубаху, и глазам Жюзьен предстал крепкий юношеский торс. Захотелось прикоснуться к этим мышцам на животе и ощутить их упругость. Реми не без удовольствия уловил женский взгляд, и, напившись вдоволь парного молока, попросил полить ему водой, чтобы остудиться. Жюзьен с радостью исполнила его пожелание. Омывая студёной колодезной водой названного брата, слушая его фырканье в каскаде брызг, она вдруг поняла, что больше не может сопротивляться ни ему, ни себе. И когда он утёрся чистым льняным полотенцем, сама притянула его к сердцу. Свежескошенное сено пахло уходящим летом. Поцелуи Реми становились всё горячее. Голова кружилась от наслаждения. Он вёл себя иначе, чем Адриан, без напора и спешки, лаской и нежностью доводя её до полного иступления. Он дождался, пока Жюзьен сама потащит его на сено, пока снимет с него одежду и позволит обладать собой. В свои двадцать с небольшим, он вёл себя как опытный мужчина, ведомый лишь внутренним ощущением того, как должно это быть. Много раз он представлял себе, как это случится, но то, что происходило наяву, превзошло все его красочные ожидания. Жюзьен, разогретая до предела, позабыла стыд и без угрызений совести, отдала себя всецело тому, кого так долго желала.

«Ну, почему, почему это был не ты там на лугу, почему Адриан опередил тебя и всё испортил?! Почему я была такой безвольной и не ударила его при первом же посягательстве?» – думала она, прижимаясь к его горячей груди и слушая, как быстро стучит любящее сердце. Но и после любовной схватки, он не откатился от неё как Адриан, а продолжал нежно кончиками пальцев ласкать её.

– О чём ты думаешь? – Жюзьен заглянула в тёмно-карие, шоколадного цвета, глаза.

– Ни о чём... мне просто хорошо с тобой, и я наслаждаюсь тем, что есть, – его губы прикоснулись к её нежной шее, отчего мурашки пробежали по коже. – А ещё я хочу умереть...

Жюзьен вздрогнула.

– Умереть от счастья в твоих объятьях.

Она вспомнила про шёпот среди монашек перед похоронами отца Эдуарда: «Умер в объятьях женщины, позор-то какой!...»

– Никогда не говори так! – она вскочила и, собрав свои разбросанные вещи, начала быстро одеваться.

– Я чем-то тебя обидел?

– Нет. Просто не смей так никогда говорить!

– Как? Жюзьен, что я такого сказал?

Но она, не ответив, ушла, стирая с лица внезапно появившиеся слёзы.

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 5

Теперь они не могли спокойно пройти мимо друг друга, искра вспыхивала и моментально превращалась в пламя.

Катарин вскоре всё поняла, но у неё отнялась речь, и теперь она только мычала, качая головой... Страх за своих сыновей не давал покоя материнскому сердцу, и её самочувствие резко ухудшилось. А когда она увидела, что Реми ночью влез не на свою полку и дверцы кровати тихонечко задвинулись, утонула в слезах. Она до последнего отказывалась верить, но от очевидного не уйти, слишком пылкими стали взгляды, слишком нежными прикосновения. Прикованная к постели женщина с ужасом ждала возвращения мужа и Адриана, уже объявившего о своих чувствах к Жюзьен.

«Неужели на беду приютили мы эту сиротку? Что будет, когда Ронан узнает?...» Всем этим она не могла поделиться ни с кем, переживания переполнили душу, а всё, на что она была способна, это только мычать, словно старая корова, которой давно пора на бойню.

«Господи, забери меня, чтобы не видеть мне, как сыновья поубивают друг друга!» – отчаянно молилась Катарин, призывая смерть, и к утру отошла.

В эту ночь между Жюзьен и Реми ничего постыдного не было, они, прижавшись друг к другу, сладко спали, словно два утомлённых счастливых ребёнка. Они и понятия не имели о муках матери, и в неведении своём были безмятежны.

Крик петуха прозвучал, чуть заря коснулась небосвода. Реми проснулся, наполненный силами, впервые так крепко и полноценно отдохнув. Бессонница, мучившая его столько долгих ночей, испарилась в объятиях любимой. Расцеловав прекрасное лицо ещё дремавшей Жюзьен, нежно погладив её упругий стан на прощание, он тихо, чтобы не разбудить мать, приоткрыл дверцы кровати и вылез.

В комнате ещё был полумрак и полная тишина. Ничего не заметив, он отправился выгонять скотину на пастбище. Всё так же пели птицы, жужжали мухи, мычали коровы, кудахтали куры... Заперев калитку загона, он уже собирался идти, как услышал крик. Жюзьен бежала к нему со всех ног с растрёпанными волосами, содрогаясь от рыданий.

«Отец вернулся!» – подумал он, и сердце ёкнуло в груди.

– Мама, мамочка... – задыхаясь от бега, вся в слезах, повторяла Жюзьен, – она...

– Да, что с ней? Ты можешь сказать?!

– Она – холодная.

– Что? – его разум отказывался принимать очевидное. Реми встряхнул Жюзьен, – она замёрзла, ей холодно?

– Умерла.

– Нет. Не может быть! Я вставал утром, она спала, я видел...

– Ты её трогал?

– Нет, зачем? Я тихо ушёл, не хотел тревожить.

– Горе-то какое! – Жюзьен вновь захлебнулась слезами, прижавшись к его груди.

Реми застыл, словно камень, не в силах произнести хоть слово. Осознание случившегося поразило его, как молнией. Катрин, любившая его больше всех своих сыновей, умерла.

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 6

Из деревни послали гонца за Ронаном и его старшими сыновьями. Женщины помогли Жюзьен в последний раз омыть приёмную мать, красиво её одели. Катарин лежала, словно помолодевшая и сбросившая с себя груз забот и волнений, казалось, она вот-вот сейчас улыбнётся и, проснувшись, побежит хлопотать о своём любимом семействе, только нет лекарства от смерти и от этого сна никак не разбудить. Женщины плакали и причитали, церковный прислужник читал молитвы и псалмы. Пахло воском свечей, и горьковатый аромат букетов, принесенных соседями, привносил в печальную картину траура особенную торжественность. В других домах и на улице готовились поминки, люди несли, что имели. В похоронах, как и на свадьбах, участвовали все жители деревни, и это было делом чести. Мужчины готовили столы и скамьи, тут же на месте распиливая и сколачивая доски.

В доме и во дворе всё время кто-то был, даже ночью. Не было ни малейшей возможности поговорить с Реми, решить, как действовать дальше. Жюзьен участвовала во всех приготовлениях и лишь на ходу, мимолётно встречалась с возлюбленным глазами. Он не просто потерял мать, он не знал, что делать и как поступить. Тёмные круги легли под глазами, горе обрушилось на его плечи тогда, когда он этого не ждал и, придавленный его тяжестью, парень совсем растерялся. Пламя любви не погасло совсем, но с трудом тлело в его измученной сомнениями, ревностью и чувством вины душе.

К вечеру приехали старшие сыновья с жёнами и детьми на своих телегах, запряжённых лошадьми, жили они в соседних деревнях. Оба крупные, широкоплечие, с тёмными, как и у остальных братьев, волосами и карими, в отца, глазами. У одного жена была светленькая и голубоглазая, у другого шатенка. Детишки, как на подбор, мал мала меньше от грудничков до подростков. На Жюзьен никто особого внимания не обращал, знали, что есть приживалка, но она же не член семьи, а значит, и не разделяет их общего горя. Младшенького братишку любили, Реми был всегда ласков и добр со всеми, потому пользовался всеобщей симпатией и одобрением. Дом заполнился до отказа, но никто из соседей не позвал к себе на ночь сироту. Никто и не гнал Жюзьен, но она почувствовала себя лишней. Взобравшись в стог сена на краю поля, она долго плакала и горевала не только по усопшей, которая любила её, как родную, но и по своей, как ей казалось, утраченной любви.

«Сама всё испортила! Это я во всём виновата! Мало одного брата, теперь ещё и другой... Выгонят меня из дома, как паршивую собаку, и правильно сделают, так мне и надо!»

Тихий голос в глубине души упраскивал её успокоиться и говорил о вечной, безусловной любви, но она не хотела его слушать. Сама мысль о том, что отец Эдуард мог быть свидетелем всего произошедшего с нею – ввергала в ужас.

Нет, это только иллюзия, что он рядом и не оставил её. Нужен же хоть кто-то, в чьей любви она может быть уверена, вот и придумала себе некий призрак, что оберегает и хранит в трудный час...

Уже темнело, когда Ронан и Адриан подошли к дому, в окнах мелькали чьи-то тени, и всё показалось иным. Во дворе нагромождение столов, стульев, скамей, пахнет свежими досками и коптильной. В доме окна завешены тёмными тканями, прямо на семейном столе возвышается гроб, и везде люди, люди... их так много, что и слезы не пролить. А ведь всё, что хотелось сейчас вдовцу, – это остаться с женой наедине, дабы дать волю чувствам, проститься. Но не вынишь детей и внуков, не отправишь по чужим домам. Соседи успели помянуть усопшую, и их раскрасневшиеся лица хоть и сочувствуют его утрате, но уже навеселе...

Словно в тумане, Ронан подошёл к умершей, взглянул на её другое незнакомое лицо, потрогал сомкнутые холодные руки. Девятерых сыновей родила ему Катарин, да ещё и дочку прижила, на беду свою.

«Где эта чертовка? – Ронан обвёл глазами комнату и не нашёл ярко-красных волос. – Почему она не позаботилась о своей благодетельнице? Почему не спасла? Где бродит сейчас негодница, почему не рыдает у гроба? Адриан только о ней и думает, да и младший, похоже, тоже... Катарин, Катарин, на кого же ты меня оставила? Пятерых сыночков мы схоронили с тобой, ты за ними ушла! Горе мне, горе старому, без тебя свои дни доживать!...» – сердце болело, душа надрывалась, не было больше утешения и заботливой руки женской рядом. Все беды до этого они переживали вместе, а теперь, как жить одному?

Монотонный голос церковного прислужника-чтеца, приглушённый говор соседей, обсуждающих случившееся, духота вперемешку с запахом цветов, смерти, перегара и табака, – всё смешалось и поплыло, стало невыносимым. Сыновья помогли отцу выйти на свежий воздух, усадили, подали колодезной воды, все они готовы были подставить своё плечо овдовевшему родителю и сами глубоко скорбели о матери. Горе сближает. Забылись все разногласия, Адриан уже не смотрит озлобленно и Реми рядом с ним. Одно присутствие их уже даёт силы пережить беду.

«Старшие – совсем взрослые мужчины, отцы семейств, а эти, поздние – радость на старость... и те скоро улетят свои гнёзда вить. А мне одному, горемыке, маяться! С кем свой век доживать?! Почему ты меня покинула, Катарин?..» – скупые мужские слёзы стояли в глазах внезапно постаревшего Ронана, белая седина на висках стала ещё заметней, огрубевшие от тяжёлого труда руки безвольно повисли. Никто из них и не знал, что душа матери рядом ходит да пытается их утешить, никто и не заметил отсутствия Жюзьен, забывшейся в стогу глубоким тревожным сном. А жизнь несмотря ни на что продолжалась, и утром, как обычно, взошло солнце, запели петухи, замычали коровы в ожидании дойки, захрюкали поросята, заблеяли козы... Деревня ожила и засуетилась, ведь кроме ежедневных забот все ещё спешили на похороны доброй и благочестивой женщины, без которой этот мир всё же немного осиротел.

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 7

Ни свет ни заря Жюзьен уже доила корову, молоко струйками звенящими ударялось об металлическое ведро, куда падали и девичьи слёзы:

– Давай, милая, давай! Пусть знают, сколько ты у меня даёшь молока. А то вчера, видишь ли, и половины не надоили! Уметь надо к животине подходить! Что им скотина? Им и люди-то неважны! Скажи, милая, хоть кто-то заметил моё отсутствие? Брось, никому я не нужна, никто и слезы не прольёт, если сгину. Даже братья родные, и те уже обо мне позабыли наверняка!.. Только ты, душенька, и любишь! – ещё одна крупная слеза капнула в ведро, смешавшись с пенящимся молоком. И тут на сене кто-то зашевелился, Жюзьен вздрогнула и даже перестала доить. Настолько не ожидала она, что слова её кто-нибудь может услышать. Все гости спали в сарае на заготовленном свежем сене, а здесь его было не так уж и много – в основном для нужд коровки.

У Адриана из волос торчали соломинки, и вид был измученный дорогой и переживаниями.

– Что ты тут рыдаешь с утра пораньше?

– Вы вернулись?!

– Ещё вчера, где тебя носило?

Жюзьен вытерла рукавом мокрые дорожки на щеках и шмыгнула носом, ну, точно как в детстве, отчего названный брат невольно улыбнулся.

– Ну, что ты, что ты, глупышка! Все тебя здесь любят, а я так пуще других. И нашёл бы тебя, как пить дать, нашёл бы, если бы отцу не было так плохо. Боялись мы от него отойти, чуть не помер у гроба.

– Горе-то какое, Адриан! Покинула нас Катарин! – уже было высохшие слёзы с новой силой полились. Адриан обнял её, прижал к груди, и рубашка, помятая со сна, стала влажной. Сердце громко застучало, наполненное горячим чувством доверху, как ведро молоком.

– Горлинка моя, как истосковался я по тебе! Как умолял всё это время отца, чтобы разрешил он нам быть вместе!

Эти слова заставили её опомниться, и Жюзьен оттолкнула его.

– Не быть тому! Так и запомни, Адриан! Ты мне только брат!

– Что говоришь ты такое? Кто ж возьмёт тебя теперь?..

– А то не твоя забота! Я слово дала усопшей и буду его держать! Не смей больше даже приближаться ко мне!

Молодой человек, широко раскрыв глаза, оторопел:

– А как же наша любовь?

– Какая любовь? Тебе показалось, ошибку мы с тобой совершили тогда, страшную ошибку... Вот мама и заболела!

– Не смей так думать! Причём здесь это?

– А удар когда её хватил, помнишь? Когда ты с отцом из-за меня спорил. Женись на своей суженной, а про меня и думать позабудь! – схватив ведро, она выскочила из хлева, словно ужаленная. В доме уже все проснулись, кроме той, что лежала в гробу. Столкнувшись с Реми у порога, Жюзьен отпрянула от него, как чёрт от ладана. Поставила ведро с молоком возле очага и унесла ноги не оглядываясь, но парень её догнал за углом дома.

– Где ты была? Все думали, ты ушла, бросила нас.

– Кто думал? Ты?! Небось, даже не заметил моего отсутствия!

– Глупышка, я не мог подойти к тебе, был слишком занят...

– Хватит меня глупой называть! – Жюзьен даже топнула ногой от злости.

В этот момент Реми обнял её и, прижав к стене дома, страстно поцеловал. Кровь ударила в голову, не смогла его отвергнуть, слишком сильны были чувства и горячо желание.

С трудом оторвавшись от нежных губ её, Реми произнес:

– Делай вид, что ничего не случилось, пусть гости разъедутся, незачем им о наших делах знать да сплетни разносить. Я сам потом с отцом поговорю и с братом объяснюсь... Не время сейчас.

– Хорошо, – Жюзьен с трудом дышала, она всё больше и больше влюблялась, и горячее сердце пылало в груди.

Реми это видел и боялся, что девушка выдаст его раньше времени, а этого нельзя было допустить, только не сейчас, не в день похорон, когда отец и так убит горем... Он прикоснулся к её горячему лбу и подумал о том, что у Жюзьен, должно быть, высокая температура.

– Обещай мне!

– Обещаю... – безропотно произнесла она, тая в его руках.

Он слегка встряхнул её вернув на землю, а затем быстро ушёл.

Отпевание длилось около часа, а после гроб с телом повезли на телеге к деревенскому кладбищу. Лысоватый священник не вызывал у Жюзьен особой симпатии, слишком уж вялый и безразличный, бубнит что-то себе под нос. Она вспомнила отца Эдуарда, его звучный голос и проникновенные речи, когда каждое слово люди ловили с жадностью, как пищу голодные птенцы.

«Таких священников – один на миллион! – подумала она и робко взглянула на Реми, стоявшего рядом с братьями. – Интересно, одобрил бы отец мой выбор?»

И тут же пришёл ответ:

«Береги себя!»

«Что это значит? Не быть нам вместе?»

Но больше она ничего не услышала.

– Родные могут проститься с усопшей и окропить могилу святой водой, – священник отошёл в сторону, предлагая людям подойти ближе. В этот момент начался дождь, капли покрывали лицо умершей, скатываясь с него, словно слёзы. Целуя в последний раз мокрые губы своей жены, Ронан покачнулся, крепкие руки сыновей поддержали его, не дав упасть.

Адриана сотрясали рыдания, Реми стоял, как окаменевший, два старших брата горевали безмолвно. После всех близких подошла Жюзьен и, поцеловав сложенные на груди персты, прошептала:

«Прости меня, родная!» – и тут у неё началась истерика. Она стала обнимать покойницу и тормошить, словно, пыталась разбудить её. Люди опешили.

– Уведите её отсюда! – священник обратился к братьям, первым бросился Адриан и оттащил её подальше. Стали заколачивать гроб. С каждым ударом Жюзьен вскрикивала, словно гвозди вонзали ей в сердце.

– Пойдём, пойдём, тебе лучше уйти! Не надо, не смотри, – его крепкие руки отворачивали её лицо, но она вновь и вновь порывалась вернуться.

– Да что с тобой! Словно черти вселились! – заорал брат и даже несколько раз шлёпнул её по щекам, дабы опомнилась.

– Никогда больше так не делай! – придя в себя, ответила Жюзьен, и глаза её сверкнули, как два изумруда.

– Надо же было как-то привести тебя в чувство, ведёшь себя, аки сумасшедшая!

– Прости, мне очень стыдно, сама не знаю, как это вышло...

– Пойдём в дом, воды попьёшь, успокоишься, – Адриан заботливо приобнял её за плечи. Это видели все, в том числе и суженая, обещанная ему в жёны, и младший брат...

– Вот, ведьма! – скрипя зубами, произнесла Барба, дочь Гийома.

Реми посмотрел на неё тяжёлым взглядом и отвернулся.

- Эта чертовка всех с ума сводит! – прошипела её подружка.
- Гнать её отсюда поганой метлой, пока бед не понаделала!
- Так кому гнать? Оба брата по ней сохнут...

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 8

Дом был пуст, все от мала до велика ещё находились на кладбище. Тяжёлый воздух ударил в нос. Жюзьен открыла окна, убрала со стола чёрное покрывало и аккуратно его сложила, подмела с земляного пола цветочные лепестки. Адриан сел на стул и наблюдал за ней, не проронив ни слова. «О чём он думает? – спросила саму себя девушка и с тревогой взглянула на названного брата.

– Ты хочешь, чтобы я молчал о том, что было между нами? – его взгляд не сулил ничего доброго.

– Да, Адриан.

– Тогда ты придёшь на то же место ещё раз, и мы простимся.

– Нет. Так нельзя! Это будет ещё большим грехом!

– С каких пор ты, Жюзьен, начала заботиться о своей душе?

– С тех самых, когда умерла матушка, – она подняла на него взгляд, полный решимости. –

Мы все тоже умрём.

– Одна мысль о том, что я больше никогда не прикоснусь к тебе, – убивает меня! – он резко вскочил, в мгновение преодолев расстояние между ними, схватил её и со всей страстью прижал к себе. Жюзьен пыталась избежать его поцелуев, но Адриан был настойчив, его руки сильны и безжалостны.

– Нет! – вскрикнула она и отшвырнула его от себя, да так, что парень не удержался на ногах и оказался на полу. – Не бывать больше этому. Иди, рассказывай всем! Чего ты добьёшься? Выгонят меня? Так я и сама уйду, если приставать будешь!

– Неужели я тебе настолько противен?! Мне так не показалось тогда...

– Тогда... было ошибкой! Забудь об этом! – Жюзьен подошла к нему и, наклонившись лицом к лицу, испепелила одними глазами. Парень схватился за голову и заорал:

– Ты делаешь мне больно!

– А ты мне – нет?

– Прекрати! Я не выдержу!

– Запомни, Адриан, если ты ещё раз прикоснёшься ко мне или станешь докучать, если кто-нибудь узнает о том, что было, я вскипачу твой мозг, как воду на огне, понял? – у неё даже голос поменялся и стал каким-то низким, незнакомым и очень страшным, настолько, что мурашки покрыли тело корчащегося на полу Адриана.

– Понял! Я всё понял, прекрати, умоляю!

Жюзьен отпустила его и вышла из дома.

– Ведьма! – долетело ей вслед.

– Я не была такой, это вы меня заставляете быть жестокой.

«Только ты, отец, меня понимал! Твоя чистая любовь пробуждала во мне ангела, но мир жесток, и я буду играть по его правилам. Больше никто не посмеет принуждать меня делать то, чего я не хочу! Хватит! Я всем покажу на что способна! Если люди не приняли моей доброты, они узнают другую Жюзьен! – она сорвала с головы куафф, и огненные волосы рассыпались по плечам. Её глаза горели, и поднимавшаяся в душе злоба заклокотала в груди. – Ну, что ты молчишь, Вечный дух?!

«А что ты желаешь услышать? Думаешь, я доволен и горжусь тобой?»

– Ну, хотя бы то, что ты меня понимаешь!

«Жюзьен, ещё никому никогда зло не приносило счастья! Ты сейчас черна, как сама тьма, и едва не погубила человека.»

– Ты защищаешь его?

«Он не желал тебе зла, просто слаб в своей страсти...»

– Так что же мне нужно было пожалеть его?!

«Нет. Но не так... ты причинила ему боль, поселила в нём страх и ужас».

– Пусть боятся! Пусть лучше ненавидят меня!

«И Реми?»

– Он – единственное, что меня здесь держит... – Жюзьен села, прижавшись спиной к яблоньке, и закрыла глаза. – Ты ещё здесь?! Тебе не противно находиться рядом со мной?

«Нет. Всё, что я испытываю к тебе, – это любовь».

– Ты – всего лишь плод моего воображения, моя единственная и последняя надежда. Я придумала тебя, чтобы никогда не оставаться одной. Ты – моя совесть, моя вера. Ты не существуешь, поэтому никто не сможет тебя отнять... – слёзы появились на глазах и потушили лаву. Истерзанная душа её наполнилась животворящим светом, но как же больно было впускать его в обугленное сердце! Как мучительно и тяжело осознавать свою вину!

«Думай, как пожелаешь, я на всё согласен. И пусть я только воображение твоё, но я не дам тебе забыть о том, кто ты, моя маленькая, пламенная Жюзьен, умеющая любить!»

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 9

Прошло время, но ни Адриан, ни Жюзьен не вернулись. Оставив отца на попечение старших братьев, Реми почти бегом направился к дому и за считанные минуты преодолел всю деревню, предчувствуя неладное. Уже у порога, его сердце словно оборвалось, но потом забилося ещё сильнее прежнего. Отворив дверь, он влетел в комнату. Каково же было его удивление, когда он нашёл брата лежащим на полу.

– Что с тобой, Адриан? Где Жюзьен?

– Чёрт её знает, – выругался брат, с трудом поднимаясь и держась обеими руками за голову.

– Она тебя ударила? – Реми не верил своим глазам.

– Лучше бы ударила! – простонал он. – Надо же, я ещё и жалел эту тварь!

– Не говори так! Ты что, головой стукнулся? Что здесь, в конце-концов, случилось?

Адриан вспомнил предостережения Жюзьен и не стал рисковать.

– Ничего. Не твоего ума дело.

– Расскажи мне, что происходит между вами!

– Сейчас, только разбегусь... Мал ты ещё, оттого и любопытен!

– Между нами всего год разницы, – парировал Реми.

– Вот и проживи его для начала, а потом поговорим, – обрубил его Адриан. – Иди лучше полей мне на голову, может полегчает...

Несколько ведер студёной колодезной воды вылил на него Реми прежде, чем боль стала утихать.

– Сроду такой муки не испытывал, – вытираясь, признался брат. – Ты поаккуратней с ней...

– О чём ты?

– Да так, ни о чём... Сама тебе расскажет, если пожелает. Беги ты от неё, Реми, бедовая она, может, и мать не просто так померла, кто её знает?!

– Что ты всё загадками говоришь?! – взорвался Реми, но Адриан продолжал несвязно что-то бубнить себе под нос, то и дело ругаясь.

Вернулись родственники и деревенские, начали накрывать столы, Жюзьен всё не было, и Реми отправился на её поиски, долго искать не пришлось. Девушка сидела под любимой яблоней с распущенными волосами и следами недавних слёз.

– Бог мой! Что между вами случилось? Ты можешь объяснить! – Реми присел на корточки рядом с ней и заглянул в любимые глаза, то что он увидел в них, показалось ему незнакомым. – Жюзьен, с тобой всё хорошо?

– Да, – ответила она без проявления эмоций, глаза при этом были какие-то неестественно зелёные.

– Я нашёл Адриана на полу, чувство такое, что с ним случился удар. Возможно, ты знаешь, что произошло?

– Это от переживаний, милый, такое бывает. Ты не сердись на меня? – она заглянула в его добрые и заботливые глаза, и ей почему-то стало его жаль.

– Я? За что?

– Ну, у меня был нервный срыв на кладбище, и вообще, я последнее время плохо справляюсь со своими чувствами...

– Просто у тебя нежное сердце, – Реми притянул её к себе без всяких посягательств на любовь, просто обнял, и девушке стало тепло и спокойно, как в те дни, которые они провели вместе.

– Так бы всегда! – Жюзьен прикрыла глаза и, тяжело вздохнув, теснее к нему прижалась.

– Я скоро попрошу твоей руки, пусть хотя бы сорок дней пройдёт... Отец смирится, я знаю, куда ж он денется?! Ты теперь одна у нас кормилица осталась! А других мне не надо. Судьба Адриана решена, о моей же речи пока не было, слава Богу!

– Не спеши, Реми. Нужно выбрать правильный момент.

– Я и не спешу, буду ждать, лишь бы ты была рядом! Одного боюсь, аж сердце ноет...

– Чего же?

– Что ты уйдёшь так же внезапно, как появилась, а я жить без тебя не смогу... – он поцеловал её в макушку и провёл нежной рукой по волосам.

– Не бойся, обещаю, что не уйду, не попрощавшись с тобой!

– Спасибо, успокоила! Значит, всё же думаешь уйти...

– Жизнь она такая, никогда не знаешь, что будет дальше.

В этот момент из-за кустов появился деревенский мальчишка и, увидев влюблённых, закричал:

– Жених и невеста, жених и невеста!

Реми вскочил и, догнав его, поймал.

– Что хочешь за молчание?

– Твой перочинный ножик, я видел его, ни у кого из мальчишек такого нет!

– И что ты будешь с ним делать?

– Свистульки вырезать, – мальчишка с веснушками на носу задорно улыбнулся.

– Хорошо, бери, только запомни, ты дал слово молчать, а иначе – нож мой!

– Да, понял, понял я, никому не скажу, сами всё узнают! – он расхохотался и убежал со своей добычей.

Реми подал Жюзьен руку и помог подняться.

– Чем мы теперь гусиные перья будем точить?

– Не беда, что-нибудь придумаем!.. Пойдём, нас уже ждали.

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 10

За длинным столом на почётном месте сидел священник, отпевавший покойную, рядом с ним вдовец с сыновьями по старшинству, их жёны и дети, а уж потом Жюзьен и деревенские. Реми, несмотря на недовольство отца, сел рядом с названной сестрой. И вроде бы ничего между ними особенного не происходило, но не спрячешь от людей влюблённых глаз. Адриан много пил и исподлобья поглядывал в их сторону, смотрели туда и деревенские девицы на выданные, да вздыхали украдкой, обсуждая соперницу. На столах: сидр и напитки покрепче, кто что предпочитает, поросёнок, жаренный на вертеле, копчёные куры, баранина, овощи и фрукты, печёный хлеб и сладкие пироги... Такую роскошь позволяют себе селяне только в двух случаях: на свадьбы и похороны. Ребятня быстро поела и занялась играми. Взрослые продолжали добрыми словами вспоминать Катарин. Ронан пил, но не пьянел, рядом с ним пустое место хозяйки, и нужно научиться с этим жить. А ему всего-то чуток за пятьдесят, ещё мужик будь здоров, сносу не знает. И работник хороший, и супруг был верный, никогда себе не позволял на других смотреть. Таких все уважают: и женщины, и мужчины. Дом у них хоть не богатый, но добротный, сыновья славные, работающие и воспитанные, только рыжая приживалка у всех, как кость в горле, слишком уж красивая, змеюка. Один аптекарь в ней души не чает, очень умная, говорит.

– Такой перейди дорожку, ещё и отравит, в травах-то разбирается.

– Да что вы, девки, ей и травы не нужны, как зыркнет своими глазищами, так и порчу наведёт!

– Верно говорят, пригрели на груди своей сиротку, а она – цап – и в глотку!

– Тише говори, услышит.

– Ну и пусть знает, мне плевать, выйду за Адриана – сживу её со свету, чтоб под ногами не мешалась.

– Ох, смотри, Барба, как бы тебя саму не выжили, сильно много яда на твоём языке, да и Адриан на тебя не шибко-то поглядывает.

– Вот я и говорю, приворожила ведьма проклятая! Сжигали таких раньше и правильно делали!

– Злющая ты баба!

– А ты иди с приблудой-то подружись!

– Вот надо будет, пойду и подружусь! – чуть не поссорились из-за Жюзьен девицы.

В этот момент прибежал мальчишка с рукою в крови, сильно порезался, глубоко. Плачет, весь белый, трясётся.

– Где ножик взял? – заорал отец.

– Реми мне дал, – всхлипывает малец.

Пока женщины в дом за чистыми тряпками побежали, к нему подошла Жюзьен, взяла за руку порезанную, что-то пошептала, дунула, кровь-то и остановилась. Люди, все видевшие это, так и ахнули, а священник даже перекрестился.

– Что шепчешь, девица?

– Молитву, отец.

– Какую?

Она и выдала ему что-то по латыни.

– Такой молитвы не знаю, – откровенно признался священник.

– Я её сама придумала, когда ещё ребёнком была в приюте. Нас тогда зубрить молитвы заставляли, а они у меня в голове всё никак не укладывались, а как свою сочинила, так и запомнила.

(За отца Эдуарда она так и молилась, ему помогало, но об этом Жюзьен предпочла умолчать. Святое для неё имя она никому не называла, боялась, осквернить его, если произнесёт. Это началось с того момента, когда на похоронах её священника, все о нём шептались нехорошо. Девочка и сделала вывод, что нельзя о нём говорить, даже по-доброму, кошунственно это. Ведь лучшего человека не было для неё на Земле, да, наверное, уже никогда и не будет.)

– Покажи руку, покажи... – все хотели посмотреть, как рана затянулась, ведь чудо на глазах у всей деревни произошло. Отец мальчишки к Реми подошёл.

– Ты зачем ребёнку ножик дал?

– Попросил, вот и дал, говорит, свистульки ему делать нечем.

– Забери, не игрушка это для ребёнка.

Но мальчик запротестовал:

– Мы договорились, если ножик мой, буду молчать, а если нет, то всем расскажу...

– Что расскажешь?

– Как они в саду с Жюзьен обнимались.

– Так вот оно что, а я-то думал, с чего это Реми подарки дорогие детям делает? – засмеялся мужчина и отдал нож хозяину, а пацану своему вlepил подзатыльник. – Подглядывать и ябедничать – нехорошо, так и запомни, сын, а ещё хуже того, – чужие тайны выдавать!

Мужчинам эта новость понравилась, всем, кроме братьев и отца Реми. Ронан тяжёлым взглядом придавил сына и, наверное, в другой день прибил бы его и Жюзьен, но не на поминках жены.

Реми покраснел, не ожидал он, что так быстро все узнают о них.

«Ну что ж, значит, время пришло», – подумал он и с виноватым видом подошёл к родителям.

– Отец, я давно хотел тебе сказать...

– Не надо, не начинай! Зря я тогда тебя с ней без присмотра оставил, думал, хоть матери постесняется, да видно, и она ничего сделать не смогла... Потом поговорим, – сказал, как обрубил, дальше просить было бесполезно. Все это знают, упрямый он человек. Одно счастье, что сразу не ответил, может, ещё подумает.

А потом ещё подпили, и настроение у всех поднялось, песен и танцев, конечно, не было, но шутки раздавались, и смех был слышен. Молодёжь под благовидными предложениями по парочкам разбрелась. Мужики с красными лицами продолжали пьянствовать, женщины потихоньку со столов посуду убирали, скоро вечер, скотина ждёт: коровки мычат, да и свиньи жрать просят. Простая деревенская жизнь, где за счастье посплетничать, а сегодня столько всего произошло, что на целую неделю хватит!

Жюзьен пробивала нервная дрожь, теперь на неё совсем косо смотрят. Того и гляди, скоро креститься начнут, как от чёрной кошки. Но не могла она ребёнку не помочь, тем более, что по их с Реми вине он и порезался... Ох, не будет ей жизни в этой деревне, и раньше чужой была, а теперь и вовсе – колдунья. И бежала бы она от них ото всех без оглядки, да держит Реми. Сладость такая от него в сердце растекается, что многое можно стерпеть, только бы был он рядом.

Никто и не заметил, что Адриан после той сцены с мальчиком ушёл. Долго бродил он по лесу, да ветки на деревьях ломал, рычал, как раненый зверь, и слёзы горькие лил. Ненависть и любовь – всё смешалось в его сердце, и не было ему покоя.

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 11

Ещё одну ночь старшие братья с жёнами и детьми остались в родительском доме, а поутру уехали на своё хозяйство. Жюзьен старалась прятаться, чтоб лишний раз на глаза Ронану не появляться, но свои обычные женские обязанности все исполняла. Реми он держал всё время при себе. Приближалось время серьёзного разговора, которого теперь было не избежать. Адриан стал темнее тучи, молчалив и вечно раздражён. Отец семейства, как и полагается вдовцу, подавлен горем. Всё вернулось в доме на свои прежние места, только без Катарин все ощущали пустоту, лишившись её любви, заботы и присутствия. Печально смотрели на них с икон Божественные лики, тёмные от времени и с трудом различимые, но, всё же, живые.

«Господи, помоги нам!» – мысленно обращалась к ним Жюзьен и, тихонечко, чтобы не привлекать к себе внимания, вздыхала.

За столом ели молча. Даже слышно было, как где-то под потолком кружит сонная муха. В животе от нервного напряжения «скреблись кошки», и, если бы можно было отказаться от еды, Жюзьен бы обязательно так и сделала, но это ещё больше разозлило бы хозяина. Он очень требовательно относился к трапезам и настаивал на всеобщем присутствии вовремя и до конца. Съесть нужно было всё, что положено в тарелку, иначе и ложкой по лбу не долго получить, а рука у Ронана тяжёлая.

Аппетита у несчастной Жюзьен, на беду, последнее время не наблюдалось, и каждую ложку она проталкивала в себя через силу, а в этот раз и вовсе занемогла. Зажав рукой рот, она выбежала из дома и прямо у порога её стошнило. Слышали это все.

– Наверное, съела что-то не то... – предположил Реми, и хотел подняться, чтобы помочь, но отец жестом усадил его обратно за стол. Молча дожевал баранье рагу и запил колодезной водой.

Жюзьен вернулась иссиня-бледная, но, увидев еду, её вновь замутило, и она убежала во двор.

Отец отложил ложку и посмотрел на обоих сыновей:

– Ну, а теперь поговорим.

Оба брата покраснели.

– Кто из вас греховодник?

– О чём ты? – растерянно спросил Реми.

Ронан поднялся и с грозным выражением лица сказал:

– Для непонятливых повторяю, кто девку испортил?

Оба опустили голову, но ответил только Реми:

– Я хотел с тобой поговорить, но ты и слушать не стал.

– Нужно было при всех озвучить: «Отец, возрадуйся, я обрюхатил сироту!» – его кулак опустился на стол и тарелки подпрыгнули, ровно как и кишки в животе обоих сыновей.

Адриан молчал. В нём надежда на обладание Жюзьен боролась с ревностью и страхом, ведь девушка конкретно дала понять, что ничего между ними больше быть не может, и если что, вскипятит ему мозг. От одного воспоминания о перенесённых муках, его скрутило.

– Слишком тебя мать любила и жалела пуще всех, драть тебя нужно было, когда мог, теперь уже поздно. Ответишь за свой поступок.

– Я хотел просить её руки, о большем и не мечтаю.

– Мечты... мечты... откуда только эта дурь в мозгах у вас берётся? Поначитались книжек, сукины дети, а всё она!.. Так и знал я, что от этой девчонки только беды будут!

– Разве ребёнок – беда?

– Молчи уже! Хорошо, хоть мать этого стыда не терпит! И так в деревне только о вас и судачат, а мне каково?! Ведьму пригрел, да ещё и за сына выдал, бесовское отродье плодить! Ох, беда-то, беда!.. – сел, схватившись за голову, и, качаясь, запричитал по-стариковски.

– Так ты не против?

– А куда же я от вас, окаянных, денусь?! Набедокурил, держи ответ, у нас в семье за себя мужчины отвечают! Через месяц сыграем две свадьбы в один день, хоть на этом сэкономлю. Идите обрадуйте своих невест! Вечером к Гийому пойдём с подарками, Адриан. Пора тебе своё гнездо вить. А ты, малой, беги, ищи свою зазнобу, пока она с собой чего не сотворила, поняла, небось, что жареным пахнет!

Реми бросился к отцу и расцеловал его, а после убежал искать Жюзьен. Отец отёрся рукавом и, с еле заметной улыбкой, воскликнул:

– Было б счастье, да несчастье помогло. Ты не хмурься, Адриан, не любя тебе Барба, да девка она хорошая, работающая и с большим приданым. Ты с ней беды знать не будешь. Крепкая она, плотная, как спелое яблоко, вкусишь и понравится. А эту здыхлю, разве что на руках носить, пусть Реми с ней и мается.

– Зря ты так. Столько добра она для нас сделала, и сейчас изо всех сил старается... Не забыть мне её, отец... Отравой она во мне сидит, вся душа изболелась по ней.

Никогда ещё Ронан не видел таким сына. Всё, что он держал в себе, наружу полезло, разрыдался на отцовском плече, но про тайну их не сказал, хотя понял, что ребёнок скорее всего его. Знал он, что не сразу тошнота у беременных проявляется, а не раньше, чем через месяц.

– Жюзьен, ты здесь?

Тишина в ответ. Реми хотел уже уйти, как услышал, что солома наверху слегка пошевелилась.

– Чего не отвечаешь? – он взобрался по лесенке на самый верх и увидел Жюзьен, свернувшуюся комочком. Погладил её густые, сверкающие на солнце, огненные волосы. Прикоснулся к ним губами. – Почему дрожишь?

– Плохо мне, неужели не видишь.

– Это бывает... но скоро пройдёт.

– Ничего уже не пройдёт! Ты не знаешь!..

– Это ты не знаешь, моя кровиночка, даже не догадываешься, какие новости я тебе принёс!

Жюзьен посмотрела на него своими огромными янтарно-зелёными глазами.

– Отец нас благословил. Да, да, не смотри на меня так!

Из глаз Жюзьен хлынули слёзы.

– Чего ты плачешь? Он согласен, он принял тебя и нашего малыша, скоро сыграем свадьбу, как только сорок дней пройдёт. Ну, скажи, что ты рада! Да что ж ты плачешь-то всё время?!

Нервное напряжение стало спадать, и Жюзьен дала себе волю, улыбаясь сквозь слёзы, она думала о том, что не сможет долго обманывать Реми, что рано или поздно придётся во всём признаться, если Адриан не сделает этого раньше её. Возможно, уже сейчас он рассказывает отцу об их роковой встрече...

А Реми всё целовал и целовал любимое лицо и, стирая с него губами солёные капли, ощущал себя самым счастливым на свете человеком. Всё это было как сон, и ему совсем не хотелось просыпаться.

ЧАСТЬ 1. ГЛАВА 12

– Заходи в дом! Да не бойся, ушли они к Гиёму свататься, подарки понесли. Договор-то давно есть, но нужно, чтоб всё по чести...

– А у нас с тобой как? – глаза Жюзьен сверкнули обидой.

– А у нас – по любви.

– Ты ни разу мне даже и не признался, любишь ли?

– Что слова? Ты и так всё знаешь!.. – он приобнял Жюзьен за гибкий стан и привлёк себе. – Как же я истосковался по тебе, родная...

Горячие губы Реми заставили её обо всём забыть, ласковые руки, крепкие объятия... Ещё совсем недавно она и думать не думала, что может быть такой счастливой. Утолив свою страсть и выплеснув нежность, они лежали, прижавшись друг к другу, и мечтали о будущем. Реми поглаживал ладонью перевернутое блюдечко её живота.

– Неужели там кто-то есть?.. Даже не верится! – он поцеловал Жюзьен в пупок и заглянул в глаза с такой преданностью и надеждой, что сердце обожгло.

«Он заслуживает большего!» – подумала она и невольно глаза стали влажными.

– Не поймёшь вас, женщин. Когда вам плохо, вы плачете, когда хорошо – тоже...

«Сказать ему и разбить сердце?! – мороз пробежал по коже. – А жить во лжи и растить чужого ребёнка, лучше? Такого ему желаешь?» – не унималась совесть.

И всё же Жюзьен не могла сейчас взять и разрушить собственное счастье, может быть, это эгоистично, может быть, нехорошо, но ей нужен Реми, ребёнку – отец и, прежде всего, дом, где он будет расти. Ведь не чужая же в нём кровь?! Об Адриане она и думать не хотела, ничего бы у них не вышло.

– Нам нужно одеться, они скоро вернутся! – сказала она и быстро начала приводить себя в пристойный вид.

– Откуда ты знаешь? – спросил Реми, натягивая штаны, – Отец говорил, что посидят, как положено.

– Что-то пошло не так. Сердцем чую.

И только успели они всё прибрать, как дверь распахнулась. Отец был в ярости, а Адриан с трудом скрывал своё довольство.

– Это ж надо! Отказалась жить в моём доме! Пусть, говорит, жених с ними живёт, как альфонс, как содержанец! Где ж это видано! Не бывать этому, пока я жив!.. – отец выругался и сплюнул на пол. – В общем так, Адриан, коль не изменят они своего решения – разрываем помолвку. Пусть ищут себе другого жениха. А тебе дом построим, пусть потом локти себе кусают! Ничего, двоим сыновьям построили, и тебе поднимем! Что притихли, голубки? – он перевёл взгляд на младшего сына, – Ваша песенка спета, буду с вами свой век доживать.

Адриан посмотрел на Жюзьен глазами побитой собаки, если бы он мог, то, не задумываясь, поменялся бы с Реми местами, не нужен ему ни дом, ни невеста с приданым. Только бы быть сейчас рядом с ней и, как младший брат, держать за руку...

Развели огонь, поели, да и спать пошли по своим местам, утро вечера мудренее.

Ещё до рассвета Жюзьен встала и пошла к любимой коровке, её мучило даже от запаха парного молока, но нужно было кому-то это делать, одна она женщина теперь в этой семье.

Дверь за спиной хлопнула и Жюзьен замерла, даже не оглядываясь, она почувствовала взгляд Адриана, её пожирающий и безнадежно болезненный. Она не остановилась, продолжая доить. Коровка посмотрела на вошедшего и, нервно переступив, стукнула задним копытом об землю.

– Ты рано встал, Адриан, мог ещё поспать...

– Спиной видишь, Жюзьен, – удивился он, – не спится мне, глаз всю ночь не сомкнул. Нам нужно поговорить!

Жюзьен согласно кивнула в ответ:

– Нужно.

– Это – мой ребёнок, ведь так?! Не спала же ты сразу с двумя братьями?! С Реми это случилось позже, иначе бы я заметил.

– Да. Это так, – Жюзьен напряглась и отпустила бедное вымя, потому что руки её не слушались и причиняли коровке неудобство.

– Ты, по-прежнему, хочешь быть с ним?

Она повернулась, вытирая руки о фартук.

– Только с ним.

– У меня нет ни единого шанса тебя переубедить? Ребёнку нужен настоящий отец!

– Реми будет ему хорошим отцом.

– А как же я? Как я буду жить и смотреть на своё дитя, которое будет звать меня дядей?!

Разве это правильно, Жюзьен?!

– Если ты скажешь правду, мне придётся уйти.

– Я бы смог тебя защитить, я бы отстоял наше право быть вместе.

– Нет, Адриан. Без него мне жизни не будет. Ты – хороший, добрый человек, ты не выдал меня, но... сердцу ведь не прикажешь! Смирись с тем, что есть.

– Не могу. Света белого не вижу. Радость позабыл. Никого не замечаю, ничего не хочу, хоть в петлю лезь!

– Прости меня, не знаю, как так вышло, слабость на меня тогда какая-то напала, нужно было тебя остановить, да не смогла. А теперь уже ничего не воротишь и не исправишь, нет. Люб он мне, всем телом, всей душой прикипела я к нему. Прости меня, Бога ради!

– Тогда помоги мне! Ты же можешь, сделай какой-нибудь заговор, отвори от себя, дай позабыть...

– Если бы это было так просто, Адриан, я не знаю, как тебе помочь, но я постараюсь что-нибудь придумать. Только не выдавай меня, ты ведь любишь Реми, побереги его! Не за себя боюсь, за него прошу, не разбивай наше хрупкое счастье. А я буду благодарна тебе до гроба!

– От меня он ничего не узнает. Ты хорошо тогда мозги вправила, жаль, что до сердца не добралась. Его ты вскипятить не умеешь? Дай руку! – он взял её ладонь и, распахнув рубашку, приложил к своей груди. – Вырви его, останови! Нет мочи терпеть. Люблю тебя больше жизни!

Жюзьен, и вправду, ощутила нежную мышцу в своей ладони, она пульсировала, перекачивая горячую кровь. Достаточно было представить, что она сжимает её, и тогда...

– Нет! Я не сделаю этого. Ты будешь жить и ещё обязательно станешь счастлив! Обещаю! Найди себе невесту, и я сделаю так, что вы полюбите друг друга!

– Мне и кобыла – невеста, какая разница кто, если не ТЫ. Один поцелуй, Жюзьен, всего один на прощание...

– Уходи вон! – Жюзьен вытолкала его за дверь хлева и дождалась, пока стихнут шаги.

Она всё ещё ощущала его сердце в своей ладони, и это будило в ней древние, дикие воспоминания: когда-то, очень-очень давно, она непременно бы уничтожила его, забрав себе всю мощь бессмертной души жертвы. Верховная жрица умела это делать и неоднократно использовала страшный ритуал, лишая жизни тех, кто был в её власти. Когда это было и где? О том память веков умалчивала, но знание оставалось, тихо притаившись без надобности до этой самой поры.

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 1

Ей стали сниться странные сны, неведомые страны, люди в дорогих одеждах, четырёхугольные строения, к небу сходящиеся в одной точке, и со всех сторон образующие треугольник. Она служила неведомым богам, говорила на другом языке, совершала чудовищные обряды, читала заклинания, объявляла волю Богов смертным... Словно кто-то пытался напомнить ей о древней сущности, разбудить тёмную силу похороненную под толщей прожитых жизней и воплощений. Жюзьен просыпалась и шла доить корову, кормить поросят, убирать курятник, а в голове ещё звенел каскад барабанов и песнопения давних времён. Затем она готовила еду, от запаха которой по несколько раз убегала за сарай и её выворачивало наизнанку, из-за чего блюда нередко подгорали. Но мужчины ели и не жаловались, видя страдания беременной и сочувствуя ей каждый по-своему.

Приготовления к строительству шли полным ходом, и всё чаще Реми был вынужден целыми днями пропадать на работе, а по вечерам уже еле волочил ноги. Все уставали. Всем было нелегко. Жюзьен часто вспоминала Катарин и обливалась слезами, именно сейчас ей так не хватало материнской любви и ласки, женского доброго слова и совета. Помолвку Адриана расторгли, о другой свадьбе и думать было нечего – все заработки семьи уходили на строительство нового дома. Решили тайно обвенчать молодых безо всяких гуляний. Это в деревне не приветствовалось и считалось позорным, но Ронан плюнул на всё. Разозлившийся на Гиёма и его семейство, он предпочёл поднять сыну дом, нежели следовать установленным традициям. Это не обеляло честь невесты и жениха и уж точно никак не могло облегчить им жизнь среди земляков, но зато перед Богом они становились мужем и женой, и дитё, во чреве растущее, считалось законным.

Молодые не роптали и ни на что не жаловались. У Жюзьен даже не было свадебного наряда. Надела самое добротное из трёх имеющихся, вплела в куаф белую розу, взяла за руку Реми, одолжившего костюм у брата, так как своего не имел, и пошли вчетвером в церковь.

Ронан не испытывал особенной радости, не такой жизни и венчания он сыну желал, но раз уж так вышло, куда деваться-то?! Адриан, так и вовсе понуро смотрел на всё происходящее, ему ещё и пришлось быть им свидетелем. Нужно отдать должное, парень всё выдержал со смирением, хотя далось ему это не просто. А потом был обычный семейный ужин, Жюзьен же и приготовленный, никаких подарков и длинных речей. Мужчины выпили на троих бутылку яблочной самогонки и все отправились спать. С одной лишь разницей – теперь у молодых была двуспальная кровать, на которой раньше спал Ронан с Катарин. На законных правах прикрыв за собою дверцы, молодожёны тесно прижались друг к другу и заснули.

Адриану было не до сна. Он прислушивался к каждому их движению, вдоху и выдоху, ему всё мерещилось, что там Жюзьен и Реми предаются супружеским утехам и его воображение рисовало красочные картины, от которых хотелось убить их и покончить с собой.

Утром, перед самым рассветом, Жюзьен пошла по обыкновению в хлев, и он, истерзанный ревностью и бессонницей, поплёлся за нею.

– Как ночь прошла? – не поздоровавшись, грубо спросил Адриан.

Корова занервничала, её всё больше раздражал этот человек. Она даже пыталась теперь его всякий раз лягнуть, когда он вёл её на поле, ведь после его появления во время дойки, руки Жюзьен становились напряжёнными и невольно причиняли ей боль.

– Хорошо прошла. Ты желаешь увидеть простынь? – съехидничала Жюзьен.

– Свою невинность ты мне отдала и в чреве твоём зреет мой плод, – таким же тоном ответил Адриан.

– Что хочешь? – Жюзьен отпустила бедную корову и подошла вплотную к своему мучителю, её глаза горели огнём, в ушах ещё звучал гул медных труб, возвещавших прибытие фараона. И то, что происходило в реальности, всё больше начинало её раздражать.

– Ты обещала помочь, так сделай же что-нибудь! Если уж сам я ни на что не годен!

– Невесту выбрал?

– Выбери сама. Не могу смотреть на ваше счастье.

– Да уж, счастья – полные карманы...

– Ты отняла у меня право отцовства!

– Ты лишил меня человеческой свадьбы!

– С милым рай и в шалаше!

– Это верно... Ты пришёл позлить меня?

– Нет. Освободи меня от своих колдовских чар и дай жить спокойно, я ведь сдержал своё слово и не выдал нашей тайны!

– Ну, смотри, потом не плачь и претензий мне не предъявляй! Сейчас пойдёшь по деревне и первая незамужняя девка, что встретится, – будет твоя. Только сразу подойди и поцелуй её. Не удивляйся тому, что случится потом.

Она наклонилась, взяла пучок соломы и, свив концы кружочком, перевязала другой соломинкой по середине, получилась восьмёрка. Она опустила её в ведро с молоком, что-то прошептала на непонятном языке и, брызнув в лицо ему, отдала амулет в руки.

– После того, что будет, сожги его. Страшный грех на душу беру из-за тебя, Адриан. Но достал ты меня, спасу нет! Уходи!..

Без предупреждения, он схватил жену брата и впился поцелуем до крови.

Вывавшись, Жюзьен облизнула лопнувшую губу и злобно расхохоталась:

– На меня не подействует, я – замужняя! Ступай и забудь дорогу домой!

Адриан ушёл, не чувствуя земли под ногами.

Корова с предсмертной тоской посмотрела на хозяйку, протяжно замычав, ноги животного подкосились и несчастная рухнула на землю.

– Прости меня, кормилица, прости, родная! Моя вина, мне и муки твои терпеть, только не бойся, больно не будет, уж лучше так, чем от ножа да на стол...

Слёзы ручьями лились по щекам Жюзьен и капали на погибающую корову, до последнего вздоха животного она смотрела в угасающие глаза. Никто не ведает, сколько мук претерпела ворожея в эти минуты, как ненавидела себя и проклинала... Но что сделано, то сделано, и за всё на свете нужно платить.

Корову есть не стали, ведь неизвестно, от чего померла, закопали за садом, погоревали. Адриан так и не вернулся в этот день. Отец пошёл его искать по деревне и ближе к ночи выяснилось, что пропал не только он, а ещё и дочка аптекаря, искали все: от мала до велика и нашли голыми в шалаше, да такой страстью пылавшими, что еле растащили срамных. Ни стыда, ни совести!..

Посидели отцы, посоветовались и решили свадьбу играть. Хоть по статусу и не ровня (аптекарь богатый и образованный человек), да от позора нужно как-то избавляться, коль уж молодые совсем разум потеряли, не убивать же их?! Только странные они оба, словно скотина в брачный период. Но, кто ж правду знает?.. Только одна Жюзьен.

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 2

Привёл отец домой сына, впахнул через порог. Реми никак не мог понять, что с братом происходит, словно тронулся он слегка мозгами. Такого даже бить жалко, словно дитя неразумное. Такая же и дочка аптекаря сидела, её ругали на чём свет стоит, а она и глазом не моргнула. А ведь воспитанная в строгости была. Напрасно мать на себе волосы рвала, да пыталась её устыдить. Адриана отец и не трогал. Велел ему пойти спать, да попросил Жюзьен успокоительного дать неужемному, так как возбуждение у парня всё не проходило. Дала отвар и, к самому уху его наклонившись, прошептала:

– Амулет-то сжёт?

Он молча помотал головой, нет мол.

– Дай его мне, непутёвый!

Адриан полез в карман и вытащил истрёпанный пучок соломы. Бросив его в огонь, Жюзьен перекреститься хотела, но не смогла.

«Прости меня, Господи, грешную! За всё ответ держать буду...»

В доме наступила тишина, в трубе завывал бродяга-ветер. Погас в камине огонь. Реми прижался к жене, словно в ней всё его спасение, а она лежала и думала, какую страшную вещь совершила и будет ли ей за это прощение?..

Утром по привычке поднялась, а коровки-то и нет. Снова горько плакала, да ничего уже не изменишь. Вернулась в дом, все спят, развела огонь, напекла блинов целую тарелку с горкой на последнем молоке, от бурёнки оставшемся. Осознание вины тяжким грузом давило к земле, даже мысли дурные в голову полезли, но о ребёнке подумала, он-то в чём виноват?.. Нужно жить. И тут до неё дошло, что не слышит она больше отца Эдуарда. Добежала до места, где коровку схоронили и стала каяться, била себя в грудь, рыдала...

Приходит Реми и видит её такой.

– Что ты так убиваешься?! Купим мы тебе корову другую, нельзя же так к животным привязываться!

– Ты не понимаешь, – Жюзьен даже говорить не могла, всхлипывала всё время, – это я... это я её...

– Ну, тише, тише, не наговаривай на себя, – обнял жену, к сердцу прижал, ей и полегчало.

«За что мне утешение такое послано? Не достойна я его, ведьма проклятая! Простит ли, когда всё узнает?..» – молчала, вслух ничего не произнесла.

Только слушала, как бьётся сердце родимое, как любит её, несмотря ни на что, хоть и не говорит. Адриан вон сколько ей в любви клялся, а Реми ни разу «люблю» не сказал, только и без слов понятно, кто из них сильнее.

– Брат проснулся?

– Спит ещё, а может, делает вид, что спит, я бы тоже со стыда сгорел.

Пробуждение и у аптекарской дочки было тяжёлым, когда вспомнила всё, чуть с ума не сошла в самом деле. Долго её отец отпаивал успокоительными травами, весь день страдала. Из дома теперь не выйти, все пальцем будут показывать, засмеют...

Жюзьен, чувствуя неладное, побоялась, что девчонка руки на себя наложит. Пришла к аптекарю, как обычно, травы перебрать, сборы делать.

– Не до работы мне сегодня. Знаешь, ведь?!

– Знаю. Одна у нас беда на две семьи. Позвольте мне с Кристель поговорить.

– Видеть никого не хочет, бьётся в истерику с утра. Я уже чего только не давал, всё без толку.

– Вот, я и говорю, нужно, чтобы она не одна была, да по душам могла выговориться.

- Вы и подругами не были никогда.
- А теперь – станем! Как-никак, породнимся скоро.
- Ладно, попробуй, может у тебя получится...

Жюзьен вошла в комнату с плотно занавешенными окнами. Девушка, сжавшись, на кровати лежит, одеялом голову прикрыла. Жюзьен подошла к ней, села рядом, и молча погладила.

«Ты прости меня, Бога ради, это я всё подстроила, ты и не виновата ни в чём, бедняжка. Против магии кто устоит?.. Если бы этот болван сразу от соломы избавился, не нашли бы вас...» – Жюзьен понимала, что сама виновата, как ни крути.

– Кто здесь? – Кристель стянула с лица одеяло. – Зачем пришла?

– Поговорить хочу! – чародейка смотрела на неё без усмешки и без отвращения. – Мы ведь теперь вроде бы как и не чужие, скоро в дом наш войдёшь!

– Не знаю я, как это случилось! Помутнение рассудка какое-то!

– Не плачь, девонька, всё позабудется, пылью покроется, травой зарастёт... – Жюзьен погладила её по растрёпанному, мокрому от пота и слёз волосам. – Мы тебя не осуждаем, в семью принимаем, всё наладится и пройдёт... Я тебя никому в обиду не дам! Будешь мне, как сестра родная!

Девушка, пуще прежнего, разрыдалась, обняла её.

– Скажи мне одно, нравится тебе наш Адриан?

– Если бы не нравился, сотворила б я такое?!

– Наверное, нет. Значит, люб, ну и что тогда слёзы лить понапрасну? Радоваться надо, свадьба скоро!

– Что люди скажут!

– А что тебе люди? Плюнь на всё и разотри! Коли дорог тебе жених, так чего печалиться? Не было б того, что было, и не позволили бы вам вместе быть! А так – ты любимого нашла, по сердцу себе выбрала...

Жюзьен ещё долго говорила, пока девушка не заулыбалась.

– Может, оно и к лучшему! Ты права. Меня хотели за одного учителя замуж выдать, так он уже вдовец и старше меня намного. А Адриан – видный парень, молодой, по нему половина деревни вздыхает.

– Вот, видишь! А ты плачешь по чём зря! Давай, умойся, приведи себя в порядок и пойдём прогуляемся.

– Выйти из дома?! – Кристель ушам своим не поверила. – Засмеют ведь!

– Рано или поздно придётся к людям выйти, лучше сделать это сразу. А кто паяльщик будет, тому я глаза выколю.

– Скажешь тоже!

Обе рассмеялись.

– Спасибо тебе, Жюзьен, я не знала, что ты такая добрая. Уже совсем о плохом думала, как с таким позором жить? А ты пришла, и мне полегчало.

– Вот, и слава Богу! Теперь вместе будем, и я тебя в обиду не дам! Пусть только попробуют слово худое сказать, узнают мою ведьминскую силу!

От этих её слов у Кристель аж мурашки по коже пробежали, но она восприняла это как самоиронию Жюзьен и улыбнулась. Не было теперь у неё человека ближе, чем эта красноволосая красавица, которую желали, боялись и ненавидели в деревне одинаково сильно.

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 3

Долго девушка мылась, долго красоту наводила, Жюзыен ждала терпеливо, помогала добрым словом, чтоб поддержать несчастную и не дать ей снова впасть в отчаяние.

– Подумай, стоит ли ей сегодня на глаза людям показываться?! – воспротивилась мать.

– Пусть привыкают, да Вы не бойтесь, всё хорошо будет, я рядом, если кто-нибудь и задумает недоброе, себе же хуже сделает!

– Почему ты так её бедой прониклась?

– Потому что сама вечно у всех на слуху...

– Это правда, что вы с Реми тайно обвенчались?

– Чистая правда. Свадьбы не было, потому что дом Адриану строят, все средства на него и ушли.

– Теперь вам полегче будет, мы за дочкой приданое даём, поможем, чем сможем, – вмешался в их разговор аптекарь, счастливый тем, что Жюзыен Кристель из истерики вывела, от безнадёги избавила.

– Благослови Бог, Вы всегда ко мне добры были, господин Гинэль.

Аптекарь не удержался, обнял её и, как родную, в темя поцеловал.

– Ты мне столько помогала, душенька, да и сборы усовершенствовала, теперь со всей округи ко мне за порошками едут!

– Вот, и невеста наша готова, благословен Господь! – мать вывела дочку из спальни, со слезами на глазах.

– Может, и мы с вами пойдём, для надёжности?

– Доверьтесь мне... Вам и так вчера досталось. Отдыхайте, а я Кристель потом до дому провожу, верну вам в целости и сохранности.

– Ну, будь по-твоему, дорогая, – перекрестили дочку, вздохнули вместе, а делать нечего, убедила их будущая сноха.

Взяла под руку дрожащую от страха Кристель и потащила за собой. На улице солнце, птицы поют, погода редкостная – как праздник.

Встретили первым соседа через два дома, тот было ухмыльнуться хотел, да чего-то его перекосило.

– Что не здороваешься, али дар речи потерял? – грозно спросила Жюзыен.

– Добрый день, – с усилием выдавил из себя мужик.

– То-то же! – закрепила результат рыжеволосая бестия. – Видишь, а ты боялась, сейчас ещё и поклонится.

Мужчина, и в самом деле, начал кланяться, а когда они из виду скрылись, креститься начал и, от греха подальше, быстрее ноги унёс.

То же самое и с другими происходило. Бабы, что шептались на углу возле торговой лавки, те и вовсе дар речи потеряли. Языки опухли. Стоят, только глазами моргают, да пошевелиться не могут.

– Будет вам кости перемывать, старые сплетницы! Коль слово худое услышу, так и будете до смерти стоять! – Жюзыен не шутила, и чем больше силой пользовалась своей, тем больше её прибывало.

Кристель, ни жива ни мертва, только диву давалась, что же это происходит?! Невольно поверишь, что правду про Жюзыен говорят, непростая она девушка, ох, непростая!

Труднее всего с ребятнёй пришлось, стали пальцами тыкать, слова нехорошие кричать, Жюзыен догнала одного и так ему ухо вывернула, что вопил на всю улицу.

– Ещё раз посмеёшься над кем-нибудь, ухо-то и отвалится! Я с тобой шутки шутить не буду и друзьям своим скажи, всех найду и порчу наведу, понял?!

Папан поверил, побледнел, головой закивал.

Наконец-то добрались до дома.

– Встречайте гостью дорогую! – возвестила с порога Жюзьен, втаскивая онемевшую Кристель в дом.

Ронан поднялся, он у печи что-то мастерил. Реми улыбнулся по-доброму, иначе и не умеет. Адриан, с лицом страдальца, еле глаза на девушку поднял, ему легче бы было сквозь землю провалиться.

– Разве так невесту встречают?! – подбоченилась Жюзьен.

– Да ты заходи, дочка, не стой, как вкопанная у порога, тебя здесь не обидят, – наконец-то вымолвил Ронан и усадил девушку за стол. – А ты, Жюзьен, пошевелись, угощай гостью, коль уж привела.

Адриан тоже сел, ноги его не держали после вчерашнего. Если б не нашли их и не растащили, наверное, до смерти бы они не отклеились друг от дружки, чертовщина, да и только. До сих пор ему больно было, не только телом, но и душой. Да разве ж кому расскажешь, что такое может быть из-за пучка соломы... Корову жаль, всё он понял, когда узнал, но молчал, не выдал. Сам ведь вынудил Жюзьен это сотворить. Боялся её теперь пуще прежнего. Силища в ней нечеловеческая. Глаза горят, щёки пылают, словно только теперь жить и начала. Спина ровная, как у королевы, и взгляд волевой. Откуда она появилась?!

Невеста и слова сказать не может, пунцовая от стыда, всё, что вчера случилось, перед глазами у неё проплыло. Словно со стороны увидала она обезумевшие их тела, бешеной страстью воспалённые. Как невинность свою потеряла и ойкнуть не успела. Весь день, ни ели ни пили, обо всём позабыли. Не могли остановиться. Словно на Адриане клином свет сошёлся, запах его до сих пор берedit, не отмоешься.

А теперь сидят и в глаза друг другу не смотрят, только стыд да тревога в душе.

Жюзьен подала на стол, достала бутылку, пробку открыла да незаметно нашептала что-то. Налили за знакомство, все выпили. От души отлегло. Только тогда Жюзьен и расслабилась, выдохнула с облегчением, к Реми прижалась, в глаза ему посмотрела, а там море-океан, шоколадная сладость, ни напиться, ни вернуться, знай себе – тони.

Кристель любовь их увидела и порадовалась: зря сплетничали, что оба брата от Жюзьен без ума. Адриан и не смотрит в их сторону. А на неё робко так сначала взглянул, потом ещё разок, уже посмелее и хитро так заулыбался.

Кристель пусть и не первая красавица на деревне, но симпатичная, спелая, грудастая. Волосы светлые, длинные, густые; глаза серые, грустные, с поволокой, словно у лани. Не высокая, не низкая, ни тоща, ни толста. Добротная во всех отношениях. Что ещё нужно? Знала Жюзьен или нет, кто судьбой ему станет, а выбор ему понравился со всех сторон, и пахнет девица приятно и зубы у неё здоровые, губки пухлые, алые, так бы и зацеловал... От воспоминаний вновь возбудился, на стуле заёрзал. Не прошло ещё, видать, магическое воздействие. А может, так оно у них и есть: искра пробежала и разожгла пламя. Им бы сейчас вдвоём остаться и всё заново повторить, только отец не допустит, во все глаза глядит. Нравится ли ему невестка? Да, вроде бы и ничего плохого. Девка ладная, культурная, а там посмотрим...

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 4

Больше Адриан к Жюзьен не приставал, ночами не вздыхал, к молодым не прислушивался. Спал крепко, будущую жену во сне видел...

К свадьбе подготовились основательно, невеста не из бедных, кому охота перед будущей родней лицом в грязь ударить? Строительство забросили до поры до времени. Старшие братья вновь пожаловали с жёнами и детьми, на этот раз, их по соседям разместили. Ронана с младшим сыном и женой аптекарь к себе спать позвал, чтобы молодым в брачную ночь никто не мешал, сильно пылкие новобрачные оба, про то по деревне легенды ходят, одна краше другой. Но уже никто не смеётся, скорее завидуют, да и с ведьмой никому не охота сталкиваться. Все уже поняли, – с Жюзьен шутки плохи, ни с её ли благословения братик названный себе такую партию оторвал? Девку до свадьбы с ума свёл, да чуть не уморил ненасытный...

А тут ещё и с ухом мальчишки, целая история приключилась. Оттаскала Жюзьен пацанка одного за шутки злобные к аптекарской дочке, да пригрозила, коли будет дальше над другими смеяться, ухо отвалится. Видно пошутил ещё, ухо-то и почернело, врачи руками разводят, ампутацию предлагают, а как мальчишке одноухому жить?

Делать нечего, пошли на поклон к Жюзьен родители с подарками дорогими, милым Богом прощения вымаливали, чтоб забрала свои слова обратно. Да слово не воротишь, но всё же сжалилась над ними, ушла с мальчишкой с глазу на глаз поговорить, к месту, где корову схоронили.

– Язык твой – враг твой, запомни! Пожалее я твоё ухо ради мамки с папкой, но ты крепко заруби себе на носу, нельзя людей обижать, а то сам на их месте окажешься. За всё в жизни плата есть. Ложись на землю больным ухом, да слушай, что будет...

Обливаясь слезами, лег мальчишка как велено было. А из-под земли, вдруг, раздалось мычание, вскочил как ужаленный и со страхом великим убежал до дому своего, не оглядываясь. Родители вернулись, а ухо, как ничего не бывало, – здоровое, но сына словно подменили: присмирел, с друзьями гулять отказывается, в игры не играет, коров почему-то боится...

На свадьбу все пришли, сильно уж интересно на горячую парочку поглазеть, да и угощение славное, аптекарь и Ронан хорошо постарались.

Священник, всё тот же, что на похоронах у Катарин был, пробубнил себе под нос монотонно венчальные молитвы без особого на то вдохновения. На проповеди так и вовсе, гости чуть не позасыпали, а за столом, гляди, оживился, как пару рюмок хорошего кальвадоса выпил, так и праздничный вид приобрёл.

– Что ты грустная такая? – Реми жену обнял, в глаза заглянул.

– Да так, на людей смотрю, изучаю...

– Чего их изучать? Людей любить надо!

– Не получается у меня, как у тебя, на всё глаза закрыть и просто любить их, Реми. Как же изъяны не замечать? Как не воспитывать?.. Ведь живут, как сорная трава, и думать не думают, что за всё ответ держать приходится!

– Что за мысли в твоей голове, жена? Не сегодня, давай, праздник ведь!

«Не было бы этого всего, если б я бурёнку не погубила...» – думала Жюзьен, но держалась, мужа пожалела, он в неведении своём – счастлив с нею. А её душа изболелась вся, радости больше не ощущает, и голоса заветного не слышит... Ушла тихонько ото всех, туда, где коровка лежит, и снова плакала.

«Сколько меня мучить будешь? Почему не отвечаешь?! Каюсь и слёзы лью который день, но ты меня оставил!..»

«Здесь я, никуда не делся. Больно на тебя смотреть.»

«Правда, здесь?» – Жюзьен вскочила, вокруг огляделась, там во дворе столы накрыты, голоса подвыпившие слышны, музыка играет, лампы яркие горят... А она в темноте – одна одинёшенька, возле бугорка сидит. На этом месте цветы посадила, да только не приживается ничего.

«Отец, ты меня прощаешь?»

«Бог милостив, Жюзьен, только пойти тебе надо к священнику и исповедоваться честно, ничего не тая...»

«К этому? Ты его видел?»

«Найди того, кому доверишься.»

«Зачем искать? Ты здесь – в моей голове...»

«Нет у меня теперь таких полномочий. Только молиться за тебя могу.»

«Помолись, отец, помолись, может приведёшь меня к тому, кому сердце открою, а сейчас не могу, прости. Муторно мне на людей смотреть.»

«Дело не в них, а в тебе. Лампадка твоя почти совсем погасла, зла на сердце много. Вот и видишь во всём только плохое. Даже не заметила, как Кристель на тебя с благодарностью смотрит, как счастлива девица. Да и Адриан не нарадуется...»

«Ты ж говоришь, зла много! А кто им это всё дал?»

«Бог и дал, Он так милостив, что и из плохого доброе сделать может. Не колдовство твоё их счастливыми делает, а молитвы, добрые помыслы и слёзы твои. Когда поймёшь это – путь свой исправишь.»

– Вот где ты, а я уже весь двор оббежал, все сараи осмотрел! Снова плачешь! Да, что же мне с тобою делать?! – снял куртку, набросил ей на плечи, к своей груди прижал. «Уж не по брату ли нашему убивается? Неужели его больше меня любит?!»

Жюзьен притихла, слабая, незащищенная, одинокая такая.

– Хоть бы ребёночка пожалела! Сидишь тут, в темноте, над коровой своей горюешь. Куплю я тебе другую, обещаю: заработаю и куплю!

– Ничего ты не понимаешь, Реми! Плохая я, насквозь плохая, не такая тебе жена нужна.

– Что говоришь?! Замолчи, дурёха! Не нужно мне никаких других, ты – самая лучшая! И очень добрая, сама себе цены не знаешь! Может, ты расстроилась, что свадьбы у нас такой не было, ну так Бог с ней, хочешь, денег накопим и мы пир на весь мир устроим?!

– Не о том, Реми, я совсем не о том...

Глаза любимые поцеловал, на руки поднял, поцелуем губы солёные накрыл. Чует его сердце, что если дальше она откровенничать будет – худое случится. Не даёт ей говорить. Не нужна ему эта правда, счастлив он тем, что есть. До шалаша донёс, в него и спрятались.

– Дай, я тебя отопрею, замёрзла вся, расстроилась, а ведь сама об этой свадьбе так пеклась, невесту готовила... – и снова поцелуй, – Жюзьен, таинственная моя, вся ты для меня – сплошная загадка. И не хочу я тебя разгадывать!.. – не договорил и в любви не признался, но любил сильнее прежнего и нежнее, и ласковее, чем когда-либо, да животик её, слегка уже округлившийся, без конца целовал. – Моя Зорюшка-Ясная, Мой Красный Закат, Жизнь Моя...

Позабыла обо всём, раскрепостилась, груз тяжёлый с плеч сбросила, только в нём и спасение, нет никого ни роднее, ни ближе на всей земле! Значит, всё хорошо и так как надо, а что не так, пусть Бог простит. Жизнь, она такая штука, – сложная, и нужно уметь её прожить.

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 5

Хозяйкой Кристель оказалась никудышной. Дома за ней всё мамка да няньки бегали, вот только ничему не научили. Всё Жюзьен приходилось по-прежнему самой делать. Невестка белы рученьки берегла, за скотиной убирать не хотела, готовить не умела, даже прибраться толком не могла. Жюзьен её и так и этак науськивала, объясняла, ругалась, воспитывала, только всё без толку.

– Не прожить с такой женой без служанок. Что делать будут, не знаю, – жаловалась она Реми.

По ночам молодожёны спать никому не давали, всё никак не могли нарадоваться своему воссоединению, а утром мужчины уходили дом поднимать, молодуха спала, а Жюзьен за двоих работала, не было ей ни помощи, ни поддержки. А ведь сама тяжелела день ото дня, ребёночка вынашивала. Накопилась в ней обида и перестала она жену Адриана жалеть.

– Тебе бы только мужа ублажать, да стонать на весь дом. Спасу от вас нету, скорей бы к себе съехали. Хорошо тебе у нас? Конечно, всё прибрано, сделано, только ты и пальцем не пошевелила... И не совестно, вот так полдня на перине валяться?!

– Это ты завидуешь, что муж у меня хороший, горячий и пламенный, не чета твоему, вас и не слышно, словно мышки в норе копошиться.

– Просто совесть нужно иметь, о других подумать! А мужа моего ты не трогай, не тебе о нём судить, поняла?! Я за Реми убью! – зыркнула на Кристель так, что та слегла с головной болью. День лежит и два, и три, порошки отцовские не помогают. Зато домашние выпались, отдохнули в тишине. Даже Адриан тому рад был, хоть и не признавался, но вымотался и устал, а после тяжёлой работы отдых нужен.

– Ещё немного и стены закончим, а там и крышу накроем, потерпи чуток!

– Устала я, Реми, мне бы тоже полежать, спину вон как ломит, только кто же это всё делать будет? На кого животину оставляю?

– А ты потихоньку, не спеша, и отдыхай почаще... – жалел её муж, только помочь ничем не мог, сам от рассвета до заката вкалывал, как проклятый, а никуда не денешься. Отец уже не тот, что раньше, годы своё берут, а не жалуется, работает со всеми наравне, как бы не слёг... Кому сейчас легко?

Камни привозили на телеге, сами загружали, сами выгружали, сами строили. Не по карману рабочих нанимать. В материалах не нуждались, аптекарские деньги помогали, но не сорить же ими, всё по делу, монетка к монетке, ещё за свадьбу не со всеми рассчитались.

Так и жили день за днём. До зимы крышу сделали, остались внутренние работы. Жюзьен по дому и по хозяйству со своим большим животом ползает, как поспекает и сама не знает. Кристель отдыхает, красоту наводит, мужа ждёт... Зашёл как-то раз аптекарь дочку провести и понял всё. Жалко ему сироту стало, на сносях уже, а девица его ленивая, будто и не замечает, как другим тяжело.

– Жюзьен, я к тебе помощницу пришлю, от нашей красавицы, как вижу, проку мало.

– Не потерпит Ронан чужих в доме, – с тяжёлым вздохом сказала и разрыдалась.

Обнял как свою, к сердцу прижал.

– Ты уж прости нас, что дочку не воспитали как надо, одна она у нас, вот и жалели все. Мать её баловала, всё ей прощала, мне бы встрять по-отцовски, а всё работа, работа, да ты и сама знаешь, я в деревне и за врача, и за писаря. Все ко мне бегают, чем могу, помогаю.

– Вы – золотой души человек, Ренне, столько для меня сделали! Я всегда Вас добрым словом вспоминать буду.

– Чего это вы тут обнимаетесь? Я не поняла! – явилась с прогулки Кристель. – Ты дочку провести пришёл, или со своей любимицей повидаться?!

– Не стыдно тебе, бессовестная, всё на беременную перекладывать, бедняжка совсем тяжёлая.

– А чем я ей помогу? Меня не учили за скотиной ухаживать и грязь убирать, вы меня к другой жизни готовили!

– Да, кто ж виноват, что ты с первым встречным во все тяжкие ударила?! Чего хотела – то и получила, привыкай! Тут тебе не на рояле музицировать!

Обиделась, ушла, дверью стукнула, да так, что ребёнок в животе у Жюзьен подпрыгнул, надавил куда-то, она и вскрикнула.

– Посиди, моя хорошая, а может, приляжешь?

– Спасибо, лежать мне тяжело. Я посижу маленько.

– Во сколько мужчины ваши уходят?

– Да как светлеет так и уходят, а по темну возвращаются.

– Вот я тебе и пришлю подмогу, пока их нет, Ронан и не узнает. Где же это видано, чтобы в таком положении, ты всё одна делала?!

Только спазм не проходил. Испугалась Жюзьен, живот начала гладить.

– Э, нет, девонька, прилечь-то придётся, дай-ка я тебя осматрю.

Такой боли с роду Жюзьен не испытывала, словно калёным железом поясницу ей скрутило, закричала, всем телом дёрнулась, да опала на скамье без чувств.

Посмотрел аптекарь, а там кровь, что-то не так пошло... Испугался, засуетился, а не отойти от беременной, и за помощью послать некого. Была в той деревне одна повитуха, совсем необразованная, но умелая по-народному, её мать и бабка тоже повитухами были. К ней бы бежать, да как несчастную оставишь, свалится ещё со скамьи. Живот ходуном ходит, ребёнок бьётся, места себе не находит.

– И где только черти эту Кристель носят! – выругался, а у самого руки дрожат от волнения. Пошлёпал Жюзьен по щекам, чтобы в чувство привести, а она как закричит, хуже прежнего. Делать нечего, надо к родам готовиться, может дочка, всё ж таки, вернётся и поможет.

– Что такое? Что со мной?!

– Держись, Жюзьен, кажется, роды начались.

– Так рано ещё! Восьмой месяц только пошёл...

– И так бывает, тут уж ничего не поделаешь. Только перелечь тебе надо на стол, я помогу!

Скинул всё со стола, одеяло набросил, простынёй накрыл чистою, от платья Жюзьен высвободил. Криком кричит, бьётся как рыба без воды, несчастная.

– Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!.. – уже и молиться начал, растерялся совсем, тут и королевщина вернулась, да от зрелища того чуть в обморок не упала.

– За бабкой повитухой беги, дочка, до больницы нам её не довести, родит по дороге.

Вопли Жюзьен по всей деревне слышны были; так что, скоро вести и до окраины дошли. Бросил Реми работу и бегом до дома, ни разу не остановился, запыхался весь, когда добежал.

Как увидел кровищи сколько вокруг любимой разлилось, чуть с ума не сошёл.

– Шёл бы ты отсюда, парень, не до тебя ей! Чуть жива...

– Что говорите такое? Как же она без меня?! – за руку взял, целует и слёзы на глазах. – Ей в госпиталь надо, там врачи хорошие.

– Не довезём, растрясём по дороге, итак кровотечение.

– Тогда я врача сюда привезу!

– Поторопись!

Бросился к соседу, коня выпросил и со всей дури в город погнал.

– Слабеет она, а роды не идут. Истекёт... – повитуха показала на скальпель. – Резать надо. Только я не мастак по этим делам.

– Я, больше чем нарыв, ничего и не вскрывал.

– А ещё аптекарь! – укорила бабка.

– Есть в соседнем селе мужичок, колдун сильный, может, он поможет, послать бы за ним.

– Не хочу! Не надо, – простонала Жюзьен.

– А жить хочешь? О ребёнке подумай! Времени мало. Оба помрёте...

Послали кого-то, да только не успел он до соседней деревни доехать, колдун уже тут как тут был. Откуда узнал? О том никто не ведает, может, у них на своих чутьё работает?..

Выгнал всех из дома и ставни закрыл, чтоб никто не подглядывал.

– Ну, здравствуй, бедовая голова! Наслышан я о тебе, что учиться не приходишь?

– Сама кого хочешь научу!

– Так сильна?! Что ж себе не поможешь? Вытолкни его, да и дело с концом, – руки помыл в её крови, улыбается, глаза недобрым огнём горят. – Долго от призвания бегать будешь? Мало нас таких, каждый на счету. Ты свою силу веками растила, да только с пути сбилась. Любви поддалась. Негоже нам слабостям человеческим служить, – руку ей под спину просунул, боль и отпустила.

Хорошо так стало, но не долго, живот напрягся, стал как каменный. И, будто, вырывал колдун дитя изнутри тёмной силой своею. Малыш не кричит, не шевелится, крохотный такой.

– Мёртвый?

– Почти. Подумай, нужен ли?!

– Что с ним не так?

– Слепой он. Отдай мне его, себе ещё родишь здоровых и сильных, не таких как этот.

– Что удумал! Чтоб я своё дитя в чужие руки отдала?! Лучше убей меня, не бывать этому!

– Ну, как знаешь. Только не плачь потом...

– Пугать меня вздумал?

– Ох, как запела, а до этого помирать собиралась! – рассмеялся ведьмак. – Сама мне его принесёшь! А пока, пусть подрастёт да окрепнет.

– Не бывать этому! Никогда!

– Да, ты лежи, не кипятись, а то опять кровь польётся, только уже никто не поможет, – руку стариковскую ей на голую грудь положил, как иголками её закололо, загудели протоки молочные от приливной волны.

– Сама принесёшь, да в ножки поклонись, – сказал, как отрезал, и исчез.

– Нет! Нет! Не будет по твоему! – кричала ему вслед Жюзьен, да только её никто уже не слышал.

Прибежали аптекарь с повитухой, ожидали мёртвого ребёнка увидеть, раз мать так рыдает, ан нет, живой, только слабенький очень. А колдуна и не видать, след простыл. Пупок новорождённому перевязали, помыли, укутали, к груди прикладывают, а из неё молозиво прямо капает, чудеса да и только.

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 6

Когда примчался Реми с доктором, младенец, уже грудь причмокивая, дремал. Опустился перед ними на колени, дрожащей рукой сыночка коснулся, тот глаза и открыл, мутные, непонятного цвета. Ручки малюсенькие, пальчики цепкие, ищут за что ухватиться, поймали отцовский палец и замерли. У Реми от счастья слёзы текут. А позади брат стоит со своей женой, смотрит.

– Мальчик?

– Да, – Жюзьен кивнула, у самой слёзы в глазах стоят, больше ничего вымолвить и не может.

– Родная! – нежные губы коснулись её лица. А ей так хотелось услышать другое слово... но Реми его так же тщательно скрывал, как сама она имя отца Эдуарда.

– Раз уж я такой путь преодолел, позвольте роженицу и младенца осмотреть.

– Давайте все выйдем! – подал голос Ронан, он только что пришёл. – Не будем толпиться и мешать.

Пока все выходили, аптекарь рассказал доктору о большой кровопотере у неё при родах.

– Как удалось остановить?

– Да, Бог его знает, – честно признался Ренне, всё ещё потрясённый случившимся.

– Разрешите? – врач показал на покрывало.

Жюзьен согласно кивнула. Откинул он его и ахнул. Как кровь не вытирали, сколько простыней подложили, все пропитались.

– Как ты жива ещё, девонька?!

Промолчала Жюзьен, отвернувшись, смахнула слезу. Слова ведьмака из головы не выходят, страхом опутали...

Достал он инструменты для осмотра, всё кропотливо проверил.

– Никогда ещё такого не видел, столько разрывов, а все будто склеились, и шить нечего. Ты видно, в счастливой рубашке родилась! Малыша твоего осмотреть?

– Да.

Взял мальчонку от мамы, он тут же и заплакал, да так неистово, взхлёб, словно режут его, а не на руки берут.

Первый раз Жюзьен голос сына своего услышала, сердце материнское воспламенело любовью: счастье и беда уместились в нём.

– Недоношенный недель шесть, но всё же крепкий. Основные инстинкты присутствуют, вот только глаза... Нет реакции зрачка на изменение света, – он несколько раз подносил и уносил лампу, – но он ещё такой крохотный, может мне показалось...

Жюзьен и без доктора знала ответ.

– Я навещу вас, когда буду в этих краях. А сейчас отдыхайте, набирайтесь сил, Вам нужно полежать хотя бы несколько дней и хорошо питаться: печень, рыба, капуста, мёд, орехи, яблоки, свекла... Теперь вы не только себя питаете, а ещё и малыша, – врач собрал чемодан, посмотрел с сочувствием на роженицу, попрощался и вышел. Там, во дворе, успокоил родных, дал советы по уходу за матерью, и даже денег, почему-то, не взял, хотя ночь уже на дворе и путь обратно неблизкий...

Реми не терпелось жену обнять, он был счастлив и не догадывался ни о чём, что здесь произошло в его отсутствие. Все вокруг словно воды в рот набрали, про колдуна никто и не вспомнил. Повитуха прибралась и спать пошла, а за нею аптекарь, прихватив с собой дочку, нерадивую, и зятя, чтобы дали покоя новорожденному и его родителям в эту ночь. Ронан сразу спать лёг, чтоб никому не мешать, да и усталость на него смертельная накатила. А Реми жену омыл,

на руках до кровати отнёс, заботился обо всём, устали не зная. Блаженный в своём неведении, хороший такой, что любая женщина мечтала бы с ним рядом быть...

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 7

Младенец хорошо питался и крепко спал, хлопот с ним было мало, плакал редко и по делу, а всё остальное время пребывал в блаженстве, особенно, на руках у своей матери. Улыбка не сходила с румяного личика, и Жюзьен не могла налюбоваться сыном. Назвали его Дариен. Вскоре близкие начали замечать, что с глазами у мальчика что-то не так, а потом и вовсе поняли, что не видит он ничего, но это не мешало ему быть счастливым, ведь он не знал, что такое видеть. Как ни старалась Жюзьен сыночку помочь, все её усилия были тут напрасны.

Дом Адриану к тому времени уже подняли, молодые своим хозяйством зажили, да ещё и со слугами, иначе б такую жену никто долго не вытерпел. Единственное, что умела Кристель, так это мужа ублажать, но и тут меру знать надо. Вот и сбегал, время от времени, куда подальше от своей неистовой супруги, а потом и вовсе в армию подался.

Ронан, после строительства сыновнего дома, надорвался и сильно сдал. Всё, что мог теперь, – это за скотиной приглядывать да по хозяйству подсобить. Реми один семью кормил. Потому часто и по долгу отсутствовал. Жюзьен старалась везде поспевать: и дома, и в аптеке с травами, и с сынишкой слепым...

Шёл ему уже третий годок, когда на пороге появился гость неожиданный, откуда взялся чёртков колдун, никто и не понял, только собаки залаяли как-то по-особенному свирепо. Сердце материнское ёкнуло в груди. Заслонив собою мальчугана, Жюзьен собрала все силы, чтобы противостоять окаянному.

– Я пришёл забрать своё, – старикашка оскалился, словно старый потрёпанный волк.

– Не бывать этому! И не мечтай!.. – процедила она сквозь зубы.

– Если б ты училась, возможно, смогла бы защититься. На одной природе – далеко не уедешь. Мне нужен преемник, устал я уже по этой земле ходить. Дариен – славный сосуд. Его третий глаз обоих других будет стоять. Не противься, девчонка, не то хуже будет!

– А ты попробуй! – Жюзьен собралась и, закатив глаза, разбудила в себе древнюю силу, что так тщательно скрывала и прятала все эти годы. Удар был таким, что задрожали каменные стены в доме, но старик и не пошатнулся.

Он направил против строптивой ведьмы свою мощь так, что колодезная вода в ведре закипела. В ушах стоял гул, глаза наполнились кровью, но Жюзьен выдержала, только на защиту сил ушло много больше, чем на нападение.

– Отдай пацана и будешь жить счастливо.

– Без него мне жизнь не нужна!

– Ну, как знаешь, только и я не отступлю! Твоих похоронишь за год, а потом сама приползёшь!.. А ведь можно было по-хорошему!

– Вот тебе, а не Дариен! – она плюнула ему в лицо. Слюна, зашипев, испарилась. Если бы в дом кто-то зашёл в тот момент – живьём сварился б. А этим хоть бы хны, и малой туда же, притаился за мамкиной юбкой, чуть дышит, не шевелится, словно, знает всё наперёд и не хуже зрячего видит.

– Я тебя предупредил, – прохрипел изверг и, стукнув дверью, удалился.

Подбежала Жюзьен к окну – а там никого. Только собаки беснуются. «Господи, что же будет?! Отец, помоги!»

«Что поделаешь против тёмной силы? Одно знаю, Жюзьен, злом зло не победить. Тут другая сила нужна. Сейчас ты по его правилам играешь, тем, что ему знакомо и подвластно. Хочешь родных спасти, начинай Богу молиться! Только Он тебе и может помочь.»

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 8

И отправилась Жюзьен в паломничество по святым местам Бретани вместе с сынишкой. За два месяца в дороге семь святых храмов посетила, семи христианским мученикам поклонилась, каждого молила о помощи и защите Дариену. Дошла до Ренна, там дух отца Эдуарда сказал ей найти Бернарда Жозефа Дюбуа. Поспрашивала в Кафедральном Соборе, и отвели её в резиденцию епископа. Удивилась Жюзьен, увидев преподобного отца в облачении с малиновым поясом и шапочкой. Он принял её сразу, как только услышал заветное имя – Эдуард Боссе.

– Какой же ты выросла красавицей! – епископ обнял ту, которую помнил маленькой рыжеволосой сироткой из приюта, пламенно отстаивающей честь дорогого для них обоих человека на разбирательстве пасквилей толстого борова, имени которого он уже и не помнил.

С грацией стареющего барса, как всегда подтянутый и элегантный, Бернард своим добрым отеческим взглядом смутил молодую женщину. Его тёмные волосы покрылись за эти годы благородной платиной, теперь он сам был епископом, и в его подчинении находился целый регион. Время для Церкви было непростое, шла полным ходом реформация системы обучения. Отныне право открытия учебных заведений предоставлялось только лицам с высшим светским образованием, школы, содержащиеся духовенством, подлежали закрытию, кроме того, шла речь о том, чтобы запретить преподавание Закона Божия на бретонском языке. И пока политики решали судьбу народа, клирики отчаянно боролись за подопечные школы и сиротские приюты.

– Это твой сын?

Дариен привычно держал маму за руку, находясь чуть позади неё, сразу и не подумаешь, что мальчик слепой. Он живо реагировал на звук и поворачивал голову к говорящему, но глаза его мутно-карего цвета оставались всегда неподвижными.

– Да, это Дариен – мой единственный сын.

– Подойди ко мне, малыш, не бойся!

Жюзьен подвела его за руку.

– Он не боится, просто слепой от рождения.

– Мне жаль, очень жаль, – он взял мальчика на руки и заглянул в его безмятежное личико. Детская ладошка боязливо прикоснулась к его гладко выбритому лицу.

– Это из любопытства, простите его, святой отец!

– Что ты, какие извинения тут могут быть?! Мне даже приятно, что ребёнок проявил интерес.

– Он испачкает Ваше облачение грязной обувью.

– Не беда. А ты, я вижу, совсем устала с дороги и еле стоишь на ногах. Я дам распоряжение, чтобы вам приготовили апартаменты. И когда вы как следует отдохнёте, мы спокойно обсудим то, что привело тебя ко мне.

Жюзьен благодарно поклонилась. Больше всего на свете ей сейчас хотелось смыть с себя дорожную пыль и, хоть на протяжении всего путешествия Бог посылал ей добрых и гостеприимных людей, не у всех из них была возможность помыться.

– Меня привёл к Вам отец Эдуард.

Жозеф вздрогнул, в его красивых глазах притаилась тоска.

– Это интересно. Ты видишь его во сне?

– Нет, я его слышу, вот точно так, как сейчас Вас, монсеньор. Он сказал мне, что Вы можете помочь в том непростом деле, из-за которого я прошла сотни миль.

– Вижу, дело серьёзное, и сделаю всё, что в моих силах. А сейчас как следует поешьте и отдохните! – Он осторожно опустил мальчика на ноги, словно он хрустальный, и передал его маме.

– Спасибо, что приняли нас, святой отец!

– Какой же я святой, Жюзьен, не смейся надо мною. Единственный, кого я мог бы так назвать, давно покинул наши просторы, и то, его смерть бросила большую тень на дорогое нам имя.

– Он пошёл на это осознанно и не хочет, чтобы его считали каким-то особенным...

– Но ты ведь знаешь, что это так!

– Я знаю. И впервые сегодня произнесла его имя. Оно для меня священо, чтобы там ни говорили...

– Мы понимаем друг друга, – Бернард тяжело вздохнул. – Что ж, девочка, собирайся с силами! А мне пора, дела ждут. Завтра я тебя вызову. Выспись хорошенько!

В гостевом крыле им выделили несколько комнат, хотя хватило бы вполне и одной. Но, что больше всего удивило Жюзьен, это электрический свет, а ещё – настоящая ванна с водопроводом и горячей водой. Это была сказка! Первым искупав Дариена, она уложила его в постель, но тут принесли ужин, от которого не было сил отказаться. Аромат овощного рагу с нежной отбивной из телятины манил изголодавшихся путников. А налитое в бокал красное вино вообще превзошло все мечтания. После деревенской нехитрой жизни, паломнических мытарств и дороги всё, что с ней происходило сейчас – казалось неправдоподобным, фантастическим, волшебным.

«Вот бы Реми был с нами и увидел всё это собственными глазами!» – подумала она и тихонечко вздохнула, ведь ушла даже не попрощавшись, когда муж был на заработках, написала ему на листочке лишь пару слов, что отправляется по святым местам искать для Дариена защиту и Божье благословение. Наверняка, он места себе не находит, переживает за них... А если с ним что-то случится? Сможет ли Жюзьен простить себя, что её не было рядом?! Отгоняя от себя тяжёлые мысли, она сняла потрёпанную одежду и опустила в тёплую, как парное молоко, воду. Большого блаженства и представить себе невозможно.

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 9

Каково же было удивление Жюзьен, когда она, очнувшись, обнаружила возле своей постели красивое, совсем новое, платье и одежду для сына. Чудеса не прекращались, сказка продолжалась, и она ощущала себя Золушкой, впервые попавшей на бал. Пришла горничная и помогла ей одеться, а так же передала записку, написанную изумительно красивым ровным почерком:

«Примите скромные дары, от всего сердца вам преподнесённые. Надеюсь, с размерами угадал. Жду вас к обеду. Бернард.»

Платье было изумрудного цвета, скромного пошива, без излишеств, но Жюзьен никогда в жизни не видела ничего прекраснее этого фасона. Привыкшая к деревенским обычаям, лишённая даже самого порой необходимого, она никогда не жаловалась и не искала лучшего, довольствуясь тем, что имеет. И эти подарки казались ей поистине королевскими. Дариен в детском костюмчике славного покроя выглядел маленьким принцем. Жюзьен покружилась у большого зеркала и пришла в полный восторг. Жаль, что сынишка не видел, какая она красивая, но чувствовал её восторг и тоже радовался, ощупывая необычную одежду на себе, такую мягкую и дивно пахнущую.

И вдруг, восторг сменился унынием. «Зачем всё это мне? Бедной девушке из деревни, все эти радости будут вспоминаться потом печалью. И нужно бы отказаться, но вот беда, верхняя одежда куда-то пропала, видимо её забрали постирать, а в нижнем белье никак не отправишься на приём к его святейшеству. И как просто, как душевно он написал: «Бернард», словно простой смертный, а не епископ. Жюзьен вздохнула и ещё раз оглядела себя в зеркале. Оттуда не неё смотрела незнакомка со струящимися после хорошего мыла ярко-алыми волосами, кудрявыми от рождения; в больших грустных глазах не осталось и тени вчерашней усталости, молодой упругий стан, тонкая талия; после родов она стала совсем женщиной, получила приятную округлость бёдер. Сирота из приюта, которую приняла крестьянская семья, и её маленький слепой ребёнок неожиданно оказались в гостях у сильного мира сего. Это было невероятно!

– Позвольте, я помогу Вам уложить волосы, – горничная взяла расчёску и, не дожидаясь ответа, начала аккуратно расчёсывать непослушные пряди.

– Мой чепец тоже забрали?

– Всё отнесли прачкам, чтобы привести в порядок. Мой Вам совет, не одевайте его здесь.

– Я как-то привыкла, – смутилась Жюзьен и пожала плечами.

Без куафа она ощущала себя словно голой, совсем на показ. Кроме её мужа, мало кто видел до сих пор её густую огненную шевелюру.

Взглянув на часы, стоящие у камина, Жюзьен невольно вздрогнула, она проспала почти до обеда, надо же, это так не похоже на неё. Такое себе могла позволить только Кристель, и то лишь потому, что вечно бездельничала.

«Как они там? – вновь защемило сердце даже по ленивой невестке. – А вдруг, пока её нет, ведьмак уже исполнил свои угрозы? Нужно торопиться, нужно что-то делать, а для этого она готова пойти на всё, и, раз уж отец Эдуард направил её сюда, нужно идти до конца.»

Когда их привели в покои монсеньора, Жюзьен ахнула. Она ещё никогда не видела подобной роскоши и красоты. До сих пор пределом всех её мечтаний оставалась скромная квартирка отца Эдуарда, которую она вспоминала как самое лучшее из того, что ей пришлось повидать. Дом аптекаря, хоть и был больше других в деревне, не отличался ни вкусом, ни изяществом. Но здесь на стенах висели настоящие старинные гобелены, картины в золочёных рамах, серебряные канделябры, которые уже почти не использовались, стояли для красоты, начищенные до блеска; хрустальные лампы на высоких потолках, мраморная отделка, живописные ковры,

зеркала и мебель из светлого дерева с резными узорами, – всё составляло одну общую картину богатства и роскоши.

Когда появился Бернард, она даже не поняла. Не услышала его шагов по мягким коврам, он стоял позади неё и наблюдал, не подавая признаков присутствия. Встретившись с ним восхищённым взглядом, Жюзьен сконфузилась, и её щёки запылали.

– Как в музее, да?! – Бернард по-доброму засмеялся. – Это всё мне не принадлежит. После меня в эти хоромы войдет другой епископ, чтобы потом уступить это место следующему. Когда я впервые вошёл сюда, тоже был поражён не меньше вас... Твой малыш всегда такой молчаливый?

– Он умеет говорить, но чаще молчит, потому что прислушивается к окружающему, он воспринимает мир другим, не так как я или Вы...

– Может быть, нам будет проще перейти на «ты»?

– Я не смогу... – она ещё больше покраснела, – я глубоко уважаю Вас.

– Ладно, называй меня, как тебе удобно, только давай безо всех этих «святейшеств» – ЭТО мне приходится ежедневно терпеть от своих подчинённых. Присаживайтесь, мои дорогие! – он указал на удобные бархатные кресла возле бронзового журнального столика. – Обед подадут в двенадцать, а пока мы можем спокойно поговорить...

– Простите, я забыла поблагодарить Вас...

– Не стоит благодарности, любой уважающий себя человек предложил бы вам кров и всё необходимое.

Жюзьен осторожно присела на краешек кресла и расправила складочки на пышной юбке своего нового платья. Бернард невольно залюбовался ею. Столь яркой женщины он уже давно не встречал и старался избегать подобных соблазнов, но эта гостя была особенной, она вызвала в нём те душещипательные воспоминания, от которых его сердце оживало и начинало волноваться всякий раз, когда он вспоминал того необыкновенного человека, с которым несколько раз свела его судьба, и кто открыл ему глаза на истинную веру и предназначение священника... Последнее время он часто думал о нём, и всякий раз душа наполнялось непонятным, загадочным светом, теплом, что излучал когда-то отец Эдуард. Не знал Бернард, что душа усопшего навещала его в минуты тоски и отчаяния, чтобы поддержать молитвой и надеждой.

– Рассказывай, Жюзьен, не томи!

– Я не знаю с чего начать... Мне необходимо исповедоваться, прежде чем мы начнём разговор.

– Ты хочешь сделать это прямо сейчас, здесь? Или мы спустимся в храм?

– Там могут услышать... Моя исповедь не простая, отец.

– Что же ты думаешь, я мало слышал грехов и тебе есть чем меня удивить? – лёгкая улыбка коснулась его губ, и от этого лицо просветлело. На мгновение Жюзьен показалось, что напротив неё сидит отец Эдуард. Та же доброта и спокойствие, смешанные с непобедимой печалью, исходили от него.

Жюзьен неожиданно для себя самой опустилась перед ним на колени и заплакала.

– Подожди! – Бернард заставил её подняться на ноги. – Ни к чему ребёнку слышать нас! – он позвонил в колокольчик, пришёл слуга. – Отведите мальчика в летний сад и побудьте с ним. Я сообщу, когда подать обед.

Камердинер поклонился и хотел взять Дариена за руку, но тот воспротивился.

– Не бойся, сынок, я скоро приду за тобой, ты совсем недолго побудешь с этим добрым человеком, – прошептала Жюзьен, малыш послушался и безропотно последовал за мужчиной.

– Теперь мы одни, можем начать, – епископ перекрестился и осенил крестным знамением Жюзьен. Она последовала его примеру.

– Последний раз я исповедовалась ещё в детстве, когда был жив Эдуард Боссе. С тех пор я премного согрешила...

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 10

Подобной исповеди Бернард ещё не слышал. Он, мягко говоря, не верил во все эти тёмные дела и приписывал их невежеству и суевериям, представить, что эта плачущая перед ним молодая женщина – колдунья, тоже не мог. Но её душу переполняло раскаяние, а его – сострадание, и они оба искали спасения в Боге, единственном, Кому ведомы все наши тайны и деяния.

Когда речь пошла про угрозы старика, епископ и вовсе растерялся, можно было списать всё сказанное Жюзьен на фантазию, но уж слишком сильны были её переживания. Даже если предположить, что всё обстоит именно так, как говорит кающаяся, чем может помочь он, человек не сведущий в этих вопросах? Максимум того, о чём знал Дюбуа, это то, что есть люди одержимые, и есть священники, которые могут им помочь. Но тут речь шла о другом. Чёрная магия, ни в чём неповинный ребёнок, его владеющая некой силой молодая мать и угрожающий членам её семьи безумный старик. Что делать? Времена святой инквизиции давно прошли, и никого больше не сжигают за сделки с дьяволом, в моде нынче гильотина, но светский суд сочтёт их обоих сумасшедшими за такие обвинения. Теперь, когда разделение Церкви и государства всё болезненнее разобщает народ, когда неверие властвует над умами и само существование религии ставится под вопрос, что может он, хоть и обладающий некой властью в определённых кругах?.. Впервые Бернард не знал, что сказать.

Каре-зелёные лучистые глаза, утопающие в слезах, смотрели на него с последней надеждой и ждали чуда.

– Я отпускаю тебе все твои грехи, дитя, властью данной мне свыше, *in nomine Patris et Filii, et Spiritus Sancti*, – он перекрестил Жюзьен, и она, взяв его руку в свои ладони, прикоснулась к ней губами. Тонкая раскалённая игла пронзила сердце, епископу стало тяжело дышать, кровь ударила в голову, он даже не понял, что с ним произошло. Высвободив шею от колоратки*, с трудом поднялся, словно не сорокавосемилетний мужчина, а почти старик.

Жюзьен отёрла слёзы и поднялась с колен. Поведение Бернарда показалось ей странным.

– Вам плохо?

– Тяжело дышать...

– Позвольте, помогу, я умею, – расстегнув на сутане несколько верхних пуговиц, она просунула ладонь к его груди.

«Ведь можно было этого и не делать!» – сказал внутренний голос, но она отогнала эти мысли прочь, жест был произвольный, теперь уже было поздно что-либо менять.

Соприкосновение с кожей мужчины, посвятившего себя служению Богу, взволновало её. Чистый хрусталь его души обьяло пламенем.

Большое сердце почувствовать нетрудно, оно тяжёлое и сильное. Бережно держа его, она пыталась облегчить боль, вбирая в себя весь груз многолетней тоски и одиночества этого человека, его бесконечных попыток обрести Бога или хотя бы приблизиться к пониманию Его воли. Сомнения, мытарства, разочарования, искушения, борьба с самим собой, – всего этого не увидеть обычными глазами у холёного и собранного, благополучного князя Церкви.

– Мы все уязвимы. У каждого – своя боль...

Впервые Бернард чувствовал себя столь беззащитным, она держала его сердце в ладони и оно пылало огнём, в этом пламени сгорало всё, что скопилось мёртвым ненужным грузом. Он чувствовал, как освобождается, как заново начинает жить, как чудесна сама возможность отдать себя кому-то, хотя бы на краткое мгновение, будь оно даже последним. И если эта женщина сожмёт ладонь и раздавит ему сердце, он не станет сопротивляться, он вздохнёт с облегчением, потому что смертельно устал от себя самого. Теперь Дюбуа понял, что есть сила, неподвластная ему, дар Богов или проклятье, но Жюзьен – другая, не такая как все...

– Что ты делаешь со мною?

– Спасая.

– Пришла за помощью, а сама овладела мной.

– Я не причиню вреда, Вы мне слишком дороги! И жизнь Вам предстоит долгая, в ней будет много доброго. Даже когда ночь и мрак сгустятся над вашей головой, есть луч, над которым не властны силы зла! Очень скоро Вы подниметесь на ещё одну важную ступень. Я вижу это. Ещё одно посвящение, и Вы у самого трона, совсем рядом с тем, кого считают наместником Христа! – она замолчала и резко убрала руку, словно сама обожглась.

– Что это было? Колдовство?

– Нет, я ничего не делала специально... Как Вы себя чувствуете?

– Легко. Словно мне снова двадцать.

– Слава Богу! – она улыбнулась.

Бернард поправил воротничок и застегнул пуговицы. «Откуда ты взялась на мою голову, и как теперь не думать о тебе? Седина на висках, а я влюбился, как гимназист, и не сказать никому и не оправдаться...»

– Пойдём за твоим сыном.

– Его зовут Дариен.

– Хорошее имя.

Но в летнем саду малыша не оказалось, а вот слугу нашли, он лежал бездыханно на каменном полу с посиневшими губами, как после удушья.

– Дариен! – закричала Жюзьен, что было сил, но никто ей не ответил.

* от фр. *collerette* – «воротничок»; итал. *collare*; оба от лат. *collum* – «шея» или римский воротник (фр. *col romain*, англ. *Roman Collar*) – элемент облачения клириков и иных священнослужителей в западных Церквях и церковных общинах, представляющий собой жёсткий белый воротничок с подшитой к нему манишкой. (из Википедии)

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 11

– Успокойся, мы найдём его! Малыш не мог далеко уйти. Видимо, слуге стало плохо и мальчик испугался, спрятался где-то...

– Вы не понимаете, это ОН! Я точно знаю, он отвлёк меня на Вас, чтобы я потеряла контроль, Ваш слуга задохнулся не просто так.

– Но там нет признаков насильственной смерти.

Жюзьен остановилась, и они встретились взглядами.

– Поверьте мне, просто поверьте, Бернард!

– Сюда никто не мог проникнуть, минуя охрану.

– Он может появиться и исчезнуть, когда пожелает, ему прислуживают демоны! И теперь эту дрянь он запустит в моего мальчика! – Жюзьен зарыдала, он прижал её к своей груди, не находя слов утешения.

Сердце бешено колотилось в груди. «Если то, что он испытывает, – наваждение, то что тогда настоящая любовь?» – думал епископ, незаметно прикасаясь губами к огненным волосам и вдыхая их неповторимый запах. Ради неё он был готов сейчас на всё, лишь бы помочь, лишь бы утешить...

– Нужно вызвать жандармов, а потом мы поедem его искать и обязательно найдём, я обещаю!

Жюзьен всхлипнула и по-детски отёрла слезу об его дорогую сутану. Когда-то в детстве точно так же её утешал отец Эдуард, и этих минут ей не забыть никогда.

Горничная принесла воды, её саму колотило от ужаса и страха, впервые она видела такую внезапную смерть у вполне крепкого и ещё нестарого человека, к тому же, камердинер ей нравился, и сейчас она никак не могла поверить, что его больше нет.

– Побудьте здесь с моей гостьей.

Бернард вышел, чтобы позвонить, Жюзьен даже не знала, что такое телефонная связь. Она подумала, что он поедет в участок.

– Перестаньте дрожать, как осиновый лист! У меня слепой ребёнок пропал, и то я держу себя в руках! Пейте эту воду сами! И оставьте меня в покое!

– Но монсеньор приказал...

– Уходите! – Жюзьен чувствовала как закипает, в таком состоянии она уже никого не слышала, в ней клокотала бездонная злость и единственное, чего ей хотелось сейчас – это убить проклятого старикашку, но для начала его нужно найти!.. Одежду ещё не вернули, и ей придётся уходить в этом платье, от которого у деревенских крышу сорвёт, плевать, главное, найти Дариена, главное успеть!

Она выбежала с котомкой и угодила прямо в объятия Бернарда, которого не предполагала застать.

– Убегаешь?! Я же сказал, поедem вместе, или ты думаешь, что пешком быстрее?

– Я не могу ждать! – Жюзьен, как проснувшийся вулкан, с трудом сдерживала свою лаву.

– Мы сейчас всё расскажем жандармам, сядем в машину и поедem, и скоро ты будешь там, где захочешь, – он сильнее прижал её к себе, не зная, чего желает больше: помочь найти мальчика или просто быть с нею рядом, ещё хотя бы немного. – Потерпи, девочка, скоро всё образуется. Мы обследуем каждый уголок этого города...

– Бесполезно, он уже далеко.

– Где же?

– Нужно найти логово ведьмака. Я предполагаю, где оно может быть...

– Ты считаешь, что мальчик каким-то чудом перенёсся в пространстве за сотню миль?

– Вы не знаете о его способностях!

– Я, действительно, ничего не знаю.

– Приехали! – доложила горничная, вытирая опухшие от слёз глаза.

– Будь здесь, не убегай, ради Бога! Я всё для тебя сделаю! – Бернард встряхнул ушедшую в свои мысли Жюзьен. Она кивнула в ответ.

Когда тело забрали, зафиксировав возможной причиной смерти камердинера сердечный приступ, Бернард сделал заявление о пропаже ребёнка.

– Возможно, это похищение, прошу Вас поднять на ноги весь город и найти мальчика!

В руки старшего жандарма легла крупная купюра.

– Сделаем всё, что в наших силах, монсеньор! – офицер отдал честь и удалился.

«Теперь, Жюзьен... Всё, чего пожелает, если захочет искать сына на Луне, последую за ней и туда, лишь бы не потерять её», – горячая волна пробежала по телу от одной только мысли, что она будет рядом. Бернард и не осознавал, какую страсть запустил в своё сердце.

Впервые сев в автомобиль, Жюзьен от страха зажмурилась, ей казалось, что они передвигаются с очень большой скоростью, епископ, одетый в светский дорожный костюм, кожаную куртку, шляпу и перчатки, время от времени брал её за руку и успокаивал, как мог.

– Я привыкну, не останавливайтесь, нам нужно как можно скорее попасть домой! – Жюзьен точно не знала, где живёт колдун, но были деревенские, кто к нему уже обращался, и она готова была вытряхнуть из них душу, лишь бы скорее найти своего сына.

Укрыв её тёплым плащом с меховым подбоем, Бернард всё равно волновался, чтобы его драгоценность не продуло. Добирались до деревни всю ночь, и он не сомкнул глаз, хотя искушение было. Жюзьен моментами проваливалась в густую тёмную дрему, но потом вздрагивала на какой-то кочке и вновь пробуждалась. Ехать ночью по тёмным просёлочным дорогам было и опасно, и тяжело, но Бернард держал своё слово.

В деревню въехали утром, что произвело на местное население настоящий фурор. Никто не знал, что спутник Жюзьен – епископ, но с первого взгляда было понятно, что не простой смертный.

– Совсем ведьма совесть потеряла, – затрясла головой проводившая взглядом машину старуха, – бедный Реми! Одно от неё горе... Явилась, не запылилась, с непокрытой головой, распутница, да ещё и любовника с собой богатого притащила! Горе-то горе, парень только отца с братом похоронил. Проклятая, совсем его добьёт!.. – перекрестилась и дальше пошла, глотая пыль, поднятую автомобилем.

Подъехав к дому, Жюзьен сразу поняла, что многое изменилось. Всё выглядело каким-то неухоженным и заброшенным, трава не кошена, во дворе разбросаны дрова. Зашла в дом и остолбенела. Затхлый запах табака и перегара ударил в нос. За грязным столом с горой немытой посуды, над которой кружились мухи, вдрызг пьяный, спал Реми. На кровати храпела какая-то баба. Открыв настежь окна, Жюзьен начала будить мужа.

У двери стоял Бернард и с ужасом смотрел на убогую деревенскую лачугу, на пьяного обросшего немытого мужика, не представляя, как эта удивительная, потрясающая женщина могла здесь жить...

Жюзьен полила на Реми водой из ведра, он, мыча от недовольства, пытался понять, кто пред ним и что нужно от него. Но, приглядевшись, всё же узнал жену и сразу протрезвел.

– Очнись же ты! Что здесь происходит?!

– Вернулась, жёнушка, не прошло и полгода!.. – пробормотал он и опешил, увидев богато одетого пожилого мужчину, стоящего за её спиной. Его взгляд выражал то презрение, которого Реми, безусловно, заслуживал в данной обстановке.

– Кто эта женщина? Где Ронан?! – безуспешно пыталась добиться от мужа ответов Жюзьен.

– Ронан уже неделю как на кладбище... – Реми мутило, голова раскалывалась, сердце болело в груди. Он смотрел на Жюзьен и не мог её узнать, она выглядела, как светская дама.

На ногах кожаные туфли, длинное зелёное платье, сверху тёплый плащ и укладка на непокрытых волосах. Словно видение из другого мира, под стать этому зажиточному красавцу с седой шевелюрой.

– Так вот они какие, твои «святые места»! Люди мне говорили, но я не верил, – кровь ударила в виски и лютая ревность потекла по жилам.

– Как это случилось? – Жюзьен была в шоке, столько всего навалилось на неё одновременно.

– Его сердце не выдержало смерти Адриана. Брата убили в Марокко, – он полез в карман своей куртки и достал из него медаль. – Вот всё, что от него осталось... А теперь ты ответь, где пропадала? И где наш сын? – он попытался встать, но не смог и снова опустился на лавку.

– Дариен пропал, как я не пыталась его спасти, он исчез.

– От кого спасти? Зачем?

– Я не говорила тебе, не хотела зря расстраивать и волновать, колдун, что был здесь при родах, решил отнять Дариена и сделать своим преемником...

– Это уж слишком, даже для тебя, Жюзьен! Лучше скажи правду, что избавилась от слепого сына, чтобы вместе с этим... – он метнул взгляд в сторону Бернарда и получил от жены звонкую пощёчину. – Меня предупреждали, кто ты, но я не верил! – он схватился за голову. – Зачем ты вернулась? Позлорадствовать надо мной?!

– Я найду сына и вернусь, вот тогда мы и поговорим! Сейчас с тобой разговаривать бесполезно! Позаботься, чтобы к моему возвращению – этой здесь не было!

Женщина, лежащая на её кровати, видимо, уже не спала, потому что храп прекратился, лежала тихо, прикрыв лицо ладонью, ведьмы боялись все, слава о ней давно звучала по округе.

Жюзьен хотелось выволочь распутницу за волосы и посмотреть в глаза, но она не стала этого делать. Силы сейчас нужны для главной битвы, а это всё подождёт. К тому же, ей было безумно стыдно перед епископом за столь неприглядную сцену. Они вышли из дома, сели в автомобиль, Берnard завёл мотор, разогнав деревенских детишек, словно стаю любопытных обезьян. Жюзьен видела, как Реми подошёл к открытому окну, его бледное лицо с провалившимися скулами и безумный взгляд.

Уже ничего не будет как прежде...

ЧАСТЬ 2. ГЛАВА 12

Через повитуху узнали, кто к колдуну обращался, а там, и как его найти, но на деле всё оказалось иначе. И Бернард с Жюзьен долго плутали, словно их кто-то каждый раз уводил с нужного пути.

– Ты мне при встрече сказала, что слышишь Эдуарда, – епископ, вымотанный ночной поездкой, протёр уставшие глаза.

– Да, это правда. Вначале я и сама не верила, считала, что это моя фантазия, голос, который я придумала, чтобы не чувствовать себя одинокой. Это ведь так удобно, когда никого нет рядом, представить, что есть кто-то, кто любит тебя, тот, кого нет, а значит, его никто не отнимет...

– И как ты поняла, что это не выдумка?

– Когда он на время исчез, как я ни пыталась представить себе его, как ни молила о прощении, ничего не получалось. Ведь это он меня к Вам привёл, я и имени Вашего уже не помнила. В моей памяти Вы остались опасным человеком в чёрном, который приехал, чтобы наказать нашего святого отца, я боялась Вас до безумия!

Бернард засмеялся.

– Что я, и вправду, был таким страшным?

– Как разящий меч правосудия!

– А ты мне показалась такой отважной девочкой, готовой всех порвать на части ради любимого священника!

Жюзьен впервые улыбнулась за это время.

– Представляете, чего мне стоило не показать своего страха!..

Он остановил машину и сгрёб Жюзьен в охапку, прижал к своему несчастному сердцу, она не сопротивлялась.

Между ними в эту минуту было много общего: неизжитая тоска по человеку, которого больше нет и взаимное притяжение. Разбитое изменой мужа сердце Жюзьен кровоточило.

– Так хорошо с тобой, что не знаю, как буду жить без тебя... – еле слышно прошептал Бернард.

Она ничего не ответила. Только подумала о том, что Реми тоже не знал, как жить без неё, не знал, куда деться со своим горем, ему не с кем было разделить отчаяние, и это в какой-то степени оправдывает его поступки. А ответственность за то, что с ним случилось, лежит на ней. Как бы больно ни было, нужно попытаться вернуть его к жизни.

А Бернард всё целовал её волосы и не мог надышаться женщиной, которую впервые по-настоящему полюбил.

– Нам нужно ехать...

– Но куда? Мы уже трижды возвращались на это место, здесь нет дороги, о которой говорили нам.

– Значит, мы оставим автомобиль и пойдём пешком! – она выскользнула из его рук, и Бернард, ощутив потерю, тяжело вздохнул.

– Может, Вам лучше остаться, Бернард? Вы не спали всю ночь и могли бы подремать, заодно присмотрите за машиной?

– Отпустить тебя в логово злодея одну? За кого ты меня принимаешь, девочка?!

– На самом деле, чем Вы можете мне помочь? Оставайтесь! Поспите, отец, так будет лучше и безопаснее для Вас, – её губы чуть коснулись его щеки, и тяжёлые веки опустились на уставшие глаза. Как ни пытался сопротивляться ей епископ, у него ничего не вышло. Колдовской сон утащил его сознание за собой.

Жюзьен бежала, цепляясь за колючки можжевельника, расцарапывая ноги в кровь. Она точно знала, что идёт в правильном направлении. Идёт, чтобы погибнуть, но спасти сына. В худшем случае, она убьёт его, но не отдаст в лапы демонам.

«Ты не знаешь, мой бедный Реми, что кроме медали от твоего брата ещё остался наш Дариен, может и хорошо, что не знаешь, лучше считай его своим... Как же больно Господи, как страшно, думать о муже и представлять его с другой... Неужели и с нею он был так же нежен, неужели его руки ласкали её, так же как меня? Что он чувствовал, когда изменял мне? Знаю, знаю, я не лучшая из женщин, и досталась ему не чистой, но как же больно даже представить себе это!»

«Жюзьен, соберись! Это колдун сейчас разжигает в тебе ревность, чтобы отвлечь от главного, он добивается, чтобы ты действовала силой зла, тогда Вы на равных и у него есть шанс победить. Не допусти этого! Думай о хорошем! Люби!...» – голос отца Эдуарда звучал громче обычного, так, словно он сейчас находился у неё в голове.

«Может быть ты прав, – подумала Жюзьен, и ей стало немного легче, – какая мне разница, что сделал Реми в минуты отчаяния, главное, что он любит меня; я знаю точно, любит, он любит нашего мальчика, и я буду бороться за них обоих!»

«Вот, и умница! А я тебе помогу...» – тепло наполнило её сердце словно сосуд, доверху. Но это не ослабило воли, она по-прежнему бежала, не жалея сил и не теряя бдительности.

В это время, благодаря усилиям Эдуарда, Бернард очнулся. Огляделся вокруг, понял, что Жюзьен его усыпила. Солнце уже склонялось к закату, и стояла нереальная тишина, даже птицы молчали, не было и ветра, ни одна веточка не шевелилась на деревьях. На мгновение Дюбуа показалось, что он никогда не выберется из этих лесных дебрей, и останется здесь умирать. Прошли уже почти сутки, как у него во рту не было и крошки хлеба. Хорошо, что ещё напился вдоволь воды у деревенских, пока Жюзьен вела свои расспросы, но всё равно тело испытывало ужасающие слабость и голод.

Вопреки всему, он вышел из машины и направился туда, куда его влекло сердце, словно охотник, идущий по следу за вожделенной ланью, он находил то там, то здесь признаки её продвижения. А вот и тонкий лоскуток зелёного платья, оторвавшийся от подола и оставшийся висеть на иглах ежевики, вот сломанная ветка... Какой-то внутренний инстинкт направлял его за возлюбленной. Ей грозила опасность, и даже если нет никакого колдуна и всё это плод её богатой фантазии, то в любом случае, необходимо её найти, пока не стемнело. В лесу опасно, и в этих краях водятся волки, вдвоём у них больше шанса согреться и продержаться до утра.

«Она скинула плащ, вот он лежит, значит я двигаюсь в правильном направлении!» – Бернард поднял знакомую вещь, она ещё может пригодиться.

Бежать по лесной тропе в длинном платье было нелегко, и Жюзьен надорвала подол, чтобы он не стеснял движений. Уже совсем почти стемнело, когда она заметила очертания злополучного дома. Где-то в животе сосало чувство тревоги, но что есть страх за себя, когда твоему ребёнку угрожает опасность? Она перекрестилась и прошептала: «Господи, прости и помоги, не за себя прошу, за сына!»

Дверь в сторожку закрипела, неприятно царапнув слух. Горят по кругу расставленные свечи, в центре начерченной на полу пятиконечной звезды лежит Дариен. Она бросилась к сыну и чуть не погибла. Энергетический удар пришёлся прямо в затылок. Жюзьен упала в демонический круг, чуть не придавив собою мальчика.

– Что ж, моего дара и на двоих хватит! Оба понесёте его! – скверный голос ведьмака звучал ещё отвратительнее, чем прежде.

Чувство, что невидимый огромный паук опутывает её стальной паутиной, а она барахтается, словно муха, но от этого тиски становятся только сильнее. Вот уже и чудовище подползает к ней, его глаза горят красным огнём, и он готов впиться в неё, чтобы выпустить свой мерзкий яд.

«Это всё лишь иллюзия! – звучит спасительный голос Эдуарда. – Вспомни, кто ты есть, Жюзьен, как сильно любишь! Ничего не жаль ради любви!»

И «оковы» пали, она вытащила Дариена из круга и начала приводить его в чувство.

– Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё!

За окном просияла яркая вспышка и вслед за ней раздался оглушительный гром.

– Да будет воля Твоя, как на небе, так и на земле! – Жюзьен ногой отбросила пылающие свечи, пентаграмма разрушена, но это ещё не конец.

Разряд молнии осветил густой лес, ударив где-то совсем поблизости. Бернард перекрестился, ничего и в голову не пришло, кроме молитвы «Отче наш», с мыслями о Жюзьен он преодолевал вырастающие на пути, как из-под земли, препятствия, почти ничего не видя под ногами.

Второй разряд пришёлся прямо по дому и начался пожар. Острая, как лезвие ножа, мысль пронзила материнское сердце: если не удастся спасти Дариена от темных сил, его нужно убить.

– Хлеб наш насущный дай нам на сей день, и прости нам долги наши...

Жуткий хохот пронёсся над головой, но Жюзьен продолжала вторить отцу Эдуарду:

– Как и мы прощаем должникам нашим...

Ведьмак пролетел над потолком, но Жюзьен не смотрела на него, будто его и нет.

– И не введи нас во искушение, но избави нас от зла! – С трудом поднявшись на ноги, прижав сына к груди, она бросилась вон из проклятых стен.

Ещё издали Бернард увидел пламя, пробивающееся через окно покосившегося дома, затем как Жюзьен вырвалась из него с ребёнком и как нечто тёмное, похожее на густой чёрный дым, нападает на неё сверху словно ворон огромных размеров, кружит над ней и бьёт клювом. Прикрывая собой Дариена, она упала на колени и закричала.

Бернард ринулся к ней на помощь.

– А вот и князь подоспел! – послышался рёв преисподней.

Бернард почувствовал, как его оторвало от земли и подбросило кверху.

Тут ребёнок открыл глаза (только они не были уже мутными и слепыми, а тёмными и ясными, как небо в августовскую ночь), протянул руку в сторону взлетевшего и произнёс:

– Зло против зла обратится, а Бог возьмёт своё!

Епископ тут же упал на землю, от удара потеряв сознание, но могло быть и хуже.

Земля возле горящего дома расступилась и чёрная тварь полетела в преисподнюю, где ей и было самое место.

Начался сильный ливень. Жюзьен, умываясь дождевыми струями, целовала сына и не могла поверить, что всё уже закончилось.

– Ты меня видишь?! Мальчик мой, ты видишь меня?!

– Вижу мама, тебя и твоего священника.

– Ты говоришь про епископа?

Бернард уже пришёл в себя и, промокший до нитки, пытался подняться на ноги.

– Про того, что рядом с нами стоит.

Жюзьен оглянулась:

– Как жаль, что я его не вижу...

«Счастье, что хотя бы слышишь! – дух отца Эдуарда улыбнулся и подмигнул Дариену. – Ты очень храбрый, малыш! Всё будет хорошо!»

Дариен, застенчиво, прильнул к маме.

– Вы живы, какое счастье! – Дюбуа, наконец-то, добрёл до них. Жюзьен не скрывала слёз радости, под живительным ливнем.

Бернард накинул плащ на мать с ребёнком и привлёк их к себе.

– Обнимите меня, мои дорогие, вместе скорее согреемся!

Рядом с ними догорал, шипя от дождевых струй, старый дом, как последнее напоминание о том, что здесь происходило.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 1

Гроза стихла. Измождённые путники добрались до машины. Бернард долго не мог завести мотор. Жюзьен, пристроившись со своим сыном на задних сиденьях, уже крепко спала, счастливая, обессиленная и до боли родная. Епископ, пытаясь починить автомобиль, часто останавливал на ней свой пылкий взгляд.

«Неужели мне придётся отвезти их назад в убогую лачугу к пьянице, который не достоин быть ей даже слугой?! Но что я могу предложить Жюзьен взамен, стать содержанкой и жить со мной греховной жизнью?! О Боже, если она будет рядом, я стану счастливейшим из смертных, но погублю нас обоих...» – тяжёлые мысли навалились на него вместе с убийственной усталостью, ему бы тоже хоть часик поспать, но Бернард не хотел тратить такие драгоценные минуты на сон. Разве простит он себе потом, что не налюбовался ею на всю оставшуюся жизнь?! Сердце болело, и несчастный не находил спасения из сладостного плена любви и желаний. Колдун побеждён, но чувства стали только сильнее, словно за эти несколько дней Бернард пережил целую жизнь. Он даже забыл о голоде. Алый цветок, сиявший в его душе, питал волшебным светом, и казалось, что всё теперь ему по плечу!

«Нет, не смогу отпустить их сейчас, от одной мысли об этом, хочется умереть. Всё, что угодно, любой ценой, только бы удержать её ещё хотя бы на день, а там хоть в адское пекло!»

Машина завелась после очередной манипуляции с зажиганием. Бернард облегчённо вздохнул, в этой дыре ему никто не помог бы с такой техникой, тут её и видели-то, наверное, впервые.

«Сейчас нужно добраться до города, – мелькнуло у него в голове. – Заправиться и отдохнуть, поесть в конце-то концов. Вряд ли Жюзьен торопится домой, где совсем недавно застала мужа с другой женщиной...» И он был прав. Меньше всего на свете Жюзьен хотелось в этот момент разбираться с мужем и тратить последние силы на объяснения. Она сладко спала, прижимая к сердцу самое дорогое, что есть у неё на земле – своё дитя.

Бернард остановил машину возле лучшего отеля в Морле. Снял для них самый дорогой номер под чужим именем. Конечно, столь заметную персону всё равно могли узнать, он не раз бывал уже в этом городе, и фотографии епископа часто появлялись в газетах, но надежда умирает последней.

Всё здесь навевало ему воспоминания об Эдуарде, о времени их пути от противостояния до полного взаимопонимания друг с другом. «Ты тоже любил и понял бы меня...» – епископ вздохнул, открыв дверцу автомобиля, разбудил Жюзьен; мальчик уже не спал, удивлённо рассматривая незнакомое место.

– Я снял номер в отеле, нам всем нужно отдохнуть, придти в себя, помыться и поесть...

Жюзьен растерянно провела по растрёпанным волосам рукой, на ней было грязное, порванное платье, Бернард выглядел не многим лучше после падения.

– Ну и вид у нас!..

– Я объяснил им, что мы попали в руки бандитов по дороге, мадам Бюсси, к счастью портмоне Вашего мужа было хорошо упрятано.

– Как Вы меня назвали?

– Прости, первое, что пришло в голову. Начитался Дюма...

– Номер один на всех?

– Жюзьен, он единственный был свободен, – Бернард не умел лгать.

Она это сразу поняла. Не может он с ней расстаться, и не понимает, что, чем дольше они будут вместе, тем болезненнее будет прощание.

– Ты не доверяешь мне даже после всего, что мы пережили?

– Я доверяю Вам полностью.

– Вот, и хорошо, – он взял на руки Дариена, заглянул в его зрячие глаза и молча их поцеловал. Чудо произошедшее с мальчиком, он никак не мог объяснить, разве что силой любви его матери и Божьей волей, благословившей их на победу над злом. – Пойдёмте, я закажу горячую еду, а ещё лучшую в этом городе портниху, горничную, и всё, что захотите! – он по-отцовски прижал мальчика к сердцу.

Этот простой жест тронул Жюзьен. Но она ни на минуту не забывала о муже, болезненной раной мысли о нём засели в груди.

– Вы сказали, всё, что захочу?

– Да, моя милая! – Бернард утонул в её глазах.

– В этом городе в приюте были два моих брата, которых я не видела одиннадцать лет. Вы можете их найти?

Бернард несказанно обрадовался, ведь это означало, что на их поиски может уйти какое-то время...

– Мы найдём твоих родных, обещаю!

Жюзьен улыбнулась в ответ, читая его как раскрытую книгу.

Номер был на несколько комнат, с большой ванной и всеми удобствами цивилизованного мира. Им принесли жаркое из курицы в соусе «кюри» с печёными овощами, а также шоколадный десерт со взбитыми сливками, подобного лакомства гости Бернарда в жизни ещё не пробовали. Смотри с каким аппетитом из тарелок исчезает еда, он ощущал себя счастливым. Заботиться об этой женщине и её сыне, дать им всё, чего они только ни пожелают, сделать их жизнь сказочно красивой и уберечь от всех бед – вот предел всех его мечтаний. На минуту Бернард представил, что это его семья, и так может быть всегда. Но тут же осознал несбыточность своих грёз. Эта женщина – чужая жена, и ребёнок не его, увы...

Зачем так бессердечно соединила их судьба, чтобы разъединить навеки? А может быть, ему ещё удастся убедить её поехать с ним? Может быть, она предпочтёт жизнь в комфорте? Может, полюбит его, ведь он ещё не стар!.. Греховность своих мыслей он даже не понимал, забыл обо всех своих клятвах и постулатах, обо всех возложенных на него обязанностях. Жажда обладать этим рубиновым сокровищем заслонила собою весь свет. Он и не заметил, как погрузившись в эти мысли, крепко заснул прямо за столом.

Жюзьен не стала его тревожить и, воспользовавшись моментом, искупала Дариена и приняла сама ванну. Они переоделись в мягкие длинные халаты, приготовленные для постояльцев. Платье, к несчастью, было безвозвратно испорчено. Это обстоятельство держало её пленницей в стенах гостиничного номера.

Пожалев утомлённого Бернарда, она его растормошила и помогла добраться до дивана, там, сняв с него обувь, заботливо укутала одеялом. Усыпила, поглаживая волосы, посеребрённые временем и переживаниями. Ей было жаль его, понимая, какие испытывает этот благородный человек чувства, она не могла помочь ему избавиться от них. Их долгое пребывание друг с другом прорастало в душе обоих глубокой привязанностью. Его мужественное лицо с правильными аристократическими чертами, легкая россыпь морщинок возле глаз и в уголках ослабленных губ, двухдневная небритость на щеках; тихое дыхание и безмятежность – всё это отдалённо но так явственно напоминало ей об отце Эдуарде. Он был связующим звеном между ними, платформой на которой строились отношения, общим драгоценным воспоминанием. Епископ казался ей уже настолько близким, что это было с родни любви. К тому же Жюзьен ощущала свою женскую власть над ним и чувствовала себя богиней на вершине Олимпа.

«У этого мужчины свой путь на Земле, он не виновен в том, что любовь свалилась ему на голову, как снежная лавина»

– Ты прав, отец. Я хочу, чтобы у него всё было хорошо! Пусть сбудется то, что предрешено. Он ещё поднимется на самый верх и станет кардиналом. А я вернусь к несчастному Реми

и попытаюсь возродить хотя бы часть утерянного счастья!» – Жюзыен прикоснулась к губам Бернарда и печально вздохнула.

Нужно было бежать, бежать от искушения прямо сейчас, но у неё не было даже мало-мальски подходящего платья. А вернуться в деревню в таком виде – было бы слишком большим подарком для окружающих, которые и без того её ненавидели и презирали.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 2

Портниха принесла целую гору своих лучших нарядов, несколько моделей подошли и, по-быстрому подогнав их под изящную Жюзьен, она не скрывала своего восхищения, впрочем как и Бернард, который уже с утра приодел себя и Дариена в мужском магазине.

– У Вас есть что-то более традиционное для этих мест и совсем простое? – Жюзьен смотрела на себя в зеркале и понимала, что наряд этот не для её сельской жизни.

– Вам не нравятся Парижские модели?

– Просто моя жена мечтает развлечься, нарядившись бретонской селянкой, этакий каприз, уж очень ей понравились ваши окрестные просторы, обычаи и простой народ. Вот взять к примеру традиционные ночные праздники... – Бернард улыбался, но его глаза оставались печальными. «Моя жена», – что может быть слаще для слуха?!

– Конечно, я поищу, что могу предложить вам в традиционном стиле.

– Будьте так добры!

Когда она ушла, Жюзьен поблагодарила щедрого епископа, не давшего возвратить ни один понравившийся ей наряд, к каждому были подобраны туфли, шляпки и аксессуары.

– Вы же понимаете, я не могу вернуться домой в таком виде.

– Я всё понимаю, Жюзьен, не стоит извиняться. Хочу, чтобы ты и Дариен ни в чём не нуждались и, если бы мог, отдал бы вам всё, что имею.

Образовалась неловкая пауза, она не знала, что ответить, чтобы не причинить ему боль.

– Ваша щедрость безгранична!.. Спасибо! Моей благодарности нет границ.

Бернард взял её ладонь и прижал к своему гладко выбритому, после посещения цирюльника, лицу.

– Я делаю это не ради благодарности, а от чистого сердца, Жюзьен. И если бы ты почла только возможным...

Она опустила глаза.

– Не мучайте себя, Бернард!

– Ты могла бы сделать меня бесконечно счастливым!

– Нет. Не могу. Я замужем, и Вы не принадлежите себе, но Церкви.

– Просто знай, что ради вас я способен отказаться от всего. Скажи только слово...

– Вас ждёт светлое будущее и мне нет в нём места.

– Ну, почему, почему даже на мгновение ты не можешь представить, что я бы дал вам совсем другую жизнь?!

– Жизнь одна. И каждый из нас уже сделал свой выбор.

– Какая мука! Какая изысканная адская пытка видеть тебя и не сметь даже надеяться...

Он притянул её к себе ближе и, обняв, замер. Бернард понимал, что одно лишнее движение, и он навсегда потеряет Жюзьен; она не вырывалась и не сопротивлялась, но кремень её характера было не сломить.

Дариен обследовав всё помещение, теперь тихо рассматривал в уголке дорогие игрушки, которых у него никогда не было и не будет (хозяин отеля позаботился, чтобы у его обеспеченных постояльцев было всё, чего душа пожелает). Иногда он смотрел на маму своими тёмно-кариыми отцовскими глазами совсем как-то не по-детски, будто всё понимает. Словно в мальчишке, кроме него самого, есть ещё кто-то гораздо более взрослый и внимательный.

У Бернарда от этого взгляда, мурашки пробегали по телу.

– Обещай хотя бы подумать, Жюзьен...

– О том, чтобы сломать Вашу жизнь? Здесь не о чем думать, Бернард. Вы очень дороги мне, и будет лучше для нас оставить всё, как есть. Каждому – своё место в это мире, – она

выскользнула из его рук, и ему показалось, что от него оторвали часть души. – Помогите мне только найти моих братьев, ради Бога!..

– Я обещал и сделаю это. Мы можем отправиться в приют немедленно.

Солнце светило ярче обычного, или так почему-то им казалось. Автомобиль Бернарда, вымытый и начищенный до блеска, ожидал у гостиницы своего владельца.

– Давай-те пройдемся! Насколько я помню, здесь не очень далеко.

– Как пожелает моя госпожа! – Бернард предложил ей свою руку. Дариен бежал рядом с ними, теперь ему не нужно было хвататься за маму и прощупывать каждый шаг. Эта появившаяся свобода передвижения наполняла ребёнка восторгом и фонтанирующей радостью. Волшебные перемены!

Бернард ловил каждое мгновение, в перевернутых песочных часах времени ускользавшее в прошлое, оставляя всё меньше и меньше возможности быть рядом с любимой женщиной.

Она не умела ходить, как благородная дама, но от природы имела грацию и лёгкость походки. Отсутствие манерности только привлекало сердце светского льва, привыкшего к повышенному вниманию женщин, но всегда столь горделиво носящего свою сутану, что не могло быть и речи о чём-то крамольном. Теперь всё изменилось. Не было сутаны и не было уже того прежнего монсеньора, как не было и гордыни, которая уступила место настоящему искреннему чувству. Всецело поглощённый любовью, он потерял равновесие, всегда присутствующее его натуре, потерял расчётливость и амбиции, на которых всегда зиждились его поступки, слова и действия.

– Мама, посмотри! – Дариен увидел вдали канал, у берегов которого качались белоснежные катера и парусные лодки. – Как красиво! Давайте, подойдём поближе!

– Конечно, дорогой, мы как раз туда и направляемся!

Под грандиозным виадуком гулял морской ветер, огненные локоны Жюзьен затрепетали, как крылья птицы, и она придержала изящную шляпку. – Поймав себя на мысли, что создана именно для такой утончённо-элегантной жизни, а не для того, чтобы ухаживать за скотиной и выгребать в деревне навоз...

Всё труднее и страшнее ей было представить своё возвращение к прежнему существованию, и, если бы не Реми, она бы отдала себя всецело этому человеку, ни на миг не сомневаясь. Возможно, так и нужно было поступить, но она обещала вернуться и не могла просто так уйти.

«Одного боюсь, аж сердце ноет, – сказал когда-то Реми, – что ты уйдёшь так же внезапно, как появилась, а я жить без тебя не смогу.»

«Не бойся, обещаю, что не уйду, не попрощавшись!» – ответила тогда она.

Проститься или?.. Что принесла она в эту семью своим появлением? Сколько бед натворила... Нет, не достойна она лучшей жизни и погубит не только Реми, но и Бернарда, если останется с ним. Благополучие епископа рухнет, как только она войдёт в его жизнь.

– А мы поплывём на кораблике? – не унимается Дариен, впечатлённый белоснежными судами, томно покачивающимися у пристани.

– Поплывём, если только твоя мама захочет, – Бернард опалил Жюзьен страстным взглядом, он ни о чём больше и думать не мог, готовый исполнить любую её прихоть тут же.

– Мамочка, ты же хочешь покататься, правда?!

Жюзьен кивнула в ответ, ничего не сказав. Эта сказка скоро закончится, и начнётся совсем другая жизнь, беспросветная, безнадёжная, однообразная и трудная, какою была всегда... Кем вырастит её Дариен? Как отец – разнорабочим-крестьянином, тяжким трудом зарабатывающим на хлеб насущный. Разве такого будущего она желает сыну?

– Тебе холодно? – Бернард обхватил ладонями её за плечи.

Жюзыен на самом деле знобило, но не от холода, а от того, какое тяжёлое решение ей приходится принимать.

«Кого следующего принесёшь в жертву?» – спросила беспощадная совесть.

Если бы можно было вовсе не жертвовать никем! Но всё в этом мире имеет свою цену. И когда мы делаем выбор – мы должны понимать, чем расплатимся за него.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 3

В приюте их встретила совсем уже пожилая директриса, она узнала епископа.

– Ваше святейшество, каким чудом Вы в наших краях? – Сюзан буквально раскланялась перед ним.

– Правда, что чудом, – Бернард бросил многозначительный взгляд на Жюзьен, который она хорошо поняла и смущённо опустила глаза.

– Дело в том, что мадам Калян разыскивает своих родственников, и я решил ей в этом помочь.

– Не припомню такой фамилии.

– В девичестве у меня была другая фамилия, Кергуат. – Жюзьен подняла на Сюзан свой пронзительный взгляд.

– О! Позвольте, я узнаю эти глаза! – директриса поправила очки на носу. – Только один ребёнок смотрел на меня с такой строптивостью... Жюзьен?! – её брови поползли кверху. – Мы уже ни чаяли тебя увидеть! Куда же ты пропала, девочка, и где была все эти годы?

– Я попала в хорошую семью.

– Вижу, ты так прекрасно выглядишь!

«Знала бы она... – вздохнула про себя Жюзьен, – как обычно я выгляжу...»

– Спасибо! – благодарный взгляд на Бернарда. – Я ищу Конегу и Бастиана – моих братьев.

– Конечно, я понимаю, – Сюзан вновь поправила очки на носу, – я не видела мальчиков уже много лет.

– Как?.. – она не успела договорить, горло сжал болезненный спазм.

– Их усыновили.

– Обоих?

– Да, вскоре после Вашего побега. Если бы Вы не сбежали тогда, дитя, то росли бы вместе с братьями. Как она убивалась тогда, что не смогла Вас найти! Вина была в том, что вовремя не утешила Вас.

– Да, кто же? Кто она?!

– Мирабель Прижан.

От этого имени у всех изменилось выражение лица.

– Да, да, та самая. Видимо, таким образом пыталась искупить свою вину перед обществом и светлой памятью отца Эдуарда.

– Вам известно, где она живёт теперь?

– Где живёт не знаю, но однажды я видела её в госпитале, когда заболел один из наших воспитанников. Она работала там санитаркой. – Сюзан опять кивнула головой, – представляете, делала самую грязную работу! Если бы кто-то мне сказал, я бы сама не поверила: дама из аристократической семьи и ночные горшки... – последние слова она по-стариковски бормотала уже себе под нос, словно позабыв о присутствующих. – Ах какого мужчину совратила! Боже, какой это был священник...

Бернард молчал, молчала и Жюзьен. Все они вспомнили его, каждый по-своему. Эдуард Боссе умел преображать сердца и делал людей другими.

– Простите старушку, я даже не предложила вам чаю!

– Нет, нет, не стоит беспокоиться, мы уже уходим, – Бернард встал, грациозно взяв со стола свою шляпу и перчатки, подал Жюзьен руку.

– Судьба приюта решена, монсеньор. Нас закрывают. Да-да, детишек переведут в другое место.

– Это ужасно.

– Возмутительно! Здесь был их дом, наш общий дом! Сестры плачут, уже который день...

– Увы, ни я, ни Вы не в силах что-либо изменить. Этот бой проигран, сестра Сюзан, правительство забирает у Церкви право заботиться о детях. А ведь сколько школ и приютов мы содержали!...*

Когда посетители ушли, директриса посмотрела им вслед и снова покачала головой.
– И этот туда же!.. Всегда знала, что эта девчонка до добра не доведёт.

Во дворе Дариен играл с мальчиками. Жюзьен посмотрела на ненавистный забор, что отделял её в детстве от братьев. Сколько раз она мечтала разрушить его! Даже не подозревая, что есть гораздо более неприступные в жизни преграды.

«Надо же, я могла расти в ЕЁ доме, и никогда не встретить Катарин. Не попала бы в семью Калян, и не вышла замуж за Реми, но тогда и Дариена б не было... Судьба сложилась бы иначе, и я жила б со своими родными братьями. Теперь я даже почти не помню их лиц! Но эта женщина!.. Сама мысль о ней мне неприятна.»

«Ты должна быть благодарна Мирабель хотя бы за то, что она вырастила твоих братьев!» – голос отца Эдуарда застал её врасплох. Жюзьен вздрогнула.

«Почему ты не говорил мне об этом?!»

«Ведь я лишь голос в твоей голове...»

– С тобою всё хорошо? – заботливый Бернард был готов сдуть с неё пылинки и почитать это за высшую награду.

Жюзьен не ответила ему, погрузившись в свои мысли.

«Ты знал и молчал! Не поверю, что ты не навещаешь свою возлюбленную!» – последнее слово прозвучало с обидой и ревностью.

«Полюби её за то, что я люблю!» – таков был ответ.

Как можно спорить с призраком?! Легче сойти с ума. И Жюзьен оставила эту затею, позвала сына, и они втроём отправились в городской госпиталь разыскивать Мирабель Прижан.

Это не составило особого труда. Сестра Милосердия проводила пришедших в небольшой кабинет.

– Сейчас найду её и отправлю к Вам.

Мужчина и его яркая спутница выглядели очень впечатляюще, как супружеская пара с большой разницей в возрасте, но обретшая друг друга по любви. «У них такой славный малыш!» – подумала девушка и улыбнулась. Бернард по-прежнему был красив и подтянут, а Жюзьен, как благоухающая роза, придавала ему особенный блеск, и не заметить этого было невозможно.

Появившаяся вскоре женщина поразила обоих. Мирабель постарела. Виски побелели, под измученными глазами легли глубокие тени, ссутулившиеся плечи и потухший взгляд...

– Бернард Жозеф Дюбуа?! – глаза ожили, всё те же благородные черты, всё то же прирождённое достоинство.

– Моя дорогая, Мирабель! – епископ взял её руку и с трепетом поцеловал. – Сколько лет прошло!

– Одиннадцать, – не задумываясь, ответила она, и только после этого перевела взгляд на спутницу монсеньора.

Ещё большее потрясение отразилось в её глазах.

– Этого не может быть! Девочка, ты жива! Мы искали тебя! Мальчики уже отчаялись ждать! Слава Богу! Слава Богу!.. – Мирабель бросилась к ней навстречу и крепко обняла.

Станные чувства наполнили сердце Жюзьен. Она ненавидела эту женщину всем своим существом, считая виновной в смерти обожаемого отца Эдуарда, а если и нет, то уж точно виновной в позоре, что лег на его священное имя. В тех злобных шептаниях у его гроба, заста-

вивших её бежать куда угодно, лишь бы их не слышать. Теперь она должна её полюбить, быть благодарной, что эта женщина усыновила её братьев и вырастила, как своих родных детей?! Жюзьен закипала, как чайник, поставленный на пылающие угли, с большим усилием выдавив из себя вежливую улыбку.

– Куда же ты пропала?! – не унималась сердобольная вдова Прижан.

Жюзьен молчала.

– Ну, не хочешь, не отвечай. Потом расскажешь. Как же мальчики обрадуются, Бог мой! Бернارد, Вы всегда приносите радость! Спасибо Вам за помощь, если бы не Вы, мне бы не под силу было поднять трёх сыновей.

Последнее слово больно царапнуло слух Жюзьен.

– Я и не знал, что Вы кого-то усыновили, Мирабель. Эдуард перед смертью написал мне письмо с просьбой позаботиться о Вас, он рассказал о Ваших финансовых трудностях, и это самое малое, что я мог сделать для него.

– Вы буквально нас спасли! Спасибо!

Жюзьен совсем растерялась. Все прошедшие годы епископ перечислял этой женщине деньги, даже не подозревая, что помогает этим и её братьям! Слёзы выступили у всех на глазах.

– Я сейчас на смене, но к ужину освобожусь. Приходите к нам!

– Вы живёте всё там же?!

– Ну, конечно! Я бы не продала этот дом ни за что, в нём живут мои воспоминания...

* В конце 1902 г. министерство внесло в палату депутатов проект закона о преподавании, отменявший закон Фаллу. Право открытия учебных заведений предоставлялось только лицам с высшим светским образованием (по закону Фаллу достаточно было среднего, всё равно – светского или духовного); контроль над преподаванием предоставлялся светским властям, которые получали право закрывать учебные заведения. От лиц, открывающих учебное заведение, требовалось заявление, что они не принадлежат к неразрешённым конгрегациям. В силу нового закона подлежало закрытию до 10000 школ, содержимых духовенством, с общим числом учащихся: мальчиков – 350000 и девочек – 580000. Для восполнения создаваемого таким образом пробела правительство должно было озаботиться о немедленном открытии 1921 совсем новых школ и о расширении нескольких тысяч старых. Это возложило на плательщиков налогов бремя в 50 млн франк. одновременно и свыше 9 млн ежегодно, тогда как ранее соответствующие расходы падали на церковь и монастыри. В июле 1904 г. закон о преподавании прошёл через обе палаты и вступил в силу; закон Фаллу окончательно пал. В январе 1905 г. правительство провело через палаты запрещение преподавать Закон Божий на бретонском языке. На отмену конкордата правительство, однако, не решалось, находя, что религиозное сознание народа не стоит ещё на надлежащей высоте. В сентябре 1903 г. открытие в Трегье памятника Ренану дало повод к клерикальным манифестациям: войска принуждены были отогнать от места торжества значительную толпу народа. В апреле 1904 г. из судов были удалены распятия и другие религиозные эмблемы. (Материал из Википедии)

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 4

Жюзьен была здесь впервые. Мысль о том, что отец Эдуард частенько заходил в этот дом, вызывала и сладость, и боль одновременно. Подобное чувство возникало и от мысли, что здесь выросли её братья, и только она, Жюзьен, была в стороне от всего этого, лишённая счастья быть рядом с ними. Но разве же можно в этом винить кого-то, кроме себя самой?

Она сжала сильнее руку Бернарда и остановилась отдышаться. Платье вдруг стало на неё давить,

– Воздуха мало! – она жадно хватала его ртом, словно рыба без воды.

– Только не падай здесь в обморок, моя фея!

– Кто-то уже падал?

– Однажды Эдуарду стало плохо, на этом самом месте. Он так переживал, что у него начался кризис. Я еле дотащил его до дверей...

– Вы так много знаете о нём, Бернард! У меня же остались только детские, призрачные воспоминания.

– Да, но ты до сих пор слышишь его!.. О, я бы многое отдал за такую духовную связь.

– Мама, мне холодно! – Дариен закапризничал, ему надоело стоять у порога без движения.

– Не переживай, девочка, всё будет хорошо! Твоё желание вот-вот исполнится, и ты, наконец-то, обнимешь своих братьев!

Столько треволнений перенесла она за последние дни, что нервы были на исходе. Но взяв себя в руки, Жюзьен сделала шаг, потом ещё один и ещё... Дюбуа постучал в знакомую дверь. С тех пор тут мало что изменилось, только время немного потрепало обстановку и людей.

– Заходите, мои дорогие! Я так рада! – Мирабель приделась и даже как-будто помолодела. Её тонкие пальцы взволнованно поправили причёску и она не знала, куда деть свои руки. За нею возвышались трое молодых мужчин: один брюнет и два рыжеволосых. Жюзьен сразу поняла, кто есть кто. У Бастиана были черты лица, схожие с ней: тонкий, чуть удлинённый нос, пухлые губы, тёмные, медного цвета ресницы и брови в разлёт на матово-бледной коже. Он отпустил себе бакенбарды и выглядел аристократом. У Конега глаза были чуть более раскосые, небольшие короткие усики, нос более курносый, усыпанный весёлыми веснушками, как у их мамы. Они стали совсем взрослыми, такими высокими и статными. У Жюзьен задрожали губы и слёзы потекли по щекам.

– Ну, что же Вы стоите! Обнимите сестру! – Мирабель подтолкнула сыновей, у неё у самой стали влажными глаза.

Дариен не понимал, что происходит и почему двое незнакомых мужчин обнимают его маму, а она плачет и шупает их руками, словно не верит, что они на самом деле существуют.

Бернард поцеловал Мирабель руку, растроганный такой волнительной встречей, поздоровался с Генри. У молодого человека были удивительно синие глубокие глаза, такие же, как у его матери, мужской волевой подбородок с ямочкой, густые тёмные волосы, немного волнистые, и тонкие усики, нынче вошедшие в моду среди студентов. Он присел на корточки возле Дариена и, улыбаясь, спросил:

– Здравствуй, малыш! Как тебя зовут?

Дариен засмутился и, дёрнув маму за юбку, по привычке спрятался за нею.

Жюзьен взяла его на руки.

– Это – Дариен, познакомьтесь, мой сын, – представила она его окружающим, – а это твои родные дяди, мои братья, сынок!

Мальчик с интересом разглядывал солнцеподобных мужчин, вдвоём протягивающих к нему руки. К Конегу он, всё-таки, пошёл, ему понравились его веснушки.

– Проходите, пожалуйста, не будем стоять у порога.

В зале уже был накрыт стол, и вкусный ужин ожидал гостей. Хозяйка волновалась, ей очень хотелось всем угодить. Генри помогал матери, а вот братьям, встретившимся с сестрой через столько лет, было что рассказать и совсем не до аппетита.

Бернард погрузился в воспоминания, окинув комнату ностальгическим взглядом, вот тахта, на которой лежал во время приступа чахотки Эдуард, кажется, его присутствие здесь до сих пор ощущается, и его дух никогда не покидал этих стен. «Даже после смерти ты объединяешь дорогих тебе людей, мой друг!» – подумал Дюбуа и тяжело вздохнул. Он знал, что близится час разлуки и совсем скоро, возможно, уже завтра, он потеряет возможность видеть Жюзьен, наслаждаться её голосом и украдкой вдыхать аромат её волос, пьянея от любви и страсти. Скорее всего, это их последняя ночь. У него защемило сердце.

Мирабель улыбалась, наблюдая, как оживлённо беседуют её приёмные дети. Эта красивая, яркая молодая женщина могла бы быть её дочерью, если бы не исчезла тогда. И, наверное, Мирабель полюбила бы её и приняла точно так же, как Конег и Бастиана. Но острый, как бритва, взгляд этой девочки всегда настораживал её, а маниакальная привязанность к Эдуарду – пугала. Откуда в ребёнке могло быть столько чувств к мужчине, годящемуся ей в отцы? Она никогда не скрывала своей лютой ревности, вот и сейчас, колкий взгляд, быстро брошенный на «соперницу», уколол в самое сердце. Как это странно, когда уже давно некого и незачем делить... Ужились ли бы они вместе? Одному Богу известно.

Мальчики росли дружно и быстро приспособились к совместной жизни, по-братски разделив домашние обязанности и заботы. За все эти годы ни разу не подрались и всегда находили общие интересы.

Жюзьен – другая, она сама по себе, как дикая кошка, которую не приручить. Что между ними с Бернардом? Епископ безумно влюблён, этого не спрятать от женских глаз. Взаимны ли их чувства? Жюзьен не смотрит на него так, как смотрела на отца Эдуарда. Его девчонка принимала, как Бога, с немым обожанием, и была готова на всё. Её ужасные крики Мирабель помнила до сих пор, когда монахини утаскивали свою воспитанницу из палаты больного священника. Казалось, что она готова убить их всех и любого, кто помешает быть ей с ним рядом. Это пугало и всегда отталкивало Мирабель. Где-то в глубине души она даже вздохнула с облегчением, узнав, что Жюзьен сбежала. Конег и Бастиан сразу же приняли её и впустили в свои детские открытые сердца, а теперь так и вовсе любят как свою родную мать. Нет. Не было бы им жизни вместе. Не смирилась бы эта огненная дикарка с ролью приёмной дочери у ненавистной ей женщины, никогда. И Бог мудро распорядился их судьбами, позволив Мирабель вырастить мальчиков в спокойствии и взаимопонимании.

– Всё очень вкусно, спасибо! И как Вы всё успеваете, дорогая Мирабель? Тяжёлая работа, дети, дом... – Бернард восхищённо посмотрел на неё, искренне впечатлённый жертвенностью этой благородной и такой удивительной женщины.

– Дети уже выросли и теперь сами мне во всём помогают.

– Где учатся молодые люди?

– Генри на третьем курсе юридического, по вечерам подрабатывает в суде, Конег занимается литературой и хочет стать учителем словесности, он в этом году заканчивает лицей. А Бастиан увлекается архитектурой, ему не удалось поступить в университет и он готовится ко второй попытке, подрабатывает репетиторством.

«Я бы не смогла дать им этого в деревне, даже если бы вывернулась наизнанку», – подумала Жюзьен, её глаза встретились с Бернардом, и, появившееся томление в груди стало для неё неожиданностью. Будто она уже соскучилась по нему и ей не хватает его горячих объятий. Епископ разговаривал с хозяйкой дома, выказывая глубокое уважение и трепетное отношение к вдове. Но даже это немного раздражало Жюзьен. Кажется, теперь она ревновала эту женщину

не только к отцу Эдуарду, но и к братьям, так непривычно называющим её мамой, и к епископу, словно бы уже принадлежащему Жюзьен и только ей одной.

– Ну, а теперь, сестрёнка, расскажи ты о своей семье, – Бастиан никак не мог отпустить руки своей старшей сестры, будто она может вновь исчезнуть и больше не вернуться.

– Да, расскажи об отце нашего племянника, – подхватил Конег, целуя Дариена в розовую щёчку, – откуда у нашего мальчика такие большие и темные глаза!

– Его отец – очень хороший человек. Мы выросли вместе. Я попала в их семью, сбежав из приюта, и они не прогнали меня... – «Хотя стоило бы...» – подумала про себя Жюзьен, и чувство вины наполнило её горечью.

– Твои приёмные родители любят тебя? – не унимался Бастиан.

– Любили... – внезапные слёзы заставили Жюзьен встать и скрыться в уборной.

– Их больше нет, – пояснил Берnard, – Жюзьен очень тяжело говорить об этом.

– Бедная девочка, столько пережила... – посочувствовала Мирабель.

– Вы даже не представляете, сколько! – подтвердил Берnard. – Дариен родился слепым и только вчера прозрел. Прозрел на моих глазах после огромного потрясения.

– Это чудо! Вы были очевидцем?

– О, да!.. – Берnard промолчал, его грудная клетка до сих пор болела от падения на землю с высоты в несколько этажей. Всё произошедшее теперь казалось лишь кошмарным сном, но ведь оно было, а у него не получалось даже как следует осмыслить эти события, невольным свидетелем которых он стал.

– Как это произошло?

– Простите, Мирабель, я пока не могу рассказать Вам всего, и должен поддержать Жюзьен.

Епископ вышел из-за стола и постучал в дверь уборной, за которой спряталась его возлюбленная.

– Это я – Берnard, открой мне, пожалуйста!

После недолгого сомнения защёлка, всё-таки, отворилась. Он зашёл, и Жюзьен сама бросилась к нему в объятия. Обжигающий поцелуй застал мужчину врасплох. Она тяжело дышала, и лицо, солёное от слёз, пылало огнём. Епископ несколько отклонился, остановив внезапный порыв страсти, с нежностью и состраданием глядя Жюзьен в глаза:

– Не сейчас, любимая, не здесь... Я сделаю для тебя потом всё, что захочешь, – прошептал он и сдержанно вновь прикоснулся губами к её устам, прижал к сердцу, чувствуя, как дрожит и сотрясается её душа.

– Лучше бы я не родилась! Я приношу всем только горе...

– Не говори так, любимая. Ты создана для счастья!

– Им повезло, что я была далеко! – всхлинула Жюзьен, не в силах остановиться.

– Тебе нужно успокоиться, – Берnard набрал в ладонь холодной воды и заставил Жюзьен умыться. Вода остудила, заставила прийти в себя. Сразу же стало стыдно за проявленную слабость.

– Простите, ради Бога, меня!

– Тебе не за что просить прощения, – Берnard вновь хотел обнять её, но она вырвалась из рук и вернулась в гостиную.

Мирабель сочувствующе посмотрела на покрасневшее от слёз лицо Жюзьен, но не стала ничего говорить.

– Я хочу Вас поблагодарить за то, что Вы сделали для моих братьев, воистину, нет человека более достойного и благородного, чем Вы, Мирабель!

– Что ты, милая, не стоит благодарностей, наши мальчики дали мне столько любви, сколько я и не заслуживаю вовсе. Это ты меня прости, прости, что не была рядом, когда ты так нуждалась в сочувствии и понимании, не сумела отыскать...

Бернард вошёл, когда женщины уже обнимали друг друга, и его не покидало ощущение того, что и тут не обошлось без Эдуарда, который, словно невидимое звено, соединял несоединимое.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 5

Простились за полночь. Тёмные улицы не везде имели хорошее освещение, и Жюзьен плотнее прижалась к Бернарду. Хотя вряд ли её что-то страшило так же сильно, как разлука. Но она знала, что если не уйдёт сейчас, то останется с ним навсегда. Уверенная в том, что приносит другим лишь несчастья, она не желала ему такой судьбы. Бернард нёс на одной руке Дариена, другой ощущал тепло ладони Жюзьен. Он думал о том, что нужно вернуться к возложенным на него обязанностям и только эта последняя ночь решит, уедут они вместе или он один. Вести двойную, тайную жизнь непросто, но он был уверен, что справится ради неё... Решится ли на такое Жюзьен? Её отчаянный поцелуй подарил ему надежду.

– Холодно?

– Нет. Всё хорошо.

– Славные у тебя братья!

– Это точно...

И всё, до самой гостиницы они не произнесли больше ни слова. Оба погружённые в свои размышления, с щемящей болью в груди.

Жюзьен положила мальчика спать, Дариен утомился и был перенасыщен впечатлениями, изучая этот визуальный мир, полный чудес и открытий. Теперь, чтобы увидеть человека, ему не нужно было ощупывать его, и всё же хотелось, потому что глазам он ещё не привык доверять. Сны ему теперь снились тоже яркие, хаотичные, полные красочных образов. Иногда он даже от этого уставал и ему хотелось привычной темноты, в которой, как во чреве матери, мальчик находил защиту и покой.

Бернард сидел без света в кресле возле открытого окна и смотрел на звёзды. Жюзьен вошла, тихая, оробевшая, не знающая, что делать и как себя с ним вести. Он подозвал её и, не спрашивая на то разрешения, усадил к себе на колени лицом к окну.

– Видишь те яркие звёздочки, похожие на букву «дубль вэ»? – его рука показала направление.

– Вижу.

– Это созвездие называется Кассиопея. Оно состоит из множества звёзд, но невооружённым глазом мы видим только самые яркие: Сегин, Рукбах, Нави, Шедар и Каф.

Жюзьен застыла, словно прекрасное изваяние, прислушиваясь не только к его словам, но и к нежным рукам, поглаживающим её покатые плечи.

– Знаешь, в честь кого оно названо?..

Она отрицательно покачала головой.

– Со времён Древней Греции до нас дошли мифы о разных Богах и великих героях. Кассиопея была женой эфиопского царя Цефея, матерью Андромеды. Однажды она похвасталась, что она и ее дочь – прекраснее nereид, хвостатых красавиц, жительниц моря. Те пожаловались на такую неслыханную дерзость Посейдону, одному из трёх главных Богов, своему Владыке, и он, разгневавшись, наслал на Эфиопию наводнение и страшное морское чудовище, пожирающее людей.

Жюзьен почувствовала себя маленькой девочкой, которой на ночь рассказывают сказки. Это было так прекрасно и удивительно, что она даже прикрыла от удовольствия глаза, отдаваясь всецело во власть бархатному, завораживающему мужскому голосу, увлекающему её далеко за пределы существующей реальности.

– Остановить бедствие можно было только принеся страшную жертву, а именно, – Бернард сделал таинственную паузу, – отдать на съедение чудовищу прекрасную Андромеду, царскую дочь...

Жюзьен открыла глаза и, повернув к нему своё восхищённое лицо, заглянула в глаза. Даже в темноте Бернард испытывал на себе колдовскую власть её взгляда.

– Девушку обнажили и приковали к скале цепями, – продолжил он. – В это время над Эфиопией на крылатом коне пролетал прекрасный Персей и, увидев её, влюбился без памяти. Освободив красавицу, он пообещал, что убьёт чудовище, если Андромеду отдадут ему в жёны. Родители дали своё согласие.

– Он победил? – прервала его Жюзьен, прерывисто дыша.

– Конечно! Ведь его любовь была так сильна...

Губы Жюзьен потянулись к нему и, не в силах больше сдерживаться, Бернард отдался всепоглощающей страсти, познавая женское тело, покрывая его поцелуями, разжигая в ней недремлющий огонь.

Всё, что было до этого в их жизни, потеряло значение для обоих. Жюзьен забыла о муже, а епископ о церкви, в эту ночь до самого рассвета были только он и она, а ещё далёкие звёзды, так величаво смотрящие на маленькую планету и живущих на ней людей.

Утомлённые и еле живые от счастья, они лежали прижавшись друг к другу. Звёзды стали гаснуть, и всё более ясным становился утренний рассвет.

– Ты останешься со мной? – голос не слушался Бернарда.

– Чем эта история закончилась? – вопросом на вопрос ответила Жюзьен.

– Какая история? – Удивился Бернард, уже позабывший обо всём.

– Про Персея и Андромеду.

– А, ты об этом... – он удивился, что она до сих пор помнит о предании. – Кассиопея не сдержала обещания. Ранее Андромеда была обещана другому, более влиятельному и богатому человеку, брату царя Финею, и Кассиопея отправила ему весть о предстоящей свадьбе. В самый разгар событий появился Финей со своими воинами и предъявил права на невесту. Завязалась ожесточённая битва. Персей сражался как лев и перебил множество противников, а остальных превратил в камень.

– Они поженились?

– Да, и Андромеда родила ему дочь и шестерых сыновей.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Изучал, – Бернард погладил её огненную голову, покоящуюся на его груди. Испитая чаша счастья наполнялась всё больше горечью расставания.

– Ты не ответила...

– Я не могу остаться с тобой.

– Нам так хорошо вместе, так может быть всегда!

– Всегда – ничего не бывает, – Жюзьен провела трепетными пальцами по его уже ставшему колючим подбородку.

Растрёпанные волосы на ней торчали во все стороны, как огненные змеи на голове медузы Горгоны. Бернард пригладил их ладонью.

– Как ты будешь жить в тех условиях? Я не могу себе этого даже представить! Мы бы дали Дариену достойное образование: перед мальчиком откроются лучшие школы во Франции! У меня есть связи...

– Из-за меня ты потеряешь всё.

– Пусть так, возможно, но какое-то время я смогу продержаться на посту и обеспечить вам безбедное будущее.

– Бернард, я уже столько обязана тебе!..

– Эта ночь...

– Уже прошла.

Жюзьен встала и собрала разбросанную по комнате одежду.

– Ты нужна мне!

– Я отдала тебе всё, что могла дать.

– Ты нужна мне, Жюзьен, не на одну ночь!..

Она накрыла его губы поцелуем и не дала договорить.

– Я буду помнить о тебе всегда, как о лучшем, что было в моей жизни. Не мучай меня, Бернард! Всё решено. Я желаю тебе только счастья!

Он взвыл, от отчаяния:

– Я не могу быть счастлив без тебя!

– Твоё призвание и грядущие перспективы утешат.

– Пустое! Всё – ничто, если нет тебя!

– Мой бедный епископ, – она покачала головой и скрылась в ванной комнате.

«Что делать? Как её переубедить? Упрямая женщина, самая упрямая в мире! И самая желанная, – он тяжело вздохнул. – Эдуард, ты – счастливый человек, тебе удалось отдать Богу душу в объятиях своей любимой. Мне было бы проще сейчас умереть, чем отпустить её...»

Бернард вспомнил небритое, опухшее от пьянки лицо мужа Жюзьен и скулы непривольно сжались, а в кулаках захрустели костяшки.

«Убил бы его, как Финея! Но я – не Персей, и Жюзьен – не Андромеда... Она должна сама решить свою судьбу», – тяжёлые мысли не отпускали.

Жюзьен появилась в бретонском платье, самом скромном из тех, что заботливо предоставила ей портниха, волосы спрятаны под кружевом куафа, в глазах неизжитая боль.

– Все сказки, рано или поздно, подходят к концу. Ты подвезёшь нас до перекрестка?

Бернард, одеваясь, молча кивнул головой.

– Я попрошу наряды вернуть, не обидишься? Мне никогда их больше не носить... – она еле держалась, из последних сил стараясь не заплакать.

– Всё может ещё измениться...

– Нет.

– Ты знаешь, где меня найти.

Машина остановилась, подняв облако пыли. Небо затянуто тёмными тучами, и вот-вот может начаться дождь. Он долго не мог её отпустить, но и удерживать больше не мог.

– Хочешь, я подвезу вас поближе к дому?

– Нет, не надо. Меня и так закидают камнями...

– Жюзьен, останься!

– Уезжай! Бога ради, не рви мне душу! – закричала она и, выскочив из машины с сыном на руках, быстрой походкой направилась в сторону деревни, так ни разу и не оглянувшись. Бернард опустил голову на руль и долго не мог пошевелиться. Его мир, такой живой и восхитительно-прекрасный, рухнул, оставив в душе зияющую чёрную дыру, впереди его ждала долгая дорога в прежнюю благочестивую жизнь.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 6

Дождь только набирал силу, смешиваясь на лице Жюзьен со слезами. Промокшая до нитки, она укрывала Дариена своим плащом. Возле деревенской таверны под навесом стояли подвыпившие мужики и разговаривали между собой. Завидев женщину с ребёнком, один из них громко воскликнул:

– Эй, Реми, твоя блудная ведьма вернулась! – собутыльники расхохотались. – Ты смотри, рогами косяк не проломи!

От резкого удара в челюсть сарказма у выпивохи поубавилось.

– Совсем дурак, ты мне чуть зубы не выбил!

– А ты думай прежде, чем говорить! – Реми увидел жену с сыном, но не бросился им на встречу.

– Смотри-ка, чепчик надела, теперь уже с распущенными волосами не ходит! Выгнал небось любовничек, набаловался всласть! – ляпнул другой.

И этот, получив по заслугам, приземлился с окровавленным носом.

Жюзьен застыла. Она могла их всех сравнить с землёй, помочь мужу заткнуть им рты, но не хотела. Все их грязные обвинения теперь заслужены, и ей не совестно за то, что это так. В любом случае над ней бы издевались, если не прямо, то за глаза. Теперь хоть не обидно!..

– Беги, обласкай свою шлюху, мальчишка! Ты – идиот! – бубнил мужик со сломанным носом.

Реми сплюнул в их сторону и, потеряв разбитый кулак, вышел на дождь.

– Это твой папа, Дариен... – сказала Жюзьен и мальчик, вырвавшись из-под плаща матери, бросился отцу на встречу.

– Ты сам бегаешь? – Реми опешил. Увидев чёрные как ночь глаза, ещё больше поразился. Поднял мальчугана на руки. Дариен знакомым жестом провёл ладонью по родному лицу, удостоверившись, что это действительно его отец, и обнял его за шею. От этой сцены даже пьянчуги заткнулись.

– Ты видишь?!

Малыш кивнул головой.

– Мой сын видит! – закричал от восторга Реми так, что услышали и на другом конце деревни. Закружив мальчугана и расцеловав его мокрое лицо, он подошёл к Жюзьен, и они вместе двинулись в сторону дома.

Жюзьен молчала – её разбитое сердце в груди кровоточило тоской, но разумом она понимала, что поступила правильно, не лишив Дариена отцовской любви, и главное – не оставив самого Реми в одиночестве.

В доме было прибрано, заправлена постель. На столе – хоть шаром покати, в холодной плите тоже.

Она сняла мокрую одежду, чтобы переодеться в своё старое домашнее платье. Реми смотрел, как жена торопится, судорожно натягивая рукава, и представлял, что её касался другой, от этой мысли душа корчилась в адских муках, наполняясь желчью и обидой. Сняв с Дариена промокший костюмчик, такой же чужой, как и всё, во что они были одеты, Реми хотел швырнуть его в огонь, но удержался, понимая, что ребёнок ни в чём не виноват, а ему такой одежды сыну не купить.

Жюзьен начала готовить из того, что удалось отыскать. Тушёная картошка с морковью и жаренным луком, да ещё единственное яйцо, которое она вбила в жаркое в самом конце. В доме запахло едой. Муж с женой ещё не сказали друг другу ни слова. Поели так же молча, не глядя в глаза.

Дариен изучал обстановку прикосновениями, понимая, что всё родное, знакомое, только видел он дом, где родился, впервые и оттого был несколько шокирован. После богатого отеля всё казалось здесь таким старым, мрачным и некрасивым. А потухшее лицо матери и вовсе вызывало тревогу.

– Дядя Бернард придет за нами? – с детской наивностью спросил малыш. Жюзьен выронила из рук только что вымытую тарелку, и та со звоном разлетелась блестящими осколками по полу.

Она начала собирать стёкла и поранилась, кровь струйкой потекла по пальцам.

– Ой, мамочка! Тебе больно? – Дариен впервые так близко увидел порез и, побледнев, пошатнулся.

Реми успел вовремя подхватить сына на руки.

– Останови кровь, ты же умеешь!

Их глаза встретились, и Жюзьен густо покраснела.

– Я виновата перед тобой...

– Я знаю!

Дариен открыл глаза.

– Всё хорошо, малыш, маме уже лучше! – Реми отнёс сына на кровать, вернулся к ней и, оторвав лоскут от чистой простыни, замотал рану, предварительно обработав яблочной самогонкой.

– Себе помогать отказываешься, значит, – он затащил зубами узел на её повязке.

Жюзьен, ни жива ни мертва, отстранённо смотрела на всё, что происходит.

– Я виновата перед тобой! – вновь повторила она.

– И что? Что ты хочешь, чтобы я сделал?! Избил тебя до полусмерти, тогда тебе станет легче? – он схватил её за плечи и потряс.

– Я виновата перед тобой, Реми! – в третий раз произнесла Жюзьен, и в этот момент перед её глазами возник далёкий образ Бернарда.

– Замолчи! Ради Бога, иначе я тебя убью!.. – Реми прижал к себе жену и вынес бурный поток её рыдания. Держал крепко, не отпускал, истерика накрыла Жюзьен с головой. Она вырывалась и била его в грудь кулаками, но не пользовалась своей силой, а только человеческим бессилием.

– Я тоже не святой. Мы оба виноваты, что не сберегли наши чувства... Ты вернулась, и это – главное. Как дальше жить, мы решим потом. Ты здесь – дома, и я никому не дам тебя в обиду. А если хочешь – уедем, я найду работу и мы где-нибудь устроимся, там, где тебя не будут знать, преследовать и унижать... Мне больше нечего терять. Я не повесился лишь потому, что ждал тебя и верил: ты придёшь, откроешь однажды эту дверь и останешься со мной.

– Любимый! – Жюзьен покрывала поцелуями его родное измученное лицо и благодарила Бога, что не дал ей поступить иначе. Этот человек – её муж, её Реми, и что бы ни случилось, они должны быть вместе до тех пор, пока смерть не разлучит их.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 7

Дело близилось ко сну. Дариен уже посапывал в своей детской кроватке. Дома было тихо и тепло. В камине догорал огонь.

– Иди ко мне, – Реми подозвал жену, и она послушно приблизилась к нему, он, не вставая, уткнулся в её мягкую грудь. Было слышно, как учащённо бьётся беспокойное сердце. Руки Жюзьен безвольно повисли. Он прижал её к себе сильнее, ощущая любимый запах своей женщины. Он тосковал по ней всё это время и сходил с ума, а теперь, когда она рядом, так близко, то словно и неживая.

– Ты больше не любишь меня?

– Люблю, – не задумываясь, ответила она.

– Тогда почему?... – он не закончил вопроса.

Она погладила его рукой по волосам и заглянула в глаза цвета тёмного шоколада.

– Дай мне время.

Жюзьен всем телом ещё помнила на себе прикосновения Бернарда. Её кожа хранила его нежность, губы помнили поцелуи, и в крови ещё не потухло разожжённое им пламя.

Реми почувствовал отторжение и отстранился. Снял рубашку, штаны и молча залез в постель. В постель на двоих, перешедшую им в наследство от его родителей. Жюзьен осталась стоять, потерянная и еле живая от усталости, не зная как поступить. Теперь ей казалось, что она предаёт Бернарда. Но делать нечего, лечь отдельно, значит ещё больше оскорбить мужа. Оставалось только надеяться, что он не станет настаивать на чём-то большем.

Переодевшись в ночную рубашу, легла. Реми уже спал или делал вид, что спит. Он даже не пошевелился. Жюзьен сжалась в комочек рядышком, стараясь его не потревожить. Замерла. Тишина. Но напряжение не сходило и, уже время спустя, когда она проваливалась в дрему, услышала тяжёлый вымученный вздох. Нет. Реми не спал. Не до сна ему было этой ночью. Ядовитая гадюка жалила его и обгладывала кости, проползала по кишкам и кусала за самое сердце. Он вспомнил, как когда-то ревновал Жюзьен к брату и даже представлял, что убьёт его за неё. Но потом она отдалась ему и сделала самым счастливым, а там, где счастье – нет места ревности и сомнениям. Кто же теперь избавит его от этих страданий? Он мог настоять на своём, мог даже силой овладеть ею, заставить её вновь принадлежать себе. Зная Жюзьен, из-за чувства вины, она бы позволила, уступила. Но вот проклятье, это не вернёт её сердца, в глубине которого занозой застряло чувство к другому мужчине.

У неё тоже пропал сон. Теперь она переживала, что муж вновь страдает из-за неё. Попыталась прижаться, погладила тихонько рукой. Он отвернулся, со вздохом, лёг на бок. Мускулистые плечи, крепкая молодая спина, привыкшая не разгибаться от тяжёлой работы, выросла перед ней. Вот он – родной и близкий, всё тот же, но...

Вспомнила про женщину, которую застала здесь. Она тоже лежала в этой кровати. Что было между ними? Или просто пили вместе? А когда пьют, разве не возникает особое желание? «Я тоже не святой», – сказал Реми. Значит, было... Было здесь, на этой кровати?! Жюзьен отвернулась, ей стало больно. Больно вдвойне за них обоих. Нужно было что-то делать, как-то исправить это. Стереть из памяти, пока не поздно.

Реми повернулся и невольно коснулся её спины. Взрыв. Ведомая животным инстинктом, Жюзьен набросилась на него, как разъярённая кошка. Он тоже был скорее груб, чем нежен. Самец доказывал самке, что он сильнее и кто в доме хозяин. Такой бурной страсти между ними ещё никогда не было. Лишь совсем выдохшись, они уснули. Барьер пал, но только на время. Зато теперь было найдено «лекарство». Говорят, муж и жена – одна сатана. Наверное, в этом что-то есть.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 8

Начали заново выстраивать свою жизнь. Кропотливо, день за днём, стараясь избегать взаимных упрёков. Однажды, наводя порядок в шкафах, Жюзьен встряхнула курточку Дариена и из потайного кармашка посыпались крупные купюры. Чтобы заработать такие деньги, Реми нужно полгода батрачить не разгибая спины. Жюзьен ещё раз проверила курточку, трепетно собрала их и, свернув, засунула в лиф платья, под самое сердце.

«Бернард, мой любимый Бернард, ты позаботился и об этом! Если Реми узнает, непременно сожжёт их, а нам сейчас очень нужны деньги. Мне нужно каким-то образом представить их ему, но как?» – судорожно думала она, понимая, что ещё одна капля масла в костёр мужниной ревности, и беды не миновать. Ей и так еле удавалось поддерживать хрупкий мир в семье.

В очередной раз она направилась к аптекарю, чтобы помочь с травами. Шла быстро, на людей не смотрела. Кто-то злословил ей в след, кто-то втихаря крестился. «Плевать!» – думала она, стараясь изо всех сил не использовать колдовские чары. Есть вещи, которые нужно просто терпеть, терпеть до тех пор, пока хватит терпения.

Ренне встретил её с отцовской нежностью, он души в Жюзьен не чаял и всегда жалел, особенно с тех пор, как ему пришлось поучаствовать в её родах. Он же и стал крёстным отцом Дариена.

– Как дела, дочка?

– Спасибо, Ренне, Бог милосерден. Как вы?

– Хорошо. Жена вот только приболела, совсем от кашля не спала, уже третий день мучается.

– Я её посмотрю. Кристель как?

– Да, помаленьку... – старик опустил глаза. Молва про его ненасытную дочку гудела по всей округе, соревнуясь разве что со сплетнями про Жюзьен.

– У меня к Вам дело, – Жюзьен волновалась.

– Чем могу помочь, ты же знаешь.

Она отвернулась от него и достала запрятанные деньги.

– Вот. Если Реми их увидит...

– Я понял. Нужно их припрятать.

– А ещё придумать, как я могу понемногу их предъявлять.

– Я тебе давно предлагал поработать в аптеке продавцом. В порошках ты разбираешься лучше меня и всегда можешь составить нужный сбор.

– Так деньги и оправдаются, я же ещё и заплачу. Это раньше у тебя скотины был полон двор, да дитё малое. Теперь, небось, полегче?

– Это точно, остались только куры одни, да и те скоро на еду пойдут, не хотят нестись, хоть ты что с ними делай. Дариен совсем самостоятельный уже.

– Ты мне так и не рассказала, как удалось ему зрение вернуть, в деревне разное болтают, только я и слушать не хочу, – аптекарь присел и усадил Жюзьен рядом.

– По святым местам ходила два месяца, семь благословенных мест обошла. А потом в Ренне к епископу на исповедь попала...

– Отпустил грехи?

Жюзьен кивнула головой.

– А дальше что было?

– А затем пропал Дариен, мы его с епископом разыскивали.

– Так это ты с ним на автомобиле через всю деревню проехала?

– Да. Он очень добрый и отзывчивый человек.

– Слышала новость? К нам нового священника направили, старого, говорят, за пьянство перевели куда-то. Прости, что перебил.

– Ничего страшного, – сердце Жюзьен бешено заколотилось в груди: «Не спроста сии перестановки. Бернард что-то задумал, потому и послал нового приходского священника в эту Богом забытую глушь. Он всё ещё продолжает заботиться обо мне!..» – Так вот, когда нашёлся мой мальчик, он уже прозрел.

– Так где же был Дариен эти несколько дней?

– Говорит, гулять пошёл, да и заблудился.

– Бедный ребёнок. Нет, это огромное счастье, что он прозрел, но одному Богу известно, сколько ему пришлось страху пережить...

«Даже не представляете, сколько!» – подумала про себя Жюзьен, ни словом не упомянув в своём рассказе о колдуне.

– Но нет худа без добра! Зато теперь видит! Так что решила?

– Завтра же приступаю к работе!

– Вот, и слава Богу, я уже подустал, да и дело моё оставить некому. Тебе со временем им и заведовать.

– Что Вы, Ренне, погодите ещё о покое думать, какие Ваши годы?!

Он улыбнулся и потрепал Жюзьен за плечи.

– Эх, был бы я помоложе, дочка! Никому бы тебя не отдал!

Жюзьен засмеялась.

– Ведите меня к супруге, посмотрим, что можно сделать.

Больная лежала вся мокрая от пота, под спиной три подушки, иначе кашель спасу не давал.

Жюзьен поздоровалась с нею, тут и трубка не нужна, всё сипит и хрипит.

Подложила одну руку ей под спину, другой сверху накрыла. Молитву прочла «Отче наш». И силу свою задействовала, чтобы облегчить страдания. Уже через пять минут жар спал и женщина задышала спокойнее.

– Дайте ей поспать как следует и горячего молока с мёдом, к утру будет уже на ногах.

– Не пойму, как ты это делаешь?

Жюзьен пожала плечами:

– Бог даёт, Бог и забирает.

Аптекарьша так растрогалась исцелением, что даже руку Жюзьен поцеловала.

– Спите, матушка, отдыхайте, – прошептала Жюзьен, Вам ещё внуков поднимать!

– Да каких же внуков-то, дорогая? Вдовица наша не замужем.

– Скоро выйдет, вот увидите, и детишки посыпятся, как из рога изобилия.

– Твои слова, да Богу в уши! – аптекарьша заулыбалась.

– Да, Вы правы, пойду помолюсь, за одно и с новым священником познакомлюсь, – Жюзьен поднялась, довольная результатом. – Завтра во сколько приходить?

Возле церкви в саду копошился какой-то человек в белом переднике. Жюзьен не обратила на него внимания, подумала, что садовник. Вошла в храм. Там – никого. Только свечи горят. «Давненько я здесь не была, да, с того дня, как крестили Дариена... А ведь грех мой всё ещё со мною. Тяжела будет исповедь!..» – подумала она, услышав позади чьи-то шаги.

– Могу Вам чем-то помочь? – священник снял передник, под ним была сутана.

«Так вот ты какой!» – подумала Жюзьен. На вид ему было не больше тридцати, живые глаза, густые тёмные брови. Не высок, уже лысоват. Приятная улыбка.

– Мне кажется, я знаю, кто Вы... – священник пристально посмотрел ей в глаза.

– Меня зовут Жюзьен.

– Та самая?! – улыбка обнажила его белые зубы.

– Та самая, других тут нет.

– Наслышан...

– От кого же?

Он загадочно опустил глаза:

– Мне тут каждый второй прихожанин говорит, что Вас нужно изгнать.

– Изгоните?

– У Вас есть большой покровитель, – пресвитер прищурил глаза, – он молится за Вас.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 9

– Человеку для счастья нужен только Бог. У Него есть всё, всё, в чём нуждается человек. Каждый новый день мы, открывая глаза, должны знать – есть ещё один шанс всё исправить. Борьба с самим собой сложна, если нет Бога. С Ним – всё просто. Отпускаю грехи твои. Иди, и больше не греши!

Жюзьен поднялась с колен и, перекрестившись, поцеловала предложенную ей столу*.

Священник вышел из исповедальни.

– Он ничего не просил передать? – Жюзьен взглянула с надеждой.

– Кто он? – будто не понимая, спросил клирик.

– Мой большой покровитель, – Жюзьен покраснела.

– А, Ты об этом... – испытующий взгляд. – Нет.

Она кивнула головой и собралась уходить.

– Сказал только, что я буду его глазами, чтобы видеть, ушами, чтобы слышать, и почтовым голубем, чтобы сообщить в случае надобности...

Жюзьен оглянулась. Её улыбка была красноречивее многих слов. Она поклонилась ему и ушла. Грэг смотрел вслед уходящей и не мог оторваться. «Теперь я понимаю, почему епископ так заботится о ней, – подумал он, – а ещё о том, чтобы сохранить эту тайну. Что ж, Ваше преосвященство, Вы выбрали правильного человека. Я Вам ещё пригожусь.»

По дороге домой Жюзьен зашла в мясную лавку и взяла хорошую вырезку. Сегодня у них с Реми не будет постного обеда. Настроение было приподнятое, и хотелось, как в детстве, кружиться от радости. Она – любима, о ней заботятся! Одно понимание этого наполняло Жюзьен тихим счастьем. Вспомнились руки Бернарда, как нежно они прикасались к ней. Провела пальцами по лицу, чуть касаясь кожи, этого ей не забыть никогда. Улыбка не сходила с губ, и на щеках появились ямочки.

Она вбежала в дом и сразу же приступила к приготовлению обеда. Пела, пока мыла руки, пела, пока чистила картошку и жарила мясо... Весь мир казался ей таким добрым и прекрасным по одной простой причине, что где-то живёт человек, который думает о ней.

В это время Епископ заканчивал службу. Отпевали одного богача, который с трудом помещался во гробе. Шестеро крепких ребят еле справлялись, чтобы его нести. «Воистину, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко...» – подумал Бернард, провожая взглядом процессию. Сегодня он испытывал особенную наполненность благодатью. Будто в сердце появилось маленькое солнышко и греет его изнутри, ласкает золотыми лучами. «Жюзьен!» – вспомнил он дорогое имя и незаметно улыбнулся самому себе.

Щедрое пожертвование Церкви вдовой усопшего тоже приподняло настроение.

– Я буду молиться о его душе, обещаю Вам. Бог милостив, ему зачтутся все добрые дела и поступки, ведь все знают, каким большим благотворителем был Ваш муж...

Вдова поцеловала епископский перстень и залюбовалась всё ещё красивым Его Святейшеством. Она бы с радостью забыла о горе, помани он её хотя бы пальцем. Тем более, что оставшееся ей в наследство огромное состояние только придавало особую торжественность всему происходящему. Молодая женщина отмучилась своё с неприятным ей человеком и теперь вздохнула с облегчением.

– Если бы Вы навестили меня, монсеньор, я была бы безмерно рада и благодарна Вам.

Он сразу же уловил похотливые нотки в её голосе и искорки в блестящих глазах. Было понятно, о каком вознаграждении идёт речь.

– Увы, дорогая моя, в ближайшее время этого никак не получится, очень много скопилось неотложных дел. Но Вы останетесь в моих молитвах, и я верю, Господь поможет Вам пережить это горе, – он чуть наклонил голову, прощаясь, и без промедления ушёл.

Снимая облачение, Бернард думал о том, какая огромная разница в ощущениях: лучистое солнце в груди или прелюбодеяние. Любовь не казалась грехом. Как может быть плохим то, что идёт от сердца?

«Она чужая жена!» – упрекнула беспристрастная совесть.

«Я люблю её. Это преображает всё. Всё покрывает. Высокое чувство делает нас крылатыми и уносит к вершинам духа. Любовь – вот, всё, что нужно человеку, чтобы ощущать полноту бытия... Моя Жюзьен далеко, но я знаю, что она существует! И нет ничего дороже этого в жизни.»

* стола – элемент литургического облачения католического клирика. Шелковая лента 5 —10 см в ширину и около 2 метров в длину с нашитыми на концах и в середине крестами, то же что епитрахиль в православной церкви.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 10

– Откуда такое пиршество? – Реми не поверил своим глазам, в пустом желудке заурчало, но он посмотрел на себя и решил вначале искупаться.

– Я ходила в аптеку, немного помогла. Ренне милостиво предложил мне работать у него каждый день, это аванс.

– Ты согласилась?

– Прости, что не посоветовалась с тобою, но мы сейчас нуждаемся...

– Я собирался на заработки уже на будущей неделе.

– Реми, сколько можно убиваться на каторжной работе и постоянно жить в разлуке? Мне обещали достойную оплату. Не лучше ли тебе заняться домом, привести хозяйство в порядок. Дариен уже подросток и теперь с ним нет больших хлопот, он может быть с тобою рядом, ты его всему обучишь. Мальчику нужен отец.

В его глазах сверкнула обида. Реми снял рубашку, промокшую от пота, ведь он весь день чистил опустевший хлев.

– Отец, говоришь? По-твоему, я не достаточно хорошо справляюсь? Или это не мой сын?

У Жюзьен опустились руки. Если она когда-то и могла открыть ему правду, то явно не в этот момент, когда мужа и так переполняет ревность.

– Я совсем не это имела в виду! Мальчику лучше больше общаться с мужчиной, чтобы вырасти полноценным. У материнской юбки не научишься мужским премудростям.

– Со временем я бы стал брать его с собой, как мой отец, и всему бы обучил. Сейчас он слишком мал. – Реми, обнажившись, залез в бочку.

Жюзьен взяла в руки кувшин, почерпнула из чана тёплую воду и полила мужу на голову, он, фыркая от удовольствия, умылся.

«Господи, умягчи его сердце! Позволь мне помочь ему и себе. Упрямство у нас в крови... Но Ты можешь всё!»

Реми намылил тело, за эти годы он стал ещё более мужественным, мускулистым. Крепкий литой торс ещё не заматерел, но уже был не мальчишеским, а вполне зрелым.

Жюзьен невольно им залюбовалась и провела ладонью по пенной спине.

– Опять колдуешь?

– О чём ты?

– От одного прикосновения обожгла... – он поднялся из воды возбуждённый и хотел притянуть её к себе, но в этот момент вернулся Дариен, он играл весь день у соседских мальчишек. Реми опустил обратно в воду и продолжил своё купание.

– Не запрещаешь мне, прошу тебя! Нам давно пора что-то менять. Нельзя катиться как шар по накатанной родителями дороге. Я мечтаю дать Дариену образование, чтобы у него было будущее.

– У нас его, по-твоему, нет?

– Не такой трудной доли я ему желаю.

– Что ж ты не осталась у того, кто мог дать тебе другую?

Реми выскочил из бочки и, схватив полотенце, начал вытираться.

Настроение было окончательно испорчено, Жюзьен больше не хотелось с ним говорить.

«Эти упрёки никогда не закончатся, а разве можно так жить?»

«Других мужа избивают за измены, твой же только упрёкнул. Терпи, заслужила.»

«Мне тебя сейчас совсем не хочется слушать!» – мысленно ответила Жюзьен своему внутреннему голосу, и вышла из дома поплакать. Как всегда туда, где когда-то схоронили бурёнку.

«Я устала быть виноватой! Только с Бернардом я забывала, кто я!.. С ним я могла быть слабой и беззащитной и знала, что он не даст меня в обиду,» – горькие слёзы снова капали на бугорок, где до сих пор не росла даже трава.

«Потерпи, родная, всё перемелется, мука будет. Жизнь такая сложная, что сразу и не поймёшь, как правильно поступить. Не убивайся. Дай себе время. Терпения даны нам для укрепления. Самый лёгкий путь – уйти во грех, но выйти из него очень непросто.»

«Я ведь только хотела помочь ему! Ты же знаешь, я его люблю...»

«Избавишься от эгоизма – легче будет переносить боль».

– Прости меня, я не хотел!.. Вырвалось. – Реми стоял позади неё, опустив голову.

Жюзьен оглянулась, стирая кулаком с лица последнюю слезинку.

– Теперь ты всю жизнь будешь меня попрекать?!

Реми покачал головой, что мол, нет.

– Так я могу пойти на работу? – уже мягче спросила жена.

– Пусть будет так.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 11

– Скажи, он тебя не обижал? – ни с того ни с сего спросил Реми, когда они легли в постель.

– Нет... Зачем ты мучаешь себя?

– Может быть, если я пойму, как и почему это произошло, то смогу простить... Боль не отпускает меня, оттого я и терзаю нас обоих. Расскажи мне обо всём, что случилось, прошу!

– Я ушла из дома, чтобы спасти Дариена. Два месяца мы скитались от одного святого места до другого и почтили семь святых: Самсона, Патерна, Корантина, Павела, Тюгдуая, Бриега и Мало. У всех у них я искала защиты и покровительства для нашего мальчика! Мы нуждались и просили подаяния, добрые люди иногда принимали нас на ночлег, а иногда приходилось ночевать и под открытым небом. В церквях принимали и кормили, но, чуть оправившись, мы с сыном вновь отправлялись в путь. Когда малыш уставал, я несла его на руках или на спине целыми днями. Ты же знаешь, я не взяла из дома ни су. Наша одежда обветшала и ботинки стёрлись...

– Ты всё ещё продолжаешь настаивать, что ему угрожал какой-то колдун?

– Не веришь мне, спроси повитуху, кто навещал меня в день родов, пока ты ездил за врачом?! И аптекарь подтвердит.

– Я спрашивал. Никто не знает, о чём вы говорили и что произошло, когда ты рожала...

– Значит, остаётся только поверить мне на слово!

– Так чем же он грозил?

Жюзьен рассказала всё, как было.

Реми и верил, и не верил ей.

– Хорошо, тогда как ты попала в руки того богача?

– Не богач он, а епископ.

Реми даже сел, у него перехватило дыхание.

– Ты... с епископом?!

– Он принял нас, устроил на ночлег, велел дать новую одежду. А на следующий день принял мою исповедь.

– С чего вдруг такие милости?

– Он помнит меня ещё ребёнком, когда приезжал в наш город и посетил приют будучи ещё секретарём Его Святейшества.

Реми молча переваривал всё услышанное, только глаза впотьмах блестели взволнованно.

– Пока я исповедовалась, Дариен исчез, – продолжила Жюзьен, – камердинер, что смотрел за ним, лежал на полу мёртвый. Сына нигде не было. Бернард бросил всё, чтобы помочь мне его разыскать. Он поверил мне, хотя история про колдуна казалась ему фантазией.

– Ты зовёшь ЕГО Бернардом?! – Реми вытаращил глаза.

– Монсеньор, Его Святейшество, какая разница! Это один и тот же человек!

Реми пребывал в прострации. Он представить себе не мог ничего подобного. Где они – простые деревенские люди, а где епископ всей Бретани?! Однако же, он видел этого человека собственными глазами!

– Хорошо, вы искали ребёнка, и в тот день приехали сюда...

– Да. И то, что мы увидели, было ужасно! – Жюзьен даже отодвинулась от него при этих словах.

– Ну, допустим, вы подружились, – он с трудом выговорил последнее слово, – и епископ вместе с тобой разыскивал Дариена, что было потом?..

История битвы с колдуном и прозрения Дариена вообще не укладывалась в его голове, да и какой нормальный человек в это может поверить, даже если живёт рядом с ведьмой уже

много лет? Она при нём на метле не летала и чудес не показывала. А что люди болтают, так на то они и люди, одно у них развлечение – языком молотить, да небылицы рассказывать.

– А дальше?

– Дальше я попросила Берн... прости, монсеньора, – поправилась она, – найти моих братьев. Ведь у него есть авторитет и связи. И мы несколько дней занимались их поисками.

– Нашли?

– Нашли. С ними всё хорошо, они уже совсем взрослые парни. Их удочерила одна очень хорошая женщина, аристократка, – «неужели я это сказала о НЕЙ?!» – мои братья получили образование и собираются поступать в университет. Конег увлекается литературой и хочет стать учителем, а Бастиан – архитектурой и мечтает проектировать мосты...

Реми притих, он и слов-то таких не слышал. Всю жизнь, кроме земли, и не видел ничего, пахал и сеял, собирал урожай, выгребал навоз, помогал строить в деревнях дома, всё как все, к кому он привык с детства. Та жизнь, о которой сейчас рассказывала ему жена, была чем-то далёким и неизвестным, другой заоблачный мир. Он тяжело вздохнул, представляя свою ненаглядную в этой совсем незнакомой ему обстановке. Когда-то она пришла в их дом, не похожая на других, чужая, и говорила как-то странно, будто маленькая леди, умела читать... Со временем и Реми понял, как складывать эти закорючки, называемые буквами, в своей голове. Читал и писал он лучше, чем брат, возможно, только потому, что хотел всё свободное время проводить рядом с Жюзьен, слушать её и тайком дотрагиваться до тонких пальчиков, когда она терпеливо объясняла ему что-то. Теперь она вновь полна желания вернуться к той, другой жизни, и разве можно её за это винить? Ведь, положив руку на сердце, он всегда знал, что Жюзьен и деревня несовместимые понятия. Уйдёт и Дариена заберёт, если он будет вести себя и дальше, как ревнивый идиот. Но как же не ревновать её?!

– Как это произошло?

– Больше я тебе ничего не скажу, не своди меня с ума! – она хотела уйти, но Реми крепко схватил её за руки и прижал своим телом к постели.

– Ты сделала это из благодарности? Ответь, я должен знать!

– Меня не принуждали, если ты об этом. Пришло чувство, которому я не смогла противостоять.

– Он тебе в отцы годится! Он – священник!

– Может быть, теперь ты мне расскажешь о той, что грела тебе здесь постель? – огрызнулась Жюзьен и даже чуть его не укусила, когда Реми попытался поцелуем закрыть её уста. Она запустила в него ногти, и Реми вскрикнул от неожиданности. – Правда за правду, кто эта дрянь?!

– Так, приبلудная потаскушка, за бутылку, где пригреют, там и спит...

– Врёшь! Ты бы на такую, даже смертельно пьяный, не позарился. Кто она?! – Жюзьен взвилась и одолела над ним верх, повалив в этот раз его на лопатки.

– Она – никто. Совсем никто. Не будем об этом.

– Почему ты её защищаешь, Реми? Боишься, что могу навредить? Значит, эта змеюка из местных, и мне знакома?! Если бы я тогда не увидела тебя с ней, не было бы ничего.

– Так ты назло мне значит, отомстила?!

– Ты не знаешь, как мстят! – ярость завладела Жюзьен и бесовщина проснулась, ей до безобразия захотелось причинить ему боль, такую, чтобы он корчился и умирал.

– Что ты делаешь? Опомнись! – тело Реми задергалось судорогами. Жюзьен, вовремя собрав всю силу воли, остановила чёрный поток.

– Не зли меня! Ты даже не представляешь, на что я способна!

Он только стонал и извивался, словно его проткнули одновременно множеством ножей.

– Кто она?!

– Кристель.

Словно гром среди ясного неба. Жюзьен опешила от этого имени.

– Мы долго пили вместе, разделяя общее горе... Прости, я ничего не соображал.

Жюзьен накинута плащ, обула на босы ноги сабо* и вышла из дома в холодную мглу. На безоблачном небе сияли далёкие звёзды, она увидела Кассиопею, пять ярких звёздочек сложились в знакомую букву «w», слёзы медленно потекли по щекам. Если бы она могла, если бы только могла...

*сабо – деревянные башмаки, которые бедняки использовали для работы по хозяйству и не только.

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 12

«Ах, был бы ты сейчас рядом, Бернард! Мы б уехали отсюда навсегда!.. Зачем? Зачем я пришла в это Богом забытое место, зачем выбрала этот дом?!» – слёзы всё текли, а она куда-то шла, даже не отдавая себе отчёта. Ноги замёрзли в деревянных башмаках, к голому телу тоже пробрался холод, ведь под плащом была только тонкая ночная рубаха. Она остановилась, задумчиво огляделась вокруг, и оказалось, что стоит перед домом, который строили для Адриана, теперь в нём восседает на троне Кристель. То, что когда-то сделала с ней Жюзьен, открыло в этой женщине бешенство плоти, и ударило теперь по создательнице, в самое больное место.

Жюзьен стояла перед её окнами с распущенными волосами, которые поднимались во все стороны от порывов ветра словно змеи, её глаза пылали огнём. Если бы кто-то увидел её такой, то сразу бы всё понял. Кровь закипала, и единственная мысль: уничтожить проклятую предательницу, покусившуюся на её мужа, заглушала голос отца Эдуарда, взывающий: «Жюзьен, остановись!»

Она не могла думать и не могла противиться, мощный поток чёрной силы наполнял её, готовый в любой момент ударить и спалить всех живьём.

Реми бежал за ней, он знал, куда она пойдёт, его сердце бешено стучало в груди. Когда он увидел жену, она уже подняла кверху руки, в её глазах пылал чудовищный огонь, губы что-то еле слышно произносили, чужим грубым голосом.

Реми понял, если попадётся под руки ей сейчас, предыдущая боль покажется ему пустяковой. Она просто сотрёт его в порошок и завтра утром раздаст в аптеке.

Всё, что пришло на ум, – это взять бочку, стоящую под ливнёвкой и окатить её водой. И как только ему удалось поднять такую тяжесть? Словно кто-то невидимый помогал в эту минуту. Водяной удар чуть не свалил Жюзьен с ног, и она хватанула воды ртом, после чего сильно закашлялась. Вся промокшая на ледяном ветру, она очнулась. Реми схватил её на руки и, насколько хватало сил, бросился бегом к дому. Там скинул с жены плащ и, сорвал мокрую рубашку, закрутил в одеяло и положил на кровать, прижал собой, да так, чтобы у неё и мысли не было вырваться. Он понимал, что может сдержать её человеческие силы, но, если бы она захотела и включила другие – даже железные цепи не удержали бы её.

Теперь он верил от первого до последнего слова в то, о чём говорила накануне Жюзьен: и в колдуна, и в сражение с ним... Он видел её в действии и осознал, что нет дыма без огня. Его супруга – настоящая ведьма. Но вот что странно, любить её меньше от этого он не стал. И остановил не ради Кристель, а ради неё самой, ведь, вопреки всему, Жюзьен имеет чувствительное и нежное сердце.

И вновь она лежит не живая, не мёртвая. Этот ступор ему уже знаком, из него Жюзьен выведет только бурный поток слёз, пробуждающий к жизни. Настало время ему каяться во всех своих грехах, ведь то, что произошло сегодня – случилось по его вине.

– Прости меня, прости, ради Бога! У меня и мысли такой никогда не было, изменять тебе. Жюзьен дёрнулась всем телом.

– Послушай, только послушай! Никого на свете нет для меня дороже тебя. Ты – вся моя жизнь! А то, что случилось – затмение. Я был не в себе, считал, что ты меня бросила, об этом все говорили. Мы получили извещение о смерти брата и не успели его оплакать, как умер от горя отец... Во мне что-то надорвалось, и я начал гасить эту адскую боль спиртным. Не знаю, сколько пил, хотел упиться до смерти, и как эта женщина оказалась со мной в постели, тоже не помню. Она – больной человек. Её можно только пожалеть. Брат не выдержал, потому и сбежал в армию.

Жюзьен пыталась освободить руки и ударить его, её мокрое лицо билось из стороны в сторону и, если бы он крепко не зажал ладонью ей рот, она бы кричала.

К счастью, у Дариена всегда был крепкий сон, иначе бы ребёнок испугался.

Реми продолжал говорить, покрывая поцелуями солёные веки жены:

– Прости меня! Прости её, эта женщина больна, она не владеет собой. Меня рвало после этого несколько дней. Я был сам себе противен. Но ты же не такая! Ты – добрая! Ты умеешь прощать, умеешь любить, я знаю, какая ты, Жюзьен!

Она продолжала биться, но уже слабее и отбросила попытки укунить его ладонь.

– Ты любишь меня, иначе бы не вернулась. И я люблю тебя, больше жизни люблю! Если хочешь, убей меня и возвращайся к нему. Я всё приму!..

Жюзьен затихла. Реми убрал ладонь, освободив ей рот. Уже наступал рассвет. Он увидел лицо жены, покрытое красными пятнами, опухшее от слёз, но всё такое же родное и бесконечно любимое. В изнеможении лег рядом с нею. Его не покидало чувство, что всё это время кто-то помогал ему сдерживать Жюзьен, а теперь оставил, и у самого Реми не было сил даже пошевелиться.

– Спасибо тебе!

Реми от неожиданности вздрогнул.

– Благодарю, что не позволил мне сделать то, о чём бы я сейчас горько сожалела...

ЧАСТЬ 4. ГЛАВА 1

– Ты только что признался мне в любви... Впервые за столько лет! Как же долго я ждала!.. Реми улыбнулся.

– Я берёг эти слова для особого случая. Ты знала, что я люблю тебя с того самого дня, когда впервые увидел, ещё маленькую, но уже такую самостоятельную. Никогда не встречал девочек с такими яркими огненно-красными волосами, с такими удивительными глазами и такой решимостью творить свою судьбу... Мы можем уехать, если ты хочешь.

– У меня есть дело, которое нужно довести до конца, а там посмотрим.

– Жюзьен! Неужели ты опять за своё?!

– Не беспокойся, то, что было ночью, не повторится.

– Подумай хотя бы о её родителях, ведь они всегда были к тебе добры...

– Реми, – Жюзьен уже выбралась из-под одеяла, в которое он её запеленал и обнажённая легла на мужа.

Восходящее солнце играло на белоснежной коже золотыми лучами, а в волосах – пламенем, и от этого у него перехватило дыхание.

– Доверься мне!

Он испытующе заглянул в глубину её каре-зелёных глаз.

– Я же сказала, что больше это не повторится! Мне нельзя терять самообладание, пока оно есть, я способна контролировать себя.

– Я уже понял.

Они оба рассмеялись.

– И кто тебя надумил облить меня ледяной водой?

– Не знаю, ничего другого не придумал, даже не представляю, как смог поднять бочку, наполненную до краёв! Словно кто-то помогал...

– Я даже знаю, кто! – Жюзьен загадочно улыбнулась.

– Ну-ка, признавайся, жёнушка, какие ещё тайны ты от меня скрываешь?! – теперь он накрыл её собой.

– Даже под пытками не скажу! Это – святое.

– А ему сказала?

– Опять ты!.. Да, сказала, но то была исповедь.

– Епископу повезло, у него есть ключ от твоей души, и ты его в неё впустила! – глаза опять наполнились печалью, а сверху вновь оказалась Жюзьен.

– Забудь обо всём! Есть только ты и я.

Горячие губы соединились, и страсть разлилась по венам. Никто и ничто не стояло в этот миг между ними, две извечных стихии объединились и вспыхнули новой звездой, сжигая все препятствия и обиды, горечь и боль.

– Я хочу ребёнка. Твоего ребёнка, Реми! – чуть слышно прошептали её губы, когда обесилевшие они оторвались друг от друга.

Эти слова заставили его задуматься о том, о чём он усердно старался не думать все эти годы, отгоняя сомнения:

«Видимо, брат оставил после себя не только медаль...» – подумал Реми, но даже этот вывод не мог его сейчас расстроить, потому что душа и тело пребывали в полной гармонии и неге. Таким счастливым он был разве что в их первую ночь.

ЧАСТЬ 4. ГЛАВА 2

Несколько недель Жюзьен ждала встречи с Кристель, но та, прознав, кого отец принял на работу, и носа не показывала. К тому же, ей приснился страшный сон, что ведьма сожгла её дом вместе со всей прислугой.

«Чёрт меня попутал с её муженьком связаться! – корила себя Кристель. – Кто ж знал, что она вернётся?! Все в деревне судачили, что сбежала проклятая... Да и радости большой от него я не поимела, слабак, да и только! И в подмётки братцу не годится. Тот был силён!.. – при воспоминании о муже и сейчас в ней кровь играла, только нету его теперь. – Кто же умудрился огромную бочку с водой во дворе опрокинуть? Никто из домочадцев не знает, а это внушает страх. Отец будто не видит, с кем связался. Всё пылинки с неё сдувает, жаден старик до денег, а она ему выручку приумножила, наверняка, колдует над травами, чтоб они особенный эффект на людей производили...»

Подошла Кристель к окну и похолодела. Жюзьен стоит напротив дома и смотрит прямо ей в глаза, будто все мысли её читает. Кристель отскочила от окна и несколько раз перекрестилась. Ещё раз глянула, нет, не примерещилось, стоит ведьма, глаза таращит. Поджилки затряслись, в животе засосало от этого взгляда. Позвала Денизу.

Служанка прибежала, вытирая о фартук руки.

– Если спросит меня Жюзьен, скажи, не принимаю, плохо мне, голова болит.

– Так она уже вошла.

Кристель обернулась, и ноги подкосились. Жюзьен на пороге, и лицо её не предвещает ничего доброго.

– Голова, говоришь, болит?! – злорадно переспросила ведьма. – Так давай, помогу, мигом вся хворь отойдёт! Не чужие, поди, друг другу!

– Ты это, не надо ничего, – заикаясь промямлила сноха, – иди подобру-поздорову, само пройдёт! Дениза, а ты останься! – крикнула она желающей вернуться к работе на кухне служанке.

– Иди, Дениза! – сказала Жюзьен, голосом не терпящим пререканий. – Дело у нас с нею одно важное имеется, закончить бы надо! Да не тревожь, пока не позову, дверь закрой!

Служанка ушла, всё сделав как приказано.

Кристель отступила шаг назад и, уткнувшись в скамью задом, села.

– Страшно тебе?! – засмеялась Жюзьен. – Да ты не бойся! Коль раньше тебя не убила, так уже не стану. Скажи спасибо, что муж у меня добрый: не дал беде случиться.

От этих слов ледяной холод прошиб Кристель все внутренности сверху донизу.

– Ничего сказать не хочешь?

– П-п-прости меня, грешную, бес попутал... Не губи, красавица, не хозяйка я себе – как познала плотскую жизнь, так больше ни о чём и думать не могу! – слёзы брызнули из глаз, Кристель дрожала, как осина на ветру.

– Что ж... Все заплатились сполна! Дай Бог силы закрыть эту чёрную дыру!

Жюзьен подошла к ней. Кристель прикрыла ладонями лицо, будто ей сейчас глаза выкалывать начнут, а может просто стыдно было, кто её знает, и о какой дыре речь, кто поймёт?

– Святой Самсон! Святой Патерн! Святой Корантин! Святой Павел! Святой Тюгдуаль! Святой Бриег! Святой Мало! Покровители земли Бретани, помогите! Эту женщину от напасти колдовской освободите! Сполна расплатились все за сговор с сатаной. Позвольте ей идти дорогою иной. Желанья плоти в непотребствах остудите, молитесь, братья, и её освободите!.. – несколько раз повторила она эти слова и ещё что-то шептала, чего Кристель уже было не разобрать. Трещало что-то в воздухе над головой, будто иглами в живот кололо, а потом вырвало горемычную, да какой-то тёмной гущею, на кровь похожей. Жюзьен была рядом, тазик вовремя

подставила, молитвы не прекращала, скорбела о зле сотворённом ею, да тут уж ничего не делаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.